

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК (327) (510) (043)

На правах рукописи

ЕРМЕКОВ АЛИБЕК БАЛГЫНБЕКОВИЧ

**Институционализация китайского влияния в ЦА, в контексте аспектов
региональной секьюритизации**

8D03106 - Регионоведение

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
Деловарова Л.Ф. PhD
Srikanth Kondapalli
Профессор

Республика Казахстан
Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ.....	25
1.1 Неоклассический реализм в контексте аспектов секьюритизации	25
1.2 Неолиберализм в международных отношениях: институционализация и секьюритизация.....	28
1.3 Теория комплекса региональной безопасности и ее роль в процессе институционализации.....	37
1.4 Роль и место концепции «стратегической периферии» в рамках институционализации.....	47
2 ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ (КЕЙС СТАДИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ ЦА)...	59
2.1 Геоэкономика как фактор институционализации и секьюритизации в Индо-тихоокеанский регион	59
2.2 Геополитические аспекты секьюритизации в Индо-тихоокеанский регионе	65
2.3 Геоэкономические аспекты секьюритизации в ИТР, в контексте институционального строительства	72
2.4 Формирование экономического пояса «Север-Юг» как один из примеров китайского институционального строительства.....	88
3 ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КНР В ЦА В НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЯХ	101
3.1 ШОС в процессе секьюритизации и институционализации китайского влияния	101
3.2 Роль Инициативы «Пояс и Путь» в процессе секьюритизации и институционализации китайского строительства.....	126
3.3 Геоэкономические трансформации в ЦА в контексте отношений с Китаем.....	145
3.4 Вызовы и риски институционализации: пример синофобии....	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСКО ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	175

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АБИИ	Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
AUKUS	Австралия Соединенное Королевство Соединенные Штаты Америки
БРИКС	Бразилия Россия Индия Китай Южно-Африканская Республика
ВВП	Внутренний Валовый Продукт
ВГУ	Взаимное Гарантированное Уничтожение
ВТО	Всемирная Торговая Организация
ГАТТ	Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ДРСМД	Договор о ракетах меньшей и средней дальности
ЕАЭС	Евразийский Экономический Союз
ЕС	Европейский Союз
ИТР	Индо-Тихоокеанский регион
ИПП	Инициатива Пояса и Пути
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая партия Китая
КПЭК	Китайско-пакистанский экономический коридор
МФВ	Мировой Валютный Фонд
НАТО	Организация Североатлантического договора
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
ОБСЕ	Организация Безопасности и Сотрудничеству в Европе
ОДКБ	Организация Договора Коллективной Безопасности
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
РК	Республика Казахстан
РУ	Республика Узбекистан
РТ	Республика Таджикистан
РСМД	Ракеты меньшей и средней дальности
РФ	Российская Федерация
ТКРБ	Теория Комплекса Региональной Безопасности
СБСЕ	Совещание по Безопасности и Сотрудничеству в Европе
СНВ	Сокращение Наступательных Вооружений
СВМДА	Совещание по мерам доверия в Азии
США	Соединенные Штаты Америки
ЮВА	Юго-Восточная Азия
ШОС	Шанхайская Организация Сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования. Данное диссертационное исследование посвящено изучению эволюции основных концептов секьюритизации и институционализации Китая с наложением определенной проекции на формирование региональной политики КНР в Центральной Азии с момента формирования китайско-американского стратегического соперничества и усиления конфронтации в российско-западных отношениях. Особенностью политики Китая в 2010-х гг., стало развитие институциональных основ в его внешней политике, в частности и в Центральной Азии. В рамках данной работы автор анализирует процесс китайского институционального строительства в регионе ЦА, а также формирования новых, азиатско-центрических паттернов безопасности. В ходе исследования одновременно рассмотрены причинно-следственные связи между институционализацией китайского влияния в регионе и теми геополитическими событиями, которые имели место быть в данный период, т.е. период 2010-х и начала 2020-х гг.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования лежит в изучении новой геополитической плоскости региона Центральной Азии, а также новой роли самого Китая, как и в региональном, так и в глобальном контексте.

Формирование китайской внешней политики, в предыдущие два десятилетия, в период после окончания холодной войны, развивались в контексте относительно стабильной международной системы, в период существования «однополярного момента» США. На глобальном уровне, это выразилось в распаде паттернов биполярного противостояния периода холодной войны. Баланс сил, и его военные элементы, стали играть менее значимую роль в международных делах. Усиление глобальных экономических связей, а также рост экономической взаимосвязи, привели к формированию такого феномена как геэкономика. США и Россия, искали новый формат сотрудничества. Европейский континент перестал выработать актуальные вопросы военно-политического характера, и расширение таких Западных институтов, как НАТО и ЕС стали ведущим геополитическим трендом в европейских делах, в 1990-х и 2000-х гг.

Основной спектр секьюритизации ложится в рамках геополитического подъема Китая. После реформ Дэна Сяопина, Китай переживает быстрый экономический рост, что в последствии стало выражаться в его активной глобальной институциональном строительстве [1]. Во время правления Ху Цзиньгао, Китай аккумулирует значительное экономическое влияние, что повышает его международный статус на уровень великой державы [2]. Экономический рост сказывается на военной модернизации, и соответственно, это влияет на смену регионального баланса. Далее, при Си Цзиньпине, паттерны китайской внешней политики существенным образом отошли от четырех дилемм - заветов Дэна Сяопина [1, с. 137]. Отличительной особенностью внешней

политики при Си, стал ее более активный характер. Так, Китай приступил к глобальному институциональному строительству, в рамках Инициативы Пояса и Пути (ИПП), а также международная система охарактеризовалась сменой глобального баланса сил.

Китайскую политику в Евразии, в частности Центральной Азии, условно можно разделить на два этапа. Первый этап, это период конца 1990-х и до середины 2010-х гг. Данный отрезок характеризуется нарастанием китайского экономического присутствия в Центральной Азии. Во второй половине 2000-х гг., более чем половины внешней торговли Кыргызстана и Таджикистана приходилось на Китай, т.е. период 1990-х и 2000-х гг., характеризуется расширением китайского экономического потенциала. В казахстанской доле внешней торговли Китай занял одно из ведущих положений. Далее, в 2010-х гг., в рамках ИПП происходит институционализация китайского влияния. Так, в сентябре 2013 г., в Астане, глава КНР, Си Цзиньпин провозглашает Срединный путь, а в октябре того же года, в Джакарте, Морской путь [3]. Это приводит к увеличению китайских инвестиций в те страны, которые находятся в данном направлении.

В 2000-х до 2010-х гг., происходит усиление китайского влияния в ЦА. Китайская стратегия в регионе преимущественно была обусловлена вопросами энергетической безопасности, а также в сдерживании терроризма. В политическом отношении, это выражается в создании ШОС, т.к. Пекину было необходимо легитимизировать свое влияние в регионе, который традиционно был российской сферой влияния [4]. Создание ШОС привело к формализации механизмов региональной безопасности, в рамках рационального российско-китайского баланса [5]. С 2010-х гг., возрастает роль транспортно-логистического фактора, первоначально Казахстана, а затем уже и других стран региона, Кыргызстана и Узбекистана, включая ковидный период. Все это свидетельствует о том, что Китай сумел преобразовать свой геополитический и геоэкономический потенциал, в стратегию институционализации и при усилении паттернов секьюритизации. С ковидного периода, отмечается процесс институционализации китайского влияния в регионе, который носит несколько иной характер, чем который был в предыдущие два десятилетия.

Особенностью китайской стратегии в регионе ЦА, является его возросший геоэкономический компонент. Актуальность феномена геоэкономики заключается в том, что это создает и продвигает новые паттерны безопасности. Раньше, стратегическое взаимодействие между великими державами происходило на уровне силовой политики (power politics), что является частью жесткой безопасности [6]. Геоэкономика, в свою очередь, определяет новые паттерны безопасности периода глобализации. И регион ЦА выступает в качестве классического примера, применения данных геоэкономических мер и средств. Также геоэкономика выступает основным технико-экономическим локомотивом институционализации китайского влияния в регионе.

После 2022 г., усиления российско-западного геополитического конфликта вокруг Украины, происходит нарастание китайско-российского сотрудничества,

что меняет глобальный баланс сил. В данном случае, можно отметить усиление китайского влияния в Центральной Азии. Трансформация глобальной конфигурации баланса сил, оказала существенное влияние на ШОС. Для стран Центральной Азии, это актуализирует азиатский вектор в их внешней политике и безопасности, и создает дополнительный механизм балансирования в сложных геополитических реалиях.

Таким образом, Центральная Азия с каждым годом приобретает большее геоэкономическое и стратегическое значение для Китайской Народной Республики и это требует советуемых подходов и исследований. В рамках актуальности данного исследования фокусом являются именно процессы институционального строительства на фоне усиления паттернов безопасности как в самом регионе Центральной Азии, так и по его периметру.

Объектом исследования является институциональное строительство Китая в его региональных стратегиях.

Предметом исследования является дипломатическая стратегия Китая в регионе Центральная Азия в условиях изменения концептов безопасности.

Цель диссертационного исследования определяется актуальностью и заключается в том, чтобы на основе анализа теории и практики внешнеполитических механизмов Китайской Народной Республики выявить проблемы и возможности реализации основных аспектов институционального строительства Китая в контексте развития новых паттернов безопасности в Центральной Азии.

В рамках указанной цели автором были поставлены следующие задачи:

- На основе анализа широкого спектра теорий международных отношений определить методологию для анализа эволюции современной китайской внешней политики в некоторых аспектах секьюритизации и институционального строительства КНР на современном этапе.

- Определить роль Теории комплекса региональной безопасности (ТКРБ), а также роль китайских теорий международных отношений для понимания современных внешнеполитических устремлений Китая.

- Принимая во внимание новые геополитические условия, исследовать геоэкономические механизмы во внешней политике Китая.

- Выявить особенности дипломатической стратегии КНР по продвижению институционального строительства в новых реалиях при смещении баланса сил и укрепления безопасности на примере Индо-тихоокеанского региона.

- На основе имеющейся практики и опыта, определить потенциальные механизмы эволюции секьюритизации и институционализации в Центральной Азии, через призму развития ШОС и ИПП.

- Определить потенциал китайского влияния в Центральной Азии посредством существующих механизмов и растущего дисбаланса в международных отношениях, в том числе по периметру региона.

- Оценить влияние смены баланса сил на процесс институционализации китайского влияния в регионе Центральной Азии с учетом социально-политических рисков.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х до 2024 гг. Этот период обусловлен сменой глобального стратегического ландшафта, который определяет развитие современной геополитической динамики и изменение роли Китая в регионе Центральная Азия.

Теоретико-методологическая основа исследования. В ходе анализа исследуемой в диссертационной работе проблематики автором был использован комплекс теоретико-методологических подходов, направленных на изучение внешней политики Китая в контексте усиления тенденций секьюритизации. В процессе написания диссертации были использованы количественные и качественные методы исследования; элементы событийного анализа, контент анализа и др. Также были проведены глубинные интервью с казахстанскими и центральноазиатскими экспертами для понимания целостной картины и далее был использован системный подход, а также сравнительный анализ.

В качестве основного теоретического подхода определена теория комплекса региональной безопасности, которая позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на формирование институционального строительства КНР в период правления Си Цзиньпина. Одно из значимых положений занимает концепция секьюритизации Б.Бузана и О.Вейвера. Теория комплекса региональной безопасности, позволяет понять многие аспекты и механизмы развития процесса институционализации китайского влияния не только в ЦА, но и во всем мире [7].

В процессе анализа институциональной стратегии Китая, автор диссертационной работы обратился к теории неоклассического реализма Дж. Миршаймера, которые объясняют базовые внешнеполитические устремления КНР [8], в особенности в период правления Си Цзиньпина. Теория неолиберализма позволяет понять внешнеполитическое поведение КНР в двух ключах. В политическом значении это «интеграция» Китая в проамериканские институты в начальный период после окончания холодной войны. Т.е. согласно мнению американских экспертов, это должно было привести к политической либерализации [1, с. 33]. Теория комплексной взаимозависимости Кеохейна и Ная объясняет базовые геоэкономические механизмы [9].

Автор диссертационной работы также обратился к системному подходу и методу сравнительного анализа. Здесь объектами сравнения выступали определенные регионы мира, в частности в контексте китайских геоэкономических механизмов в Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, а также в Южной и Центральной Азии.

Еще одним методом, выступало глубинное интервью экспертов из стран Центральной Азии, преимущественно региональных экспертов, из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана.

Таким образом, использованные автором диссертации теоретико-методологические подходы в изучении институционального строительства

Китая, способствовали комплексному исследованию заявленной в диссертации проблематики.

Научная новизна. В диссертационном исследовании представлены следующие научные результаты, определяющие новизну работы:

- на основе анализа широкого круга источников и документов и используя классические и новые теории безопасности, впервые научный оборот вводятся такие понятия как «азиатизация паттернов безопасности» в Центральной Азии и «институциональное строительство Китая»;

- выявлен сложный комплекс политических и экономических процессов построения новой внешнеполитической стратегии КНР на примере Индо-тихоокеанского региона, что является показательным кейсом для других регионов, в том числе и ЦА;

- сделан системный и комплексный анализ дипломатической стратегии Китая по продвижению многосторонних институтов посредством анализа трансформации ШОС и продвижения инициативы Пояса и Пути с проекцией на Центральную Азию;

- автор предлагает новый научный взгляд на евразийскую стратегию Китая при Президенте Си Цзиньпине, которая определяется геэкономическими параметрами и новой расстановкой сил в условиях сложной полярности.

- выявлены новые закономерности взаимодействия Китая со странами Центральной Азии в первой и второй декаде 21 века, которые определяются усилением концептов секьюритизации и институционализации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х до 2024 гг. Этот период обусловлен сменой глобального стратегического ландшафта, который определяет развитие современной геополитической динамики и изменение роли Китая в регионе Центральная Азия.

Источниковая база исследования. При написании диссертации был использован широкий круг источников, которые можно разделить на несколько групп. В качестве источниковой базы диссертационного исследования послужили документы и материалы, непосредственно связанные с темой диссертационного исследования, полученные с официальных источников, информационных систем, изучаемых стран и отражающие различные аспекты взаимоотношений между Китаем и странами Центральной Азии в рамках данного исследования. Используемые в работе документы и эмпирические данные были обработаны и классифицированы в *семь* основных групп:

В **первую группу источников** входят документы, определяющие внешнюю политику КНР, нормативно-правовые документы, относящиеся к Госсовету КНР [10], XVIII-ого и XIX-ого съездов КПК [11,12] и МИДа КНР [13]. Внешнеполитические документы позволяют определять правовые и концептуальные основы формирования внешней политики КНР, в заданных хронологических рамках. Так, среди данной группы источников можно выделить «Концепцию и план действия по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского Шелкового пути 21-ого века» [14], концепция «Единой судьбы человечества» [15].

Вторая группа источников: политико-дипломатические документы, в которые входят международные договоры, соглашения, декларации и т.д. которые были заключены на двухсторонней и многосторонних основах. Данные документы охватывают широкий формат, к примеру китайско-узбекских отношений [16], китайско-казахстанских [17] отношений, или в рамках многостороннего формата, соглашения в рамках ШОС, такие как ежегодные декларации [18-29], или документы Форума Пояса и Пути [30], или официальные дипломатические соглашения в рамках саммита «Китай и ЦА» [31].

Третью группу источников составляют официальные речи и выступления, а также интервью политических деятелей, официальных лиц государства и глав, представителей внешнеполитических ведомств. Выступления и речи ведущих политиков, позволяют понять стратегический курс Китая. В частности, приводятся выступления глав КНР, Си Цзиньпина [32-35], главы МИД КНР, Ван И [36-40], главы РК – К.Ж. Токаева [41,42], главы РУ – Ш. Мирзиёева [43, 44], главы РТ – Э. Рахмона [45,46], главы РФ – В. Путина [47,48] и главы МИД РФ – С. Лаврова [49], главы правительства РФ – М. Мишустина [50]. К примеру, можно привести слова премьер-министра РФ, М. Мишустина, в ходе его визита в Пекин, на 28-ой регулярной встрече глав России и Китая: «России и Китая совпадают либо близки подходы к принципиальным вопросам мирового современного миропорядка и международным проблемам. Российско-китайская связка является значимым стабилизирующим фактором в мире, по-настоящему движущей силой формирования более справедливого и устойчивого многополярного мироустройства» [50].

Четвертую группу источников составляют справочники МИДа КНР. Данные справочники представляют официальное видение китайской стороны, касательно дипломатических и внешнеполитических процессов. В частности, приводятся данные со стороны справочника МИДа КНР [51]. В них отражена позиция КНР по актуальным вопросам международной повестки. Также в эту группу входят документы по различным статическим данным. К примеру, документы МИДа КНР, позволяют понять объемы торгово-экономического оборота между странами.

Пятую группу источников составляют статистические данные, куда входят данные со стороны Главного таможенного управления КНР [52], Обсерватории экономических исследований [53] и ЕАЭС [54].

Шестая группа источников включает в себя информационные материалы интернет-изданий и новостные ленты официальных и неофициальных СМИ (электронные и печатные), такие как Синьхуа [55], Казинформ [56], Ведомости [57], Подробно.уз [58,59], Вестиабад.ру [60,61].

Таким образом, использованные автором источники представляются достаточными для анализа поставленных в данном исследовании проблем и позволяют раскрыть поставленную цель и задачи исследования.

Седьмую группу источников составляет научно-теоретическая база, а именно работы и труды ученых, которые составили теоретический каркас данной работы. Среди них, можно выделить следующие имена:

Одним из видных теоретиков международных отношений, который рассматривает Китай и его геополитический подъем, это Миршаймер Дж. Автор рассматривает основные аспекты безопасности Китая, в контексте его геополитического становления. Джон Миршаймер является основателем неоклассического реализма. Основной тезис неоклассического реализма, заключается в том, что государство стремится выжить в анархической международной среде, и для выживания государство должно стремиться к гегемонии. В рамках китайско-американского соперничества, Миршаймер проводит сравнительный анализ, американского и китайского имперского становления. В своем тезисе «Может ли Китай возвыситься мирно?», автор рассматривает базовые вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где он приходит к заключению о том, что рассеянность военных сил, будет играть дестабилизирующий фактор. Но, согласно логике неоклассического реализма, китайско-американское соперничество неизбежно [8].

В теоретическом ключе, неолиберализм в международных отношениях, позволяет понять механизм функционирования внешней политики КНР. Кеохейн Р., основоположник неолиберализма, автор книги «После гегемонии». Хотя, Р. Кеохейн и не рассматривал напрямую китайскую внешнюю политику, его воззрение неолиберализма, сыграло важную роль в понимании динамики и природы китайской внешней политики [9, с. 144].

Идеи американского ученого Рассета Б., основоположника теории демократического мира, также играют важную роль в понимании и становлении внешней политики КНР, особенно в контексте секьюритизации региональных вопросов безопасности. Актуальность теории демократического мира либеральной школы международных отношений, лежит в понимании аспектов региональной безопасности в Восточной Азии [62]. Данные нарративы были актуальны в период 1980-2000-х гг., но они позволяют понять текущее состояние дел в международных делах.

И главное теоретико-методологическое видение, представлено Бузаном Б. и Вэйвером О. Авторы являются основоположниками теории комплекса региональной безопасности. Значимость ТКРБ, в рамках диссертационного исследования, лежит в понимании механизмов формирования динамики региональных процессов. Центральная Азия является неотъемлемой частью постсоветского геополитического пространства, но геополитический подъем Китая, привел к формированию новых паттернов безопасности [7, с. 308]. В данном случае, ТКРБ позволят понять динамику и механизмы данного процесса.

Также стоит отметить ведущих теоретиков геополитики американской школы, а именно Хантингтона С. и Бжезинского Зб. Хотя их исследования и концепции, напрямую не касаются исследовательского вопроса, тем не менее, их теоретические концепции, а именно «Столкновение цивилизаций» Хантингтона и «Евразийские Балканы» Бжезинского дают определенное понимание политических процессов, происходящих в Евразии. Актуальность концепции «Столкновения цивилизации» в том, что она дает историко-геополитическое объяснение процессу подъема Китая, как международного центра силы [63].

Актуальность «Евразийских Балкан» в том, что они предоставляли первоначальное видение геополитической конструкции Центральной Азии [64]. Также, Бжезинский Зб., в последствии, в своих научных трудах подчеркивал усиление баланса сил в рамках будущего Индо-Тихоокеанского региона [65]. Эта тема актуальна и для безопасности ЦА, т.к. она имеет прямой эффект для институционализации китайского влияния в регионе.

Степень научной разработанности темы исследования. В настоящее время сложно выделить отдельные комплексные работы по секьюритизации и институционализации деятельности Китая в Центральной Азии, однако в зарубежной литературе опубликованы труды, посвященные аспектам секьюритизации внешней политики КНР, а также концептуальным и практическим аспектам институционализации политики Китая в некоторых регионах мира.

В связи с этим, автор использует проблемно-географический подход с целью, определения степени изученности данного исследования, через призму таких аспектов Инициатива Пояса и Пути (ИПП), а также эволюция деятельности ШОС, как многогранного и устойчивого механизма Китая в Центральной Азии.

Изучению китайской Инициативы Пояса и Пути посвящено большое количество научных работ. Помимо китайских авторов данный вопрос активно рассматривается в трудах иностранных специалистов и экспертов. Но, в тоже время стоит отметить то, что существует диспропорция в изучении Пояса и Пути, и ШОС. Тем не менее, изучению феномена Пояса и Пути, в последнее время посвящено большое количество, как и отечественной, так и зарубежной литературы. Пояс и Путь стал важным международным феноменом, поэтому это требует изучения Инициативы со всех сторон, что делает данную структуру объектом анализа. Пояс и Путь представляет с собой разностороннюю основу, начиная от вопросов дипломатии и геополитики (game changer), и заканчивая до вопросов зеленой экономики, технологических инноваций и социально-культурных связей.

Стоит также подчеркнуть несколько устаревший подход в изучении ШОС. Как и в центральноазиатской литературе, так и в западной, за некоторым исключением китайской и российской, мало внимания уделено проблемам изучения эволюции и модернизации Шанхайской Организации Сотрудничества. Проблемой центральноазиатской политико-академической литературы касательно китайской стратегии в регионе, в том, что она преимущественно освещает события и процессы, которые имели место быть еще в 2000-х и в 2010-х гг. На тот момент, прерогативой Китая, была легитимизация своего присутствия и наращивание своего участия в региональных делах. Затем, эксперты опускают фактор роста роли и места Южной Азии в контексте ШОС. К периоду второй половины 2010-х гг., ШОС отходит от парадигмы, сугубого ориентира на безопасность Центральной Азии, и в рамках ШОС, возросла роль фактора Южной Азии. Однако, эта тема остается малоизученной, за некоторым исключением видения российских авторов.

Китайская историография. Китайская историография преимущественно подчеркивает технические моменты модернизации. Так, автор Ли Синь, предлагает формирование континентальной модели экономики в рамках Пояса и Пути. Автор подчеркивает то, что в будущем, Северный Евразийский путь, который идет по маршруту Китай-Монголия-Россия-ЕС, сможет быть соединен с ВСМІ [66]. Данная идея была изложена на Валдайском клубе в 2016 г. Актуальность идей Ли Синя в том, что он выдвигает формирование континентальной модели экономики. Автор подчеркивает, что в будущем три пояса могут соединиться, что укрепит функциональность Пояса и Пути. На момент после 2022 г., и «азиатизации» российской внешней политики, данные идей стали актуальны.

Другой китайский автор, Чжао Хуашен преимущественно пишет о евразийской политике Китая. В ней он преимущественно рассматривает отношения с Россией, как и в рамках ШОС, так и в контексте вопросов безопасности. Автор отмечает то, что Россия и Китай, в отличие от США, не желают формировать союзы с жесткой военно-политической структурой, и формат российско-китайского партнерства, можно обозначить как стратегическое партнерство, а не жесткий военно-политический альянс [67]. Что самое примечательное, автор подчеркивает эволюцию международного порядка, где механизмы военно-политических факторов отходят на второй план. Так, его совместный тезис с российским автором А. Кортунным, тезис о многосторонности, который большей вписывается в новые реалии международной парадигмы.

Пэн Дапэн рассматривает стратегическую ситуацию в Евразии, которая сложилась в период после окончания холодной войны. Автор отмечает, что стратегическая парадигма в вопросах безопасности, для Китая существенным образом поменялась. После окончания холодной войны, происходит разворот в стратегическом мышлении Китая, и восприятия его вопросов безопасности: отход от доктрины позднего Мао-Дэна, советско-китайской конфронтации, к актуализации вопросов безопасности в Восточной Азии [68]. Смещение данного баланса сил, сыграло положительную роль в восстановлении нормальной динамики российско-китайских отношений.

Другой китайский исследователь, Юй Чжаочао рассматривает связку между синофобскими сентиментами и перспективами «цветных революций». Автор приходит к умозаключению о том, что синофобия и перспективы социально-политического взрыва, которые могут быть соединены в политическую нестабильность, имеют с собой тесную взаимосвязь [69]. В данном случае, это выражается в двух моментах. Данная проблематика актуализируется в рамках китайско-американского стратегического соперничества. Поэтому, перспективы цветных революций представляют угрозу для китайских интересов и сохранения рационального баланса сил в регионе ЦА.

Западная историография. Западная историография преимущественно рассматривает стратегические нарративы китайской дипломатии, в рамках китайского институционального строительства. Хотя председатель КПК, Си

Цзиньпин, и отметил то, что Китай не стремится к гегемонии, западные авторы рассматривают китайскую политику в ключе военно-стратегического противостояния.

Эксперт из Национального бюро азиатских исследований, Теллис Э. отмечает, что с периода второй половины 2010-х гг., происходит формирование паттернов китайско-американского стратегического противостояния. В своем тезисе, автор подчеркивает то, что приоритетной линией для США, было бы если бы Китай, так и остался бы «торгующей нацией», это способствовало бы сохранности проамериканской глобальной гегемонии [1, с. 33]. Автор описывает становление китайско-американского противостояния, которое происходило при Трампе. Немаловажную роль автор уделяет и персоне американского президента Д. Трампа. Эшли Теллис пишет о том, что Д. Трамп выступает против американской гегемонистской системы режимов и институтов, т.к. она, наоборот, способствует ресурсно-техническому отягощению США. В этом плане, Китай, наоборот, занят глобальным институциональным строительством. Китайско-американское противостояние, будет определять базовые международные нарративы.

Также, актуальные моменты, в трансформации стратегических аспектов безопасности представлены Кампхаузен Р. и Эриксоном Э. Кампхаузен Р., в своем тезисе о военной модернизации КНР в период после окончания холодной войны, автор рассматривает процесс секьюритизации китайских стратегических приоритетов, в рамках вопросов национальной безопасности. Автор отмечает, что распад СССР, привел к переориентации китайских сил с север на восток и на юг [70]. В данном случае, для КНР вновь актуализируются вопросы безопасности, в Восточной и Южной Азии. Основное внимание, Рой Кампхаузен уделяет «Новой исторической миссии» НОАК, которая реформатирует структуру военных сил КНР, для участия в новых условиях. Эриксон Э. отмечает, что основные вопросы и параметры безопасности для Китая, в период 1990-х и в 2000-х гг., формировались внутри КНР, а именно в рамках обеспечения безопасности в СУАР и в Тибете [71].

В рамках российско-китайского рационального баланса, актуальны идеи Миллера К. Автор рассматривает формат и перспективы российско-китайских отношений, в контексте геополитики Центральной Азии. Автор отмечает то, что китайско-российские отношения строятся на балансировании. Хотя, внешне китайско-российские отношения могут служить эталоном конструктивных и динамичных отношений, тем не менее, они испытывают ряд трудностей. Так, Россия стремится сохранить баланс в отношениях с Западом, опасаясь попасть под китайское влияние, тем самым, для Москвы развитие китайско-американского стратегического соперничества, стало стратегической возможностью [72]. С другой стороны, для Китая, Северное направление Пояса и Пути, не играет столь существенной роли, в отличие от Среднего и Морского путей Пояса и Пути.

Другая череда идей, касательно институционализации китайского влияния в Южной Азии, представлена следующими авторами: Брюстером Д., Грамом Ф.

и Смоллом Э. В рамках исследования, также рассматривается процесс усиления китайского влияния в Южной Азии, так это наиболее подходящий пример для сравнительного анализа. Брюстер Д. является ведущим австралийским специалистом по региону Индийского океана. Он рассматривает китайскую политику и стратегию в обширном регионе Индийского океана. Автор приходит к умозаключению о том, что китайская политика более не движима идеологической мотивацией марксизма [73]. Далее, учитывая возросшую зависимость Китая, от поставок энергоресурсов, из Африки, Китай начал развивать свою стратегию в Южной Азии, в рамках развития транспортно-логистической сети, а также комплекса мер политического, экономического и дипломатического планов. В экономическом плане, Брюстер Д. отмечает неэффективность китайской экономической модели. Наиболее развитые экономические отношения у КНР, в контексте региона Индийского океана, с Австралией, Саудовской Аравией, Ираном, Индией [73, с. 179]. С менее экономически развитыми странами, Китай делает упор на развитие добывающей промышленности, а также сохранности транспортно-логистической инфраструктуры [73, с.180]. В военном отношении, в рамках региона Индийского океана, Китай в большей степени склонен к МООТВ (Military Operations Other Than War), что означает участия Китая в спасательных миссиях своих сограждан [73, с. 187-188].

Смолл Э., британский эксперт по Южной Азии, он отмечает эволюцию отношений в треугольнике Пакистан-Индия-Китай. В 1990-х гг., Китай значительным образом отошел от политики сдерживания Индии, при Цзянь Цзэмине, что также продолжилось и при Ху Цзиньтао, но, с момента запуска СРЕС, это сыграло положительную роль для Пакистана [74].

Грар Ф., ведущий эксперт по Южной Азии. Автор в большей степени рассматривает динамику китайско-индийского соперничества. Так, автор указывает на то, что проект СРЕС, китайско-пакистанский экономический коридор, становится частью регионального баланса сил. Хотя Индия и состоит в западных объединениях безопасности, тем не менее, Дели придерживается политики рационального балансирования, что автор обозначил, как «неэскалационное соперничество» [75]. Индия умело балансирует с Китаем, при помощи США и России.

Другое значимое исследование, в рамках диссертационной работы, представлено ученым, Гизелли А., автор книги «Защита интересов Китая за рубежом. Секьюритизация и внешняя политика». Значимость его работы заключается в том, что автор раскрыл, каким образом, Китай сумел преобразовать свою экономическую мощь, на уровень геоэкономического влияния [76]. Экономический подъем Китая, в условиях глобализации, привел к тому, что секьюритизация экономических интересов, легло в основу внешней политики КНР. Автор рассматривает это, в качестве комплексного механизма. Автор акцентирует внимание не только на мерах экономического, но и военного, доктринального, дипломатического и культурного характеров.

Блэквилл Р. и Харрис Дж., авторы книги «Война иными средствами: искусство управления государством». Авторы приводят наиболее четкое определение термина «геоэкономика». В условиях глобализации, классическая геополитика XX столетия отошла на второй план, и ее механизмы стали устаревшими, которые более не отвечают миру взаимозависимости. В данном контексте, авторы объясняют смысл концепции «геоэкономика», логика игры с нулевой суммой, но в контексте экономики. Авторы отмечают, что Китай искусно использует геоэкономике в своей внешнеполитической стратегии [77].

Индийская историография рассматривает стратегические моменты, в рамках китайско-центральноазиатских контактов.

Ведущий индийский исследователь внешней и оборонной политики Китая, Кондапалли Ш. отмечает следующие стратегические нарративы, которые имеют место быть в китайской региональной политике в ЦА. Во-первых, это внутрипартийный консенсус касательно более устойчивого курса на институционализацию китайского влияния в ЦА внутри КПК [78], во-вторых, это рост торгово-экономического оборота на среднесрочную перспективу, что укрепит геоэкономические механизмы воздействия Китая на регион [79], и третье, это процесс «синизации» элит, который имеет место быть в регионе [80].

Интересные идеи представлены индийско-британским журналистом-международником Шахом А. Его основной тезис касается проблематики и специфики функционирования Пояса и Пути, в рамках российско-китайского стратегического взаимодействия. Так, Арун Шах, обратил внимание на отсутствие ведущих внешнеполитических лиц МИДа РФ, на Форуме Пояса и Пути, который проходил в 2019 г. Как отмечает автор, таким образом, Москва выразила свое несогласие с китайской политикой по Северному пути. Россия, в рамках, Инициативы Пояса и Пути, не получает необходимое количество инвестиций, для поддержания ее экономического развития. Таким образом, автор отметил существование латентного конфликта между Москвой и Пекином [81].

Российская историография в большей степени делает упор на развитие геополитических процессов внутри ШОС, а также смены баланса сил. Хотя российско-китайское сотрудничество и признается как эталон двухстороннего сотрудничества, тем не менее, элемент рационального баланс сил играет в нем немаловажную роль. Если китайские авторы делают упор на технические аспекты, а западные на геоэкономические, то российское видение базируется на косвенных аспектах безопасности и баланса сил.

Так, один из ведущих российских синологов, Габуев А. рассматривает перспективы эволюции ШОС. В рамках эволюции Шанхайской Организации Сотрудничества, Габуев А. выражает скептическое отношение к самой эволюции ШОС. В частности, автор отмечает, что расширение ШОС, в большей степени, обладает техническими особенностями, при этом, техническое расширение не обязательно должно означать повышение качества эффективности организации [4].

Ведущий российский синолог, Виноградов А. рассматривает проблематику усиления китайско-американского соперничества. Хотя, раньше в период 1990-х,

а также в 2000-х гг., особенностью российско-китайских отношений была сохранность рационального баланса сил, т.е. нельзя говорить о том, что существовала тесная кооперация, но при этом, не было враждебных отношений. Автор отмечает, что китайская политика при Си Цзиньпине отошла от нормативов, четырех стратегем Дэна Сяопина, и во внешней политике КНР усилились моменты, связанные с мироустройством, что стало причиной усиления китайско-американского противостояния [80]. Раньше, при предыдущих председателях, Китай был активно вовлечен в процесс глобализации, который является продуктом американско-центрической модели, и внешнеполитические вопросы, преимущественно ограничивались аспектами экономического развития и сотрудничества. Это соответствовало американским нарративам в Восточной Азии. В отличие от западных авторов, Виноградов А. рассматривает китайско-американские отношения через призму оборонительного реализма. Китайская политика в первые два десятилетия после окончания холодной войны, была направлена на сохранность баланса, где США выполняли роль «глобального полицейского», а Китай был занят только вопросами экономического плана.

С аналогичными идеями, но в более широком евразийском формате, выступает Картунов А. Картунов А. рассматривает широкий комплекс вопросов, связанный с динамикой безопасности в Евразии. Первая рассматриваемая тема, это специфика китайско-американских отношений. В ней автор рассматривает особенности китайско-американских отношений в контексте различных администрации Белого дома. Несмотря на нарастание китайско-американского соперничества, традиционная политика Демократической партии, стремится к «вовлечению» Китая, чем к его прямому «сдерживанию». Данный тезис играет весьма важную роль в плане расклада баланса сил в контексте отношений США-России-Китай. Вторая тема, это природа и специфика российско-китайских отношений. В соавторстве с Чжаном Хуашеном, А. Картунов отмечает то, что российско-китайские отношения не смогут перейти на уровень жесткого формата военно-политического альянса [82,83].

В свою очередь, Кулинцев Ю. рассматривает тему адаптации России в условиях азиатской геополитики [84]. Актуальность данного тезиса в том, что автор подчеркивает значимость Азии в глобальных делах. Рост потенциала Азии, в мировых делах, привел к тому, что для России возникла необходимость в большей степени взаимодействовать с азиатскими игроками. ШОС выступает как наиболее приемлемая модель реализации политических инициатив, в азиатских делах

Истомин И. рассматривает проблемы и перспективы формирования Индо-Тихоокеанского региона. Автор рассматривает формирование конструкта безопасности в ИТР. Индо-Тихоокеанский регион, можно рассматривать как исторический феномен. В частности, автор ссылается на доклад RAND от 1999 г., где впервые были даны очертания развития системы региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Далее, автор рассматривает перспективы формирования системы альянсов, где он видит

ключевую роль во включении Индии, в систему региональной безопасности. Немаловажное влияние, автор уделяет системе QUAD, которая стала ядром системы проамериканской безопасности. В плане военного компонента, автор подчеркивает модернизацию сил и средств ВМФ, ВВС, а также элементы ядерного сдерживания. К примеру, И. Истомин подчеркивает то, что выход США из ДРСМД (Договор о ракетах меньшей и средней дальности), был обусловлен стратегической ситуацией в АТР, в связи с ядерной модернизацией НОАК, нежели чем ситуацией в Европе [85].

Центральноазиатские исследователи. Проблемой и спецификой местных региональных исследователей заключается в акцентировании внимания на Инициативе Пояса и Пути, а также региональных процессах, но без детального изучения особенностей китайской дипломатии.

Хасанов У. рассматривает перспективы взаимосвязи между Центральной и Южной Азией, в контексте роста индийского участия в делах Центральной Азии. С 2000-х гг., происходит усиление торгово-экономических отношений стран региона с Индией. В этой связи, автор отмечает рост значимости транспортно-логистического потенциала Узбекистана. В постковидный период отмечается формирование нового экономического пояса «Север-Юг». Особенностью видения У. Хасанова выступает то, что он видит этот процесс с привлечением Индии. Это поможет создать более плюралистическую модель экономического пояса «Север-Юг» [86].

Ряд интересных идей представлены узбекистанским политологом Толиповым Ф., который отмечает, что в Центральной Азии актуализируется формат дипломатических контактов в виде С5 плюс 1. Это говорит о возросшей роли и значимости региона. К примеру, Казахстан, как субъект геополитики признается в качестве «среднего государства», а Узбекистан, ведущим региональным государством. Введение и актуализация дипломатической платформы С5 плюс 1 связана с усилением многополярной составляющей. Развитие формата С5 плюс 1 играет важную роль в формировании геополитической составляющей региона. Автор замечает, что эволюция региона происходила в три этапа: первый этап включает в себя российскую составляющую, как естественную часть постсоветского геополитического пространства, в начале 90-х гг. Затем, в 1990-х и в 2000-х гг., идет формирование других структур, с активным вовлечением Китая, Турции, и затем США. Особенностью системы международных отношений, в первые два десятилетия, после окончания холодной войны была относительно спокойная международная среда. Первоначальное развитие ШОС является тому классическим примером. Затем, с середины 2010-х гг., идет усиление конфронтационных тенденций, что способствует развитию формата С5 плюс 1. К примеру, идет усиление сотрудничества между ЕС и США, с одной стороны, и Центральной Азии, с другой стороны. Все это привело к укреплению тенденций, С5 плюс 1. В конечном итоге, автор выводит формулу для США « $5+1=5$ », для России « $5+1=6$ », для Китая « $5+1=x$ », где Россия воспринимается как часть региона, а Китай активно меняющий условия игрок [87].

Другой, не менее важный аспект региональной секьюритизации представлен Гафаровым И. Сейчас набирает актуальность тематика усиления стратегического взаимодействия между Южной и Центральной Азией, и каждая из евразийских держав, по-своему реагирует на это. Особенностью последнего развития в межрегиональных отношениях, стало то, что стороны представляют интерес друг для друга. Страны Центральной Азии ищут выход к Мировому океану, через доступ к портам Индийского океана, в Южной Азии. Актуальность Центральной Азии для Южной Азии, заключается в поиске рынка сбыта. В этих условиях формируется комплексная взаимосвязь между двумя регионами [88].

Геополитическая составляющая также играет определенную роль, в формировании стратегических отношений между Россией и Южной Азией. В частности, автор выделяет фактор Глобального Юга, «страны, не симпатизирующие Западу», и поэтому идет усиление взаимодействия между Россией и Глобальным Югом. В этом случае, это способствует сближению России с двумя западными экономическими гигантами Евразии: Китаем и Индией. Автор приходит к логическому умозаключению, при котором «современная внешняя политика РФ в отношении взаимосвязанности регионов Центральная и Южная Азия формируется на основе данной гранд-стратегии».

Также Гафаров И. видит развитие перспектив взаимосвязи Китая и Южной Азии, через призму развития платформы ШОС. Однако, вступление Индии в организацию, трансформировало китайскую стратегию, в частности где Китай начал делать упор на развитие Пояса и Пути, как стратегического механизма взаимосвязи между Южной и Центральной Азией.

Умарова Н. рассматривает транзитный потенциал Афганистана для региона Центральной Азии. Автор рассматривает перспективу развития транзитного потенциала Афганистана. После начала войны в Украине для стран Центральной Азии представилась возможность диверсифицировать торговые потоки. Автор подчеркивает стратегическую значимость Афганистана в развитии стратегической взаимосвязи между Южной и Центральной Азией.

При развитии международных транспортных коридоров центральноазиатские государства особое внимание уделяют южному направлению транзита, где наиболее сильные позиции у Ирана и Афганистана. Обе страны обеспечивают географически замкнутой Центральной Азии доступ к открытым морям. Если Иран давно выполняет роль проводника для региона, то Афганистан только приступает к такой задаче, о чем свидетельствуют решительные действия правительства Талибан по реализации крупных транспортных инициатив в партнерстве с ближними соседями.

За время своего пребывания у власти в Афганистане талибы возобновили практически все когда-либо заявленные проекты регионального и межрегионального значения. Ускорена работа по созданию Кабульского коридора (железной дороги «Термез-Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар»), строительству железных дорог по маршрутам «Хаф-Герат», «Мазари-Шариф-Герат» и «Герат-Кандагар», активизированы переговоры по запуску Лазуритового коридора. Некоторые из этих проектов переосмысливаются внешними акторами с позиции

их собственных интересов, что способствует появлению новых амбициозных инициатив [89].

Другая стратегическая значимость Афганистана ложится в рамках треугольника китайско-индийско-пакистанского соперничества. Так, Индия вложила значимые средства для модернизации и развития иранского порта «Чабахор». Актуальность Афганистана для Индии заключается в избегании путей через Пакистан. Поэтому, роль и значимость Афганистана играет такую важную и стратегическую роль.

Не менее интересная точка зрения представлена таджикским экспертом Салимовым Ф. Он рассматривает ШОС как один из базовых механизмов по обеспечению системы региональной безопасности. Автор отмечает то, что страны региона избежали прямого противопоставления России, точнее противопоставление России не стало ведущим внешнеполитическим и стратегическим догматом стран региона. Другая и не менее важная часть системы региональной безопасности, это плюрализм в рамках региональных институтов. В частности, автор подчеркивает такие структуры как ОДКБ, ЕАЭС и ШОС.

Также автор отмечает, что страны региона выбирают различные центры и полюсы, к примеру, усиление турецкого влияния в Кыргызстане. Усиление военно-политического соперничества будет негативно сказываться на системе региональной безопасности, где автор справедливо замечает, что «увеличение военного присутствия одной сверхдержавы вызывает ответную реакцию другого гиганта, делая ситуацию в области безопасности, шаткой».

Другой важный фактор это то, что страны региона обладают ассиметричными внешнеполитическими приоритетами, «манипуляция которыми, может привести к дестабилизации». В целом, можно отметить то, что процесс институционализации ШОС, привел к формированию соответствующих стратегических механизмов, которые обеспечивают систему региональной безопасности. Хотя страны региона и находятся в центре Евразии, тем не менее, военно-политическая составляющая в их регионах носит слабовыраженный характер, что обеспечивает сохранение рационального баланса. Но, тем не менее, авторы отмечают то, что у стран региона появляются разно-векторные направления, что может иметь некоторый дестабилизирующий эффект на региональную систему и ее содержание [90].

Рахимов К. ведущий кыргызский эксперт рассматривает проблему модернизации транспортно-логистической инфраструктуры в рамках реализации транспортного коридора Север-Юг. Автор приходит к умозаключению о том, что развитие экономического коридора сталкивается с рядом географических проблем, и это потребует соответствующих вливаний в развитие транспортно-логистической инфраструктуры. Также автор отмечает важность Каспийского моря для развития экономического пояса «Север-Юг» [91].

Отечественные исследователи. В связи с усилением контактов между РК и КНР, отечественные исследователи уделяют внимание многосторонним аспектам развития, как и двухсторонних, так и многосторонних отношений.

Одну из особенностей китайской дипломатии, а также региональной стратегии, рассматривается ведущим казахстанским китаеведом, Сыроежкиным К. В частности, автор оценивает китайскую политику в середине 2000-х гг., когда Китай предлагал создать общий банк ШОС, но идея была отвергнута Казахстаном и Россией. Учитывая этот опыт, Китай предложил формат Пояса и Пути, который обладает более гибкой основой и не ограничивается юридическими границами [92].

Идеи Каукенова А. представляют интерес в следующих направлениях. Во-первых, автор отмечает, что причинами центральноазиатской синофобии выступает фактор советско-китайского конфликта, который отразился на общественном восприятии Китая [93, 94]. Другая, не менее важная идея знаменитого казахстанского синоведа, это эволюция ШОС. А. Каукенов подчеркивает то, что для Китая, в новых геополитических реалиях, возникает необходимость в продвижении новой дипломатической платформы, в виде С5 плюс 1, каким был Сианьский саммит (94), ШОС в силу присутствия многих организаций, несколько тормозит реализацию китайских национальных интересов в странах ЦА.

Ведущий казахстанский исследователь, Кожирова С. посвятила свое исследование мятежному китайскому региону Синьцзяна. Регион выступает в качестве одного из ключевых узлов между Китаем и Центральной Азией. Синьцзян занимает важное стратегическое положение в реализации Пояса и Пути. Безопасности региона обеспечивается двумя путями: первое, это сотрудничество в рамках антитеррористической кооперации, и второе, это обеспечение нормального экономического развития. Изучение данной тематики, играет важную роль в понимании функциональности Пояса и Пути [95]. Также важным моментом выступает фактор экономического и социально-экономического развития региона, что выражается в виде существования «пяти центров»: транспорта, торговли, культуры, финансов и здравоохранения.

Идеи казахстанского политолога Нурши А. схожи с идеями российского синоведа Габуева А. Так, Габуев А. выражал скептическое отношение к российско-китайскому сближению, начавшееся после 2014 г. А. Нурша придерживается аналогичной точки зрения, о том, что российско-китайское сближение после 2014 г., имело скорее конъюнктурный характер, чем стратегический [96]. Это необходимо понимать в рамках изменения баланса сил в Центральной Азии.

Ведущий казахстанский эксперт в области региональной безопасности, Ауелбаев Б. подчеркивает стратегическую значимость Астанинского саммита 2024 г. В нем он видит признаки усиления, и соответственно институционализации китайского влияния в регионе ЦА. Основные аргументы автора, заключаются в том, что ШОС первоначально задумывалась как многосторонний институт, но само освещение саммита было спроектировано таким образом, что сложилось впечатление о том, что это казахстанско-китайский двухсторонний саммит [97]. Автор подчеркивает помпезность саммита.

Тема иммиграции, рассматривает отечественным экспертом Садовской Е., специалистом по миграции в Казахстане и Китае. Актуальность работ автора заключается в том, что она рассматривает специфику и динамику китайской миграции в Казахстане. Автор приходит к заключению, что численность китайских мигрантов достигает около 30 тыс. человек [98]. Реальные оценки китайской миграции важны, т.к. китайская миграция, является важным паттерном синофобских настроений в Казахстане.

Немаловажное внимание уделяется отечественными экспертами касательно развития транспортно-логистического потенциала Центральной Азии. Так, Кукеева Ф. [99] и Жекенов Д. [100] рассматривают перспективы развития транспортно-логистического потенциала региона ЦА. Авторы в своих исследованиях отмечают, что при оценке транспортно-логистического потенциала региона, исследователи данной тематики, не отмечают политический эффект, который он может иметь, ограничиваясь преимущественно вопросами технического плана, что не в полной мере, способствует пониманию данного процесса.

Стоит также указать на казахстанского эксперта Мовкебаеву Г. Автор указывает на то, что ШОС становится одним из важнейших элементов проводника китайского влияния в регионе ЦА. Хотя, Пояс и Путь, заявляется как ключевой проект, инициатива по продвижению влияния КНР, все же видится, что ШОС остается важной региональной организацией с ориентиром на Пекин [101].

Казахстанский эксперт Черных И. [102] проводит анализ системы ТКРБ в Центральной Азии. В данном случае, она подчеркивает взаимосвязь между регионом ЦА и ростом терроризма в контексте секьюритизации. Это важный элемент в рамках постсоветской эволюции региона.

Казахстанский эксперт Бурнашев Р. рассматривает систему безопасности в Центральной Азии в контексте дипломатической и стратегической взаимосвязанности. Автор разделяет такие понятия как «многовекторность», «ближнее зарубежье» и «сбалансированность». Они составляют базовый механизм поддержания системы региональной безопасности. Основной вектор сотрудничества направлен на страны «ближнего зарубежья». «Многовекторность» в большей степени ориентирована на страны дальнего зарубежья. И «сбалансированность», что означает сохранность рационального баланса. В целом, автор подчеркивает, что система безопасности становится комплексной. Если раньше, регион отличался какой-то гомогенностью, т.е. как неотъемлемая часть постсоветского геополитического пространства, то с периода конца 1990-х и начала 2000-х гг., начинается формирование его плюралистических моделей [103].

Отдельно стоит упомянуть факультет Востоковедения КазНУ, среди которых можно выделить следующих ученых Алдабек Н., Мухаметхан Н., Сериккалиеву А. и Дауен Д.

Алдабек Н., в своей монографии [104], посвященной Китаю, под названием «Модернизация Китая и Казахстан» рассматривает становление внешней политики Китая при Ху Цзиньтао. Особенностью политики при Дэне Сяопине

стал отказ от вмешательства в конфликты между державами. Многие эксперты подчеркивают, что при Си Цзиньпине, Китай отошел от данных догматов в своей политике. Особенностью идей Н. Алдабек является то, что основные глобальные нарративы современной внешней политики КНР, сформировались во время правления Ху Цзиньтао.

В свою очередь, Мухаметхан Н. рассматривает перспективы развития мягкой силы КНР в контексте языковой программы. Работу Мухаметхана Н., можно рассмотреть в контексте, взаимосвязи между мягкой и жесткой силой, каким образом становление и развитие торгово-экономических связей влияет на становление паттернов мягкой силы Китая в регионе, в контексте институтов Конфуция [105]. Автор приходит к умозаключению, что между ростом торговли и развитием сети институтов Конфуция есть прямая взаимосвязь.

Сериккалиева А. отмечает фактор концепций китайской дипломатии, в рамках ШОС. «Шанхайский дух», заложил основы для общего стратегического партнерства. Это привело к упрочнению системы региональной безопасности. Но, возникновение данного типа стратегического мышления возникло не на ровном месте. Китай успешно и вполне умело адаптировался к глобализации. Продвижение мира и сотрудничества вполне отвечает нарративам КНР, как на глобальном, так и на локальном уровнях [106].

Казахстанский исследователь Дауен Д., в свою очередь, отмечает позитивное воздействие Пояса и Пути на развитие Казахстана, и его сопряжение с программой «Нурлы Жол». Развитие ИПП играет позитивную роль для развития экономики страны. Среди которых автор подчеркивает следующие параметры: развитие двусторонней торговли; ускоренное расширение и модернизация инфраструктуры; развитие сотрудничества в сфере производственной деятельности; углубление взаимодействия в финансовой сфере. Также, немаловажное видение отечественного эксперта, это основная идея, формирования континентального типа экономики, основанной на системе ж/д [107]. Это очень важная ремарка, так как такой тезис впервые отмечается в отечественном дискурсе.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты данного исследования могут быть полезны для использования и продолжения исследования отношений КНР и стран Центральной Азии в новых геоэкономических и геополитических реалиях, а также для обзорного и детального анализа современного состояния стратегического сотрудничества КНР с ЦА в контексте процессов секьюритизации и институционализации.

Теоретическая значимость результатов видится в разработке теоретико-методологической базы и новых подходов в стратегии Китая в регионе ЦА в контексте новой международной полярности, изменения роли самой Центральной Азии и укрепления институтов, обеспечивающих геополитическое и геоэкономическое влияние в новых условиях.

Практическая значимость видится в возможности использования результатов данного диссертационного исследования аналитическими

государственными и неправительственными структурами, нацеленными на выработку рекомендаций во внешней политике касательно Китая.

Практическая значимость данного исследования также предполагает выработку рекомендаций, ориентированных на их применение для широкого круга стейкхолдеров в международных отношениях.

Выводы диссертационного исследования могут быть использованы для:

- научной и преподавательской деятельности при подготовке учебных курсов и учебных пособий по международным отношениям в рамках развивающегося отечественного китаеведения и шире в регионе ЦА, в исследованиях Центральной Азии и ее взаимоотношениях с Китайской Народной Республикой;

- аналитической работы для таких структур, как министерства и ведомства, бизнес-структуры, региональные и международные организации в сфере безопасности и торгово-экономического взаимодействия с участием КНР, и стран ЦА;

- выработки практических рекомендаций во внешней политике и дипломатии по усилению потенциала и снижению рисков, возникающих во взаимоотношениях между Китаем и странами ЦА;

- консультаций и построения сценариев взаимоотношений в политико-экономической сфере на ближайшую и среднесрочную перспективы между Китаем и государствами Центральной Азии;

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту положения:

1. Анализ процесса формирования современных внешнеполитических механизмов Китая наиболее явно видится прежде всего через призму классических теорий международных отношений, таких как неореализм и неолиберализм, но, основное стратегическое внимание стоит уделить теории комплекса региональной безопасности и теории периферийной дипломатии Китая, так как на данный момент регион ЦА испытывает процесс институционализации китайского влияния на фоне изменения паттернов секьюритизации;

2. Геоэкономический подход выступает в роли основного инструмента внешней политики КНР в условиях глобализации. Это, в свою очередь, привело к тому, что баланс сил, основанный на военной силе, условно отошел на второй план, а геоэкономика, стала базовым механизмом внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Китая. Одним из показательных примеров (кейсов), который может служить моделью, является Индо-тихоокеанский регион. Именно на примере этого региона видно, что геоэкономика выступает в качестве инструмента дипломатического воздействия и как средство институционального строительства. Элементы основных тенденций в сфере безопасности, экономики и институционального влияния, которые наблюдаются в регионе посредством китайского влияния уже проецируются на другие регионы, в том числе и в ЦА.

3. Секьюритизация китайских внешних геоэкономических интересов, заложила основы институционализации китайского влияния, в связи с этим,

политическое влияние КНР сложно измерять классическими механизмами баланса сил, необходимо применять неолиберальную парадигму, которая ставит во главу угла сотрудничество, в частности в сфере развития и диверсификации экономических институтов.

4. В Центральной Азии, к началу второй декады 21 века и далее Китай сумел институционализировать свое влияние. Особенностью китайско-центральноазиатских отношений в данный период является то, что происходит смещение регионального баланса сил, где Китай выступает в качестве проводника комплексной безопасности для стран региона. Для укрепления отношений и диверсификации взаимодействия странам региона необходима общая повестка, основанная на взаимных интересах развития, которая будет способствовать не только укреплению баланса сил как внутри, так и во внешнем контуре.

5. Центральноазиатский региональный комплекс безопасности испытывает ряд трансформационных изменений, при которых происходит формирование азиатско-центрических паттернов безопасности, которые характеризуются наличием и возрастанием нетрадиционных аспектов безопасности, экономическим развитием, экологическими факторами и диверсификацией миграции населения и т.д. Для дальнейшего развития сложной и многоуровневой системы безопасности в ЦА необходимы новые подходы и большее вовлечение стран региона в новые совместные проекты и инициативы, которые будут способствовать укреплению безопасности в регионе.

Структура диссертационной работы обусловлена логикой достижения поставленной цели и задач исследования и состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Теории международных отношений дают научно-методологическое обоснование политических процессов. Геополитическое восхождение Китая, может быть объяснено рядом теорий международных отношений, среди которых можно выделить неореализм, неолиберализм и теорию комплекса региональной безопасности.

1.1 Неоклассический реализм в контексте аспектов секьюритизации

Одна из ведущих школ, которая отображает тренды, существующие в рамках современного политического развития Китая, это неоклассический реализм Дж. Миршаймера. Дж. Миршаймер является основателем концепции неоклассического реализма, который преимущественно изложен в его работе «Трагедия политики великих держав» [8, с. 13]. В ней автор отображает базовые концепты политического реализма в новых международных условиях. Теоретическая работа Дж. Миршаймера получила название неоклассического реализма, так как она в своем концептуальном отношении дополняет некоторые аспекты классического реализма Г. Моргентау.

В плане идей политического реализма, в 1970-х и 1980-х гг., доминировала концепция неореализма или структурного реализма К. Уолтца. Основным утверждением неореализма является то, что причиной международных конфликтов, является сама структура международных отношений [8, с.35]. Также неореализм утверждает, что государство стремится к достижению достаточного (sufficient) уровня безопасности для того, чтобы обеспечить соответствующий, или нормальный уровень безопасности. Что самое примечательное, идей неореализма получили развитие в период холодной войны, когда существовала биполярная система.

С точки зрения, неореализма, биполярность является наиболее стабильной моделью системы международных отношений [8, с.54]. Основной особенностью концепции Миршаймера является то, что он предоставил теоретическое обоснование геополитического подъема Китая. В его книге «Трагедия политики великих держав», автор выделяет отдельную главу, где раскрывается причина и природа геополитического подъема Китая.

Основным тезисом теории неоклассического реализма, является то, что государство стремится достигнуть максимальной концентрации национальной мощи для того, чтобы выжить в анархической международной среде [8, с.35]. Согласно классическим реалистам, международная среда характеризуется анархией, где отсутствует высший наднациональный орган [8, с.33]. В данном случае, сторонники политического реализма, ссылаются на принцип общественного договора, который обеспечивает существование общества, и тех политических институтов, которые в нем существуют. Они же в свою очередь, регулируют социальную жизнь общества, поддерживая в нем порядок [108]. Таким образом, объясняют реалисты, общество поддерживается наличием

социально-политических институтов, в то время как в международной среде, данный формат отношений отсутствует [8, с. 59]. Анархическая среда международных отношений, характеризуется тем, что в ней нет высшего наднационального органа, который регулировал бы отношения между ее участниками – нациями-государствами. Исходя из тезиса о международной анархической среде, реалисты формируют идею выживания государства. Выживание является главной целью существования государства в международной среде [8, с.43-44]. Согласно классическому реализму причиной международных конфликтов, является природа человека, которая выражается на уровне межгосударственных отношений. Также, неореализм и неоклассический реализм объединяет то, что причиной международных конфликтов является сама структура международной системы.

Другой важной чертой неореализма выступает страх и отсутствие уверенности в других государствах, а точнее в их намерениях [8, с.47-48]. В неоклассическом реализме, как и в целом, реалистической парадигме, материальные возможности являются центральным элементом национальной мощи, о котором еще утверждал Г. Моргентау. Согласно Миршаймеру, государство обладает военной силой, которая является выразителем национальной мощи. Миршаймер разделяет ее на латентную и открытую. Латентная национальная мощь – это экономика, материальный базис национальной мощи. Открытая форма национальной мощи – это военная сила. С помощью военной силы, государство может проецировать свое влияние на международном уровне [8, с.85]. Неоклассический реализм утверждает, что государства ведомы страхом и основной формат внешнеполитического поведения, формируется посредством отсутствия уверенности государствах в политических устремлениях других государств. Также, Миршаймер утверждает, что государства обладают военной силой, но ни одно государство не может быть уверено в том, как поведет себя другое государство, поэтому данный формат отношений создает проблему дилеммы безопасности, когда безопасность одного государства, обеспечивается за счет безопасности другого государства [8, с. 53].

Таким образом, Дж. Миршаймер утверждает, что для государства для того, чтобы достигнуть полноценной или всеобъемлющей безопасности, необходимо достигнуть гегемонии. Гегемония, с точки зрения политического реализма, это достижение полноценного политического влияния, посредством накопления национальной мощи, выраженной в соответствующем эквиваленте военной и экономической мощи. Поэтому, государство, чтобы выжить должно, стремиться к достижению гегемонии [8, с.55].

Дж. Миршаймер также отдельно рассмотрел вопрос геополитического восхождения Китая. Его основной вопрос, это «Может ли подъем Китая быть мирным?». В данном случае, Миршаймер дает теоретическое обоснование внешнеполитического поведения Китая, в рамках теории наступательного реализма. Миршаймер, также утверждает, что не существует абсолютного гегемона, на глобальном уровне, и государство-гегемон в любом случае обладает определенными лимитами. По существу, Миршаймер утверждает, что

существует региональный гегемон, так как и сам мировой гегемон, в лице США, также обладает своими естественными лимитами [8, с.50].

Геополитический подъем Китая, стал центральным элементом современной системы международной безопасности. В период правления Си Цзиньпина, Китай значительным образом аккумулировал свою экономическую и военную мощь. Как отмечают эксперты, политический образ и потенциал Китая, начала 2000-х гг. и современный Китай, значительным образом отличаются друг от друга [107, с.20]. В некоторой степени, внешняя политика Китая может быть объяснена через призму политического реализма, что соответствует ее основным паттернам. Китай, на данный момент, является ведущей экономикой мира и строит передовые вооруженные силы.

С момента геополитического подъема Китая, вопросы региональной безопасности в Восточной Азии, и шире в Азиатско-Тихоокеанском/Индо-Тихоокеанском регионе, стали определяться дилеммой безопасности [108, с. 167-214]. Хотя большинство экспертов и акцентирует внимание, на том, что экономический локомотив является центральным звеном геополитического подъема Китая, то военная сила, в данном случае играет немаловажную и даже где-то определяющую роль в формировании системы региональной безопасности. Дэн Сяопин, в ходе реформ конца 1970-х и 1980-х гг., отмечал модернизацию армии как одно из приоритетных направлений в национальных реформах [109]. Далее, в начале 2000-х гг., в период интенсивного экономического подъема, для Пекина возникли новые потребности в безопасности [76, с.60]. В частности, бывший председатель КНР, Ху Цзиньтао, отмечал, что основной фактор безопасности формируется вокруг «Малаккской дилеммы», а именно обеспечения безопасности транспортно-логистических путей [110]. Затем, в 2004 г. им была озвучена концепция «Новой исторической миссии НОАК», которая охватывает новые аспекты безопасности, такие как «защита расширяющихся национальных интересов» [70, с.28]. Данное заявление носило доктринальный характер, и оно оформило новое стратегическое видение НОАК, и общей стратегической политики КНР.

Военная модернизация НОАК стала одним из центральных элементов, в развитии современного Китая. Изменение стратегической ситуации, в связи с распадом СССР, и соответственно, трансформация геополитического ландшафта, привели к смене стратегических приоритетов. Разрешение территориальных споров с бывшими государствами Советского Союза, сместило приоритет вопросов безопасности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также вовлеченность Китая в дела Южной Азии, оказали непосредственное влияние на модернизацию и характер его вооруженных сил [111,112]. Так, сухопутная армия НОАК была существенным образом сокращена, так как в большей степени не отвечала, новым стратегическим условиям. Эксперты отмечают, что географический фактор АТР, привел к формированию нового стратегического видения НОАК, где главными компонентами современной армии стали военно-воздушные силы, военно-морские силы, и ракетные войска, а также существенным образом возросла роль и кибервойск [112, с.82]. Китай

является обладателем самого обширного количества военных надводных кораблей и активно модернизирует АПЛ. В целом, идет модернизация и взаимодействие ВВС и ВМФ НОАК, в боевых условиях [113]. Другим существенным элементом, в модернизации НОАК, выступают ядерные силы. На момент распада ДРСМД (Договора о ракетах меньшей и средней дальности), Китай являлся обладателем значительного количества ракет меньшей и средней дальности, что вынудило США к выходу из Договора [114]. Модернизация ядерного компонента стала одним из существенных элементов, в плане роста возможностей глобального проецирования силы Китаем [115].

Согласно неоклассическому реализму Миршаймера для того, чтобы выжить, государство должно аккумулировать значительную национальную мощь и влияние. Поэтому, основные внешнеполитические механизмы Китая, формируются в контексте парадигмы политического реализма Миршаймера. Таким образом, основные интеллектуальные паттерны политического реализма и секьюритизации переплетаются друг с другом, что можно наблюдать на примере образования Индо-Тихоокеанского макрорегионального кластера безопасности. Аналогичные теоретико-методологические подходы можно применить и к Центральной Азии, где процесс секьюритизации коррелирует с институционализацией.

1.2 Неолиберализм в международных отношениях: институционализация и секьюритизация

Важную роль в формировании новых паттернов секьюритизации и институционализации Китая можно отнести парадигме неореализма. Исходя из выводов предыдущего параграфа, преимущественно паттерны внешней политики Китая, формируются в рамках реалистической парадигмы международных отношений. Но, тем не менее, в 1990-х и 2000-х гг., была актуальна неолиберальная модель для Китая, и это в первую очередь связано с проводимыми экономическими реформами. В конце 1970-х гг. Дэн Сяопин объявил политику реформ и открытости. Китай отказался от плановой экономической модели, и рыночные реформы значительным образом преобразовали Китай, позволив увеличить ВВП и снизить уровень бедности. В западной политической и академической среде, был популярен тезис о последующей политической эволюции Китая, из однопартийной коммунистической системы в плюралистическую модель демократии [116]. Сторонники неолиберального подхода полагали, что внедрение рынка приведет к либерализации политической системы Китая, и как результат это будет иметь прямые последствия для системы региональной безопасности [1, с.13]. Поэтому, так важно рассмотреть неолиберальные концепции в международных отношениях.

Одна из основных концепции в неолиберальной школе международных отношений – это теория демократического мира. Теория демократического мира утверждает, что демократии не воюют друг с другом, в силу ряда особенностей форм демократического правления, это не представляется возможным. Теория

демократического мира выделяет ряд системных особенностей между демократическими государствами, что, в конечном счете, ведет к утверждению мира и стабильности. Как утверждает автор концепции теории демократического мира, Брюс Рассет, реалистическая парадигма видит мир сквозь призму дилеммы безопасности, где выживание государства является его главной целью в анархической системе международных отношений. Неолиберальный институционализм, напротив, утверждает, что кооперация является основным механизмом международных отношений, отталкиваясь от идей рациональности государств как акторов международных отношений. При этом неолиберальный институционализм признает, что именно государства являются основными участниками международной системы [9, с. 1-10]. Институциональная платформа создает базу для кооперации, поэтому, в условиях институционализации международной системы, дилемма безопасности не играет центральной и определяющей роли [62, с. 379].

Теория демократического мира, также утверждает, что государства с демократическими формами правления не воюют друг с другом. Теория демократического мира анализирует влияние внутривнутриполитического устройства на международную систему [62, с. 378-379]. К примеру, ЕС является одним из практических воплощений теории демократического мира, и государственная политика в Европе, не определяется аспектами дилеммы безопасности. После окончания Второй мировой войны, государства Западной Европы перешли на демократические политические институты. В период начала холодной войны, дилемма безопасности и баланса сил, более не является регулирующим механизмом межгосударственных отношений, как это было в предыдущие столетия [117]. Поэтому демократическая система создает определенные предпосылки для существования универсального мира.

Брюс Рассет, автор данной концепции, выделяет ряд особенностей теории демократического мира. Транснациональные и международные институты способствуют сохранению мира. Данный тезис пересекается с идеей Р. Кеохейна касательно неолиберального институционализма. В реалистической системе международных отношений, государства являются основным актором международной системы, и поэтому решения принимаются единолично государствами. Особенностью международных институтов является то, что они продвигают механизмы разрешения конфликтов мирными средствами [62, с. 379]. Институты в плане своей административно-бюрократической организации выражаются в плане юридической базы, и поэтому это сближает государства для развития кооперации. Автор приводит пример Европейского Сообщества, существовавшего до образования ЕС. Особенностью Европейского Сообщества является наличие интеграционных/кооперационных институтов, которые создают базу для кооперации. В данном случае, усиление кооперации/интеграции ведет к снижению вероятности возникновения войны [62, с. 381]. Другой особенностью транснациональных и международных институтов, является то, что они апеллируют к транснационализму. Здесь, также существует интеллектуальная параллель между комплексной взаимозависимостью Кеохейна

и Рассета. В теории демократического мира, транснационализм формирует сеть плюрализма и демократии, что ведет к разнообразию мира, и это в любом случае будет способствовать сохранению мира и стабильности [62, с. 378].

Демократические нормы играют важную роль в поддержании мира. Демократии не воюют друг с другом по той причине, потому что демократия – это сложная форма организации политической системы. Согласно, теории демократического мира, авторитарные и тоталитарные режимы склоны к войне, из-за наличия единоличного политического центра, который сосредоточен либо у диктатора, либо у определенной политической группы. Как отмечает автор концепции, государства с единой политической системой могут воевать друг против друга, к примеру, в случае Советского Союза и Китая, наличие общей коммунистической идеологии, или Аргентины и Великобритании, союзничество с США [62, с. 380]. Демократии не воюют с демократиями, в силу наличия сложной политической организации общества, а также идейно-идеологического единства. В демократиях существует механизм сдержек и противовесов и поэтому война представляется маловероятной [62, с. 386].

Демократии в определенной степени являются носителями социальной культуры. Согласно теории демократического мира, демократии изначально в своей политической природе миролюбивы. Особенностью демократической политической системы является наличие сложной институционализированной системы, которая обозначается как система сдержек и противовесов. Институты способствуют продвижению и разрешению конфликтов мирными средствами, это происходит, как и на общественном уровне, так и на уровне международных отношений [62, с. 388]. Наиболее приемлемым результатом являются страны ЕС. Демократическая система образует три базовых уровня: национальный, наднациональный/региональный и международный. На национальном уровне, существует демократическая политическая система, в виде институционализированной демократии, т.е. системы выборов, свободы слова, смены правительства и т.д. На наднациональном/региональном уровне существует система политических институтов, которая подчинена комплексным бюрократическим моделям. И наконец, третий уровень, международный. На международном уровне, ЕС формирует свою политику в рамках институциональной кооперации, и делает упор на международные организаций [117]. В теоретическом плане, все эти моменты вписываются в контексте доводов теории демократического мира и комплексной взаимозависимости.

Отличительной особенностью политической культуры демократии является то, что они предпочитают мирное разрешение конфликтов или диспутов. Разрастание конфликта ограничивается либо демократическими институтами, либо мнением народа. Диспуты регулируются через политический процесс, который в некотором роде обеспечивает баланс между мнением большинства и правами меньшинства, это в свою очередь создает прецедент для существования лояльной оппозиции, которая действует в рамках существующей правовой системы государства. Наличие в демократических системах нормативных институтов способствует ограничению авторитарного поведения государства,

как государственными институтами, так и самим населением. Наличие демократических традиций ведет к тому, что государство имеет ограничение на применение силы по отношению к собственным гражданам [62, с. 390].

Существование демократических институтов зиждется на наличии социальных норм, которые являются базой для демократии. Многие государства мира, после окончания холодной войны, носят названия демократических и признают наличие государственных институтов власти, которые являются носителями демократии. К примеру, такие институты, как президент, парламент, система выборов и т.д. Но существование реальной демократии, является возможным исключительно только при существовании социальных норм и традиций, которые также называются социальными институтами. Одним из основных предпосылок формирования демократии и рыночной экономики, является существование инклюзивных институтов., т.е. в социуме должны существовать демократические нормы и традиций, которые вписываются в социальную матрицу общественных институтов [118].

Демократические идеи по своей природе, универсальны, и направлены на самоопределение. В свою очередь, демократический универсализм создает базу для общего восприятия права на самоопределение [62, с. 388]. Одни демократии признавая принцип права на самоопределение других, тем самым признают право остальных на самоопределение. Данная идейная общность создает базу для сохранения мира. Исходя из данного тезиса, другие демократии признавая принципы эпохи Просвещения, уверены в том, что ни одна из сторон не будет доминировать над другой, так как данная сторона также признает принципы самоопределения. Одна из существенных причин, по которой не-демократии воюют с демократиями, заключается в том, что в недемократических политических системах отсутствует сдерживающий фактор в лице системы сдержек и противовесов, поэтому авторитарные и тоталитарные режимы склонны к войне. Как отмечает Рассет, внутренняя агрессия, в рамках авторитарной модели, ведет к внешнеполитической экспансии. Поэтому, демократии создают зону мира, в то время как недемократические системы создают зону войны [62, с. 391]. Таким образом, теория демократического мира подчеркивает, что страны с демократическими политическими системами не воюют друг с другом. Тем не менее, автор концепции теории демократического мира признает, что война между демократиями возможна, но, тем не менее, данная форма конфликта носит ограниченный либо кратковременный характер, и может быть урегулирована рядом институциональных и иных мер [62, с. 388]. В отличие от не-демократии, война между демократиями и не-демократиями более вероятна, в силу особенностей не-демократии.

Поэтому, характер и специфика режима влияют на динамику и процесс формирования системы региональной безопасности. Теория демократического мира, является одним из ведущих ответвлений неолиберальной школы международных отношений, которая рассматривает влияние внутренних социально-политических паттернов на международную среду. Стоит отметить, что классическая модель Вестфальской системы наций-государств отдает

приоритет национальному суверенитету, тем самым сохраняя специфику внутри политического строя. Доминирование закона, в его международном проявлении: примат наднационального права, а также международных норм, создают базу для развития неолиберального институционализма, как формы политического взаимодействия между демократическими государствами.

Другая актуальная теория международных отношений, в рамках неолиберальной парадигмы – это теория комплексной взаимозависимости. Данная концепция была предложена Р. Кеохейном, американским ученым, одним из сторонников неолиберализма в международных отношениях. Теория комплексной взаимозависимости утверждает, что с периода начала 1970-х гг., международная система пережила значительные преобразования, и глобальная повестка международных проблем более не определяется традиционными вопросами военно-политической безопасности, либо территориальной экспансии [119].

Можно даже отметить, что развитие и формирование комплексной взаимозависимости предшествовало развитию глобализации. Теория комплексной взаимозависимости несет с собой ряд утверждений, которые касаются специфики международной системы. В нее входят определение взаимозависимости, ее элементов, а также акторов и новых трендов. В целом зависимость означает состояние, которое определено внешними факторами. Взаимозависимость, в общем, определяется как системная или присутствие общей зависимости тех или иных акторов. В тоже время, состояние взаимозависимости не обозначает наличие общего выигрыша для сторон [120].

Р. Кеохейн также отмечает, что в рамках комплексной взаимозависимости, произошла эволюция понятия «мощи». Для классических реалистов, термин «национальная мощь» является одним из центральных элементов политического реализма. Национальная мощь в понимании реалистов, это, прежде всего материальная мощь государства, выраженная в эквиваленте экономического и военного потенциалов государства. Моргентау выделяет ряд аспектов национальной мощи государства: география, размер территорий, демография, экономика и ресурсы, индустриальная мощь, качество политических институтов и дипломатии [121]. Миршаймер отмечает существование открытой мощи и латентной мощи государства [8, с. 56-57].

Кеохейн отмечает, что возможности силы (power capabilities) приобрели более сложный характер в условиях комплексной взаимозависимости. Если раньше военная сила была определяющим фактором, а война являлась основным механизмом системы международных отношений, в предыдущие периоды, то формирование системы комплексной взаимозависимости, существенным образом изменило суть национальной мощи [122]. Благодаря развитию международной торговли и формированию международных финансовых институтов, структура национальной мощи стала включать в себя экономические элементы. Согласно Кеохейну, благодаря смещению центров мощи, малые государства стали определять международную повестку, и если раньше международную повестку преимущественно определяли крупные государства, с

доминирующей военной силой, то в комплексной взаимозависимости такой возможностью обладают и малые государства [122, с. 507].

В целом Кеохейн выделяет два измерения мощи, чувствительность и уязвимость (*sensitivity* и *vulnerability*). Значение чувствительности выражается в структуре того, что ситуация в одной стране, безусловно, оказывает влияние на ситуацию в другой. Автор выделяет экономическую и социальную чувствительность. Другой концепт – это уязвимость. Уязвимость означает, что одно государство зависимо от другого государства, преимущественно в экономическом плане. Наиболее подходящий пример — это энергетический кризис 1970-х гг., вызванный чередой арабо-израильских конфликтов, реакция арабских стран на израильское наступление, по снижению уровню добычи нефти, что имело прямой эффект на экономике Западных стран [122, с. 508].

Хотя суть ядерного сдерживания по своей природе, и относится к политическому реализму, тем не менее, Кеохейн отмечает роль ядерного фактора. Ядерное сдерживание, основанное на разрушительной мощи атомного оружия, создает условия для взаимозависимости, и поэтому это уменьшает вероятность возникновения войны [122, с. 515].

Что примечательно, Кеохейн не отмечает политический эффект экономики, в условиях взаимозависимости. Помимо того, что теория комплексной взаимозависимости является предыдущим этапом развития глобализации, комплексная взаимозависимость создала прецедент для развития геοэкономики. Как отмечают эксперты, политическое значение экономики, в условиях глобализации значительным образом возросло; основные механизмы международных отношений в постбиполярный период определяются экономическими факторами, а не военно-политическими [123]. Сейчас, таким эквивалентом, является геοэкономика. Феномен геοэкономики, заключается в том, что экономическая стратегия приводит к политическим дивидендам [77, с. 38]. Логика экономики совмещается с логикой политики [77, с.43]. Теория комплексной взаимозависимости признает доминирование не военных вопросов/дел на международной повестке, в частности экономики. Геοэкономика обозначает применение экономических средств, для достижения политических целей, куда входят торговля, инвестиций, кредиты, международная помощь и контроль энергоресурсов [77, с. 78-79]. Поэтому, геοэкономика является продуктом системы комплексной взаимозависимости.

Теория комплексной взаимозависимости также утверждает, что международная система определяется, не только государствами, но и другими акторами, чья роль только возрастает. Мир в силу развития таких технологических средств как радио, телевидение, средства транспорта, международный туризм и образование стал более взаимосвязанным [124]. Международные акторы представлены такими элементами как транснациональные корпораций, социальные группы, НПО, межправительственные организаций. Данные акторы также могут оказывать влияние на международные процессы, в рамках своего уровня влияния.

Наличие множества акторов и их социально-политическое разнообразие, ведет к тому, что международная повестка не определяется исключительно вопросами военно-политической безопасности. Вопросы военно-политической безопасности, преимущественно являются прерогативой политического руководства страны, и классифицируются как вопросы «жесткой» безопасности. Вопросы экономического, социального, культурного или экологического сотрудничества являются аспектами «мягкой» безопасности [125]. К примеру, в рамках принятия корзин СБСЕ (нынешняя ОБСЕ), Советский Союз делал упор на «жестких» измерениях безопасности - политической легитимизации границ, а США ставили упор на гуманитарное измерение, которое включало в себя права человека.

Хотя, как было отмечено выше, китайская внешняя политика формируется преимущественно в рамках политического реализма, тем не менее, неолиберальная парадигма была для нее актуальна в период 1990-х и 2000-х гг. В целом, ожидания западных экспертов развивались в рамках политики реформ и открытости в Китае. Основным доводом западных экспертов является то, что Китай, приняв экономические реформы, будет стремиться модернизироваться по Западным стандартам, где экономическая либерализация в любом случае будет способствовать демократизации политической системы [1, с. 33]. Несмотря на то, что китайская внешняя политика формируется преимущественно в контексте политического реализма, процессы, которые сформировали современный Китай и его национальную мощь, развивались в рамках неолиберальной парадигмы системы международных отношений.

Актуальность теории демократического мира, для Китая заключается в том, что рыночные реформы, последовавшие после проведения политики реформ и открытости, привели к существенным экономическим преобразованиям. Классическое западное видение, заключается в комплексном представлении демократической политической системы и рыночной экономики, их органической связи. Внедрение рыночных реформ, и их последующий успех, в любом случае должны были привести к либерализации политической системы Китая, и его возможного перехода от однопартийной системы к многопартийной, и в целом демократизации политической системы внутри Китая [1, с.6]. Также ряд экспертов отмечают, что выход Китая из состояния бедности, привел к формированию китайского среднего класса, только учитывая внутренние особенности Китая, его социально-политической системы, китайский средний класс предпочитает называться «средней стратой» [116, с.150]. Также теория демократического мира обладает и геополитическим значением, которое формирует систему региональной безопасности. Как было отмечено выше, демократическая организация политической системы ведет к укреплению региональной безопасности, и снижению возможности формирования дилеммы безопасности. Наличие демократии у соседних государств, ведет к институционализации системы региональных отношений, и снижает вероятность войны.

Как отмечает ряд экспертов, в Восточной Азии после окончания холодной войны, сформировалась такая ситуация, при которой выделяется государство-гегемон [110]. Дилемма безопасности стала основным геополитическим механизмом системы региональных отношений, первоначально в Восточной Азии, а затем и Индо-Тихоокеанского региона. Теория демократического мира способствовала бы укреплению системы региональной безопасности, основанной на принципах коллективной безопасности. Это, в свою очередь привело бы к институционализации системы региональных отношений.

По отношению к Китаю, теория демократического мира выражается в том, что после проведения экономических либеральных реформ, то это должно было привести к либерализации политической системы, что в свою очередь привело к снижению развития и формирования дилеммы безопасности в Восточной Азии. Здесь существует два комплексных момента, которые оказали бы влияние на данную трансформацию: первое, согласно теории демократического мира, это привело бы к формированию унифицированной политической модели, и соответственно вывели бы формат доминирования международного режима, чем баланса сил.

Второе, политическая модель демократии и рыночной экономики, вполне органично вписывается в рамках американской гегемонистской системы, т.е. не возникают естественные предпосылки для формирования системы отношений государство статуса-кво и государства-ревизиониста. Третье, как отмечают ряд авторов, в частности эксперты из Атлантического Совета, модель КПК несет в себе дух монадизма, что способствует гегемонистскому строительству Китая, и его отказ от существующей модели однополярного мира [126]. К примеру, российские авторы, в частности Виноградов А., указывают на то, что в своей внешней политике, Китай прибегает к «миростроительным функциям» [82, с. 41], отказавшись от следования однополярной модели системы глобальных отношений. Поэтому, исходя из этого американские авторы подчеркивают необходимость возрастающей роли идеологии в китайско-американском стратегическом противостоянии.

Мы не стали отдельно выделять данную теорию международных отношений, но она также важна для понимания образования системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Речь идет о теории гегемонистской стабильности. Теория гегемонистской стабильности относится к группе теории политического реализма экономического направления. В целом, классический реализм утверждает, что наций-государства являются основными участниками системы международных отношений, и институты не играют какой-либо существенной роли в международных делах, но, тем не менее, ведущие государства, либо государство-гегемон создает свою сферу влияния, посредством данных институтов или системы режимов [127]. Теория гегемонистской стабильности утверждает, что государство-гегемон создает вокруг себя сеть международных режимов, в виде институтов, и данные институты поддерживают существование гегемона. Теория гегемонистской стабильности означает существование международных структур, которые были образованы при

содействии государства гегемона. Институциональное строительство, в данном отношении служит для формирования и сохранения порядка государства-гегемона [128]. К примеру, к проамериканским международным структурам относятся такие организации как МВФ, Всемирный Банк, ВТО, НАТО, ОБСЕ, как режимы или институты американского влияния. Например, после окончания холодной войны, ведутся упорные дискуссии касательно будущего существования альянса, и поиска смысла существования данной организации. В период холодной войны, НАТО имело четкую цель в виде сдерживания советской военной мощи в Европе, но после окончания холодной войны, данная угроза исчезла. С теоретической точки зрения, если во время холодной войны, НАТО в большей степени представляло с собой структуру военно-политического альянса, то в период после окончания холодной войны, НАТО стало представлять с собой институт, который поддерживает порядок в Европе. Военно-техническая значимость альянса существенным образом снизилась, усиливая дипломатический и институциональный компонент организации, как структуры, которая поддерживает региональный и международный порядок.

Аналогичные процессы имеют место быть и в Индо-Тихоокеанском регионе. Для США, особенно в период правления Б. Клинтона стратегической задачей было содействие распространению демократии и рыночной экономике на глобальном уровне [129]. Вашингтон хотел, чтобы Китай оставался «торгующей нацией» [1, с. 33], т.е. государством, чьи внешнеполитические паттерны поведения, определялись бы торговлей и экономикой, а не аспектами военно-политических и институциональных нарративов. Здесь, в частности, американские эксперты приводят пример Германии и Японии, чье экономическое развитие и политическая стабильность, являются результатом американского влияния. Другим существенным элементом гегемонии является создание системы военно-политических союзов с США, что создает условия безопасности для стран-членов данных союзов, подкрепленных рыночной моделью экономики [130]. Также американские стратеги отмечают, что исчезновение США в роли гегемона, приведет к росту анархической многополярности [130, с. 24], и усилению тенденций формирования дилеммы безопасности на глобальном уровне [65, с. 390]. Поэтому, в данном случае, существует два подхода или определения в рамках теории гегемонистской стабильности: первое, это возможная демократическая эволюция Китая в 1990-х и 2000-х гг., которая снизила бы вероятность развития дилеммы безопасности; второе, это образование кооперационной платформы в виде доктрины «Ребалансирования» по вовлечению Китая в региональные дела.

Другое практическое применение теоретических концепций неолиберализма – это комплексная взаимозависимость. Особенность национальной мощи Китая заключается в его геоэкономическом потенциале и широких возможностях применения данных средств воздействия. Современный Китай сформировался в период транснационализации международных отношений [1, с.11]. Проведение политики реформ и открытости, привело к росту зарубежных инвестиций и оживлению экономики. Это, в свою очередь

привело к росту производства, и соответственно роста экспорта, а также импорта сырьевых ресурсов. Китай активно вступал в международные организации, которые способствовали росту его экономического благосостояния [112, с. 353]. В плане своей национальной мощи, Китай активно использует средства геоэкономического воздействия. Уровень экономической мощи КНР позволяет ему применять экономику, как политический инструмент, который как показывает практика, является более эффективным ресурсом, чем прямая военная сила [131]. Комплексная взаимозависимость позволила Китаю сформировать его основной геоэкономический ресурс.

Как показывают вышеприведенные примеры, хотя в академическом освещении, касательно геополитического роста Китая и доминирует реалистическое видение, но, тем не менее, базовые постулаты неолиберализма, также способны предоставить полное видение геополитических процессов вокруг Китая.

1.3 Теория комплекса региональной безопасности и ее роль в процессе институционализации

Основная концепция секьюритизации в современных международных отношениях представлена копенгагенской школой международных отношений в лице исследователей Барри Бузана и Оле Вейвера. Концепция секьюритизации выражается в теории комплекса региональной безопасности (ТКРБ), а именно в совокупном наборе двух основных теоретических школ международных отношений – неореализма и социального конструктивизма. Б. Бузан и О. Вейвер признают, что в рамках концепции ТКРБ, государство является базовым участником международного процесса, что делает неореализм одной из основ, концепции ТКРБ [7, с. 6]. Секьюритизация делает основной упор на неореалистическую модель К. Уолтца, признавая реалистическую парадигму международных отношений, преимущественно опираясь на международную структуру [7, с.7]. Другая основа ТКРБ, это социальный конструктивизм, который выражается в процессах секьюритизации и де-секьюритизации. Секьюритизация выражается в виде формирования конструктов безопасности.

ТКРБ, в своем структурном значении апеллирует к трем основным моментам: глобализации, неореализму и регионализму. Авторы признают, что мир на данный момент значительным образом переживает процесс глобализации, и это существенным образом меняет структуру международной безопасности. В частности, авторы выделяют такую тенденцию как территориальность и де-территориальность. Понимание территориальности в глазах авторов, касается видения наций-государств и глобализации. Согласно концепции ТКРБ, структура международной безопасности носит смешанный характер, как было отмечено выше, и для различных регионов характерен определенный комплекс безопасности. Спектр вопросов территориальности относится к неореализму, где наций-государства играют центральную роль, и к основным аспектам «территориальной» секьюритизации относятся вопросы военно-политической безопасности. К вопросам «де-территориальности» относятся проблемы,

преимущественно экономического, социального и экологического направлений, т.е. проблемы невоенного плана [7, с.9]. Авторы рассматривают проблему и природу глобализации в ее марксистском и либеральном понимании [7, с.7].

Также, авторы допускают реалистическое видение глобализации, как феномена однополярной гегемонии США [7, с.10]. Глобализация как явление экономического и социокультурного плана представляется продуктом американского доминирования, и поэтому в рамках секьюритизации, глобализация не может рассматриваться как исключительно политический безликий процесс, и поэтому, глобализация рассматривается как социокультурное выражение американского империализма, и как угроза для других стран и обществ [7, с.10].

Реалистический компонент ТКРБ заключается в том, что нации-государства являются основными участниками международной системы. Государства формируют глобальную повестку дня. В условиях глобализации государства перестали представлять с собой абсолютистскую форму социальной организации общества, но, тем не менее, суверенитет и политическая независимость остаются главными элементами в организации государства. Как было указано выше, базовый спектр вопросов безопасности, или секьюритизации в рамках реализма, заключается в сфере военной безопасности, и таким образом реалистический подход, а также регионализм, являются своеобразным дополнением к структурному реализму. Основной довод структурного реализма заключается в том, что причиной конфликтов в международной среде является международная система [8, с. 102], и поэтому, региональный компонент ТКРБ выступает своеобразным дополнением к данной теории, предлагая четвертый компонент – региональный. В тоже время, авторы отмечают, что существует некое противоречие между реализмом, а также регионализмом и конструктивизмом [7, с.28].

Другой существенный теоретический компонент – это полярность. Согласно концепции полярности, происходит смещение глобального баланса сил, который и определяет систему и динамику развития Комплекса Региональной Безопасности [7, с.27-28]. Полярности бывают трех видов: однополярность, с доминированием одной сверхдержавы; биполярность, с доминированием двух сверхдержав и многополярность, существование трех и более сверхдержав. Полярность, в своем значении, означает аккумуляцию степени материального влияния на глобальном уровне. К примеру, международная система перед началом Первой мировой войны была многополярной, но в плане конструкции альянсов, система носила биполярный характер. Затем к межвоенному периоду формируется многополярная система, с участием таких держав как США, Британская империя, СССР, Франция, Германия, Япония, Италия. После окончания холодной войны, формируется биполярная модель, где военно-политическое влияние сосредоточено у двух сверхдержав – СССР и США. После окончания холодной войны, формируется однополярная модель с гегемонией США. Таким образом, согласно авторам,

система Комплекса Региональной Безопасности эволюционирует в зависимости от содержания баланса сил [7, с.30].

Авторы концепции выделяют три уровня государств, по своему геополитическому потенциалу: сверхдержавы и великие державы на системном уровне, и региональные державы на региональному уровне. Стоит отметить, что политический реализм, как и Моргентау (классический реализм), так и Миршаймера (наступательный реализм), отмечают центральную роль военной и экономической мощи страны, что дает им уровень той или иной державы [8, с.57-58]. Сверхдержавы, прежде всего, должны обладать продвинутой военной силой мирового уровня, и экономическим потенциалом, который поддерживает данный уровень. Влияние и интересы сверхдержав представлены фактически во всех регионах планеты, и поэтому сверхдержавы принимают участие в секьюритизации и де-секьюритизации [7, с.34-35]. К примеру, во время холодной войны, Россия, по своему потенциалу находилась на уровне сверхдержавы, и соответственно биполярная структура международных отношений, определялась динамикой советско-американского противостояния на системном и региональном уровнях, т.е. сверху вниз [63, с. 101]. Сейчас же, по утверждениям некоторых специалистов, международная система вновь приобретает черты биполярности, но уже в рамках китайско-американского стратегического соперничества. Поэтому, уровень секьюритизации сверхдержавы определяется на системном уровне.

Другой уровень – это класс великих держав. Они обладают теми же характеристиками, что и сверхдержавы, но их уровень военной и экономической мощи ниже. Для великих держав не так важен международный институциональный и юридический уровень [7, с.35], так как они не составляют основу международной системы, т.е. не являются стержневым государством. Если уровень сверхдержавы распространяется на международном уровне, то уровень великой державы определяется на макрорегиональном уровне, т.е. основная сфера интересов великой державы определяется его родным географическим регионом [7, с.35]. К примеру, можно привести такие страны как Китай периода 2000-х гг. и постсоветскую Россию. К примеру, влияние Китая определяется его форматом экономических отношений со своими соседями, где Китай выступает в качестве ведущего торгового-экономического партнера, и политикой военного строительства, в контексте территориальных споров. Влияние постсоветской России ориентируется на постсоветское геополитическое пространство, где Россия посредством ряда региональных структур, таких как ОДКБ и ЕАЭС стремится сохранить свое влияние.

Авторы концепции отмечают, что великие державы обладают потенциалом для перехода на уровень сверхдержавы, в ходе его дальнейшей эволюции в качестве геополитического актора [7, с. 35].

И третий тип держав – это региональные державы. Здесь, в определении региональных держав вырисовывается некоторая аналогия с государствами, которых описывал Миршаймер, которые обладают развитой латентной силой, средним уровнем военной мощи, но ограниченным политическим влиянием. К

таким странам, он отнес Израиль и Швецию [8, с.68]. Региональные державы, это государства, чье влияние ограничено родным географическим регионом. К примеру, авторы концепции приводят ряд государств периода холодной войны: Ирак, Вьетнам и Египет. Данные государства в силу своего военного потенциала обладали политическим влиянием на своем региональном уровне [7, с. 38]. Сейчас же, в условиях актуальности геэкономике, статус региональных держав принадлежит таким странам, как Южная Корея, Турция, Саудовская Аравия и т.д., т.е. это преимущественно страны-члены G-20.

Другой научно-идейной базой данной концепции выступает социальный конструктивизм. Основная идея социального конструктивизма лежит в плоскости социально-конструируемых институтов, а также социальных паттернов, в их более глубоком понимании [132]. Базовая идея социального конструктивизма гласит, что социальные конструкты являются результатом политических, экономических, а также социальных процессов. Конструкты как политическая единица, или часть системы не статичны, они всегда меняются. Социальный конструктивизм имеет в большей мере социологическое восприятие политики, поэтому любая идея, мышление или традиция также являются продуктом данной конструкции [7, с.47].

С точки зрения, ТКРБ, угроза – это формируемый или, иными словами, конструируемый социальный паттерн, который зависит от различных условий. В данном случае, угроза воспринимается не как психологический аспект, но с учетом его политической составляющей, как социально-политический конструкт, который влияет на внутренние аспекты жизни общества, от вопросов идентичности и до вопросов международной безопасности. Центральным элементом выступает враждебность между акторами или государствами, особенно сформированная в ходе исторического опыта. Враждебность создает базу для секьюритизации не только в плане видения политического конструкта, но и как идейно-политическая база, оправдывающая смысл существования общества [7, с.40].

Помимо прочего, социальные институты, выраженные в традиции, выступают как своеобразный социально-политический конструкт. К примеру, Западная цивилизация обладает общими культурно-историческими предпосылками, и поэтому социально-политический конструкт западных стран схож друг с другом. К примеру, британское право лежит в основе англосаксонской политической культуры [133]. Это образует общее геополитическое пространство тех или иных стран. Также язык, как явление социокультурного характера является связующим элементом в плане культурного пласта тех или иных социумов. К примеру, конфуцианская культура создает базу для восточноазиатских обществ: Китая, Кореи, Японии и Вьетнама. Ислам создает базу для общей культуры стран Большого Ближнего Востока. Общие тюркские корни создают базу для стран Центральной Азии и Турции.

Также авторы концепции разделяют глобальный порядок на три уровня по своему развитию: премодерн, модерн и постмодерн. Данная классификация также носит глобальный характер.

В целом согласно концепции секьюритизации Бузана и Вэйвэра, региональное измерение, обладает свойствами социоэкономического развития. Данный уровень развития формирует основной кластер вопросов безопасности, начиная от социального и заканчивая до аспектов военно-политического характера [7, с.22].

Так, государства на уровне премодерна, преимущественно включают в себя Африку, отчасти Ближний Восток и отчасти Центральную Азию. Для премодерна в большей степени характерен традиционализм и патриархально-консервативные социальные паттерны в обществе, с уклоном на сырьевую экономику. Для модерна в плане политики характерен авторитаризм, в плане системы международных отношений доминирование аспектов военно-политической безопасности, в экономической системе – это смешанная модель экономики, с индустриальной и сырьевой ориентацией. В плане общественных ценностей – это материализм. Для постмодерна характерна демократия, экономика знаний и постматериализм [7, с.23]. Самое интересное, данная классификация в некоторой степени совпадает с неомарксистской интерпретацией И. Валлерштайна, где государства периферии – это общества премодерна, государства полупериферии – это общества на уровне развития модерна, и центр – это постиндустриальные общества.

Для каждой из данных социоэкономических формаций свойственны свои особенности секьюритизации. Для модерна преимущественно характерны вопросы военно-политической безопасности. Основу модерна, в ее субстанции философского понимания, составляет наций-государства. Наций-государства, как исторический феномен, сформировались в период зарождения Вестфальской системы. К примеру, с исторической перспективы, Европа в период XX-го столетия, находилась на уровне развития модерна. В период конца 20-го столетия, и начала XXI-го века, уровень развития Европы перешел на постмодерн. Модерн в XX столетии, в европейской истории, заключался в таких исторических моментах, как Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война. Последним геополитическим выражением модерна в западноевропейской системе безопасности стали некоторые опасения Великобритании и Франции касательно объединения Германии.

Еще во второй половине XX-ого столетия, в связи с образованием Европейского объединения угля и стали, а также развития дальнейших интеграционных процессов в политической, экономической и иных сферах, модель военной безопасности и баланса сил утратила свою актуальность в европейской политической системе, уступив место транснационализму и интеграции. Элементы модерна сохранялись для Советского Союза и США, которые составляли основу биполярного порядка холодной войны. Поэтому, внутри Европы, точнее Западной Европы, модерн уступил место постмодерну, а на глобальном уровне геополитического противостояния СССР и США, элементы модерна, как военно-политическое противостояние, ядерное сдерживание, гонка вооружений, идеологическое соперничество, сохранялись. Сейчас, на данный момент, основные паттерны безопасности

евроатлантического региона носят постмодернистский характер, и как отмечают авторы концепции ТКРБ, для постмодерна не характерны вопросы военного противостояния или крупной войны. Компоненты секьюритизации постмодерна определяются в большей мере социальными аспектами, идентичностью и миграцией [7, с. 23] режимов, которые характерны для того, или иного региона, в силу специфики его политического, экономического, институционального развития. Согласно ТКРБ, существует три режима: конфликтное образование, режим безопасности и сообщество безопасности.

Конфликтным образованием определяется регион, для которого характерны войны и конфликты. В данном случае речь идет о перманентных вооруженных конфликтах. Примером конфликтного образования может служить регион Юго-Восточной Азии, а также Ближний Восток и Южная Азия во время холодной войны. К примеру, в Юго-Восточной Азии во время холодной войны, имело место быть американское вторжение во Вьетнам, война между Вьетнамом и Камбоджей, а также китайско-вьетнамский конфликт 1979 г. Динамика безопасности на Ближнем Востоке определялась биполярным противостоянием США и СССР и арабо-израильскими войнами. Данный тип конфликта, можно характеризовать как вестфальский, где арабские нации-государства, вели борьбу с Израилем. И другой пример, конфликтного образования, это Южная Азия периода холодной войны, индо-пакистанского противостояния, вылившегося в три крупномасштабные войны.

Второй тип безопасности – это режим безопасности. Режим безопасности характеризуется тем, что перманентный конфликт между участниками международной или региональной системы отсутствует, но, тем не менее, существует вероятность войны или конфликта. Война или военная сила, в контексте режима безопасности, выступает в качестве внешнеполитического инструмента государства. Сама война в большей степени отсутствует, но механизмы военно-политического взаимодействия сохраняются. К современным региональным кластерам безопасности, можно отнести такие регионы, как Большой Ближний Восток, Индо-Тихоокеанский регион, а также постсоветское пространство.

Таким образом, режим безопасности может перейти в конфликтное образование. Основной особенностью режима безопасности является то, что военная сила не применяется перманентно, т.е. вооруженный конфликт отсутствует, но военная сила играет важную роль в формировании межгосударственных отношений, и является основным конструктором системы региональной безопасности.

И третий – это сообщество безопасности. Здесь, наиболее подходящий пример, это Северная Америка, а также ЕС [7, с.18]. Специфика данного кластера безопасности заключается в отсутствии прямой войны либо вооруженных конфликтов. Здесь, для полного понимания трансатлантического кластера безопасности, необходимо понимать, что раньше основные политические процессы в регионе, формировались в рамках парадигмы и системы наций-государств. Баланс сил являлся основным внешнеполитическим механизмом

государств региона, начиная с Вестфальской системы и до начала холодной войны. В начальный период холодной войны, основной центр международной военной и экономической мощи, был сосредоточен у неевропейских держав – США и СССР. В этих условиях, формируется институциональная база в виде кооперации, с одной стороны в области безопасности (НАТО), а с другой стороны в области экономического сотрудничества (ЕС).

Поэтому, война как средство или механизм внешней политики, отошла на второй план, и это свело на нет, военный элемент в рамках системы региональной безопасности. Образование НАТО, как средство защиты от внешней угрозы, в первую очередь от Советского Союза во время холодной войны, создало институциональную платформу для безопасности. Также благодаря развитию крепких экономических и социокультурных связей, в Европе на социальном уровне снизился уровень национализма, который был весьма распространен в XIX столетии, и являлся мотором экспансионистской политики государств. Развитие демократических институтов придало импульс к продвижению политического плюрализма как одного из главных политических институтов. Но в целом, Европа стала сообществом безопасности, благодаря двум значимым факторам: первое, это усиление экономической интеграции, повлекшей за собой развитие демократических политических институтов, усилению социальных и культурных контактов, и второе, это гегемония США, которая создала каркас безопасности. Североамериканский кластер безопасности базируется на культурной близости США и Канады. В данном отношении, культурная близость, принадлежность к англосаксонской культуре и Западу в целом, ведет к мирному сосуществованию двух государств. Поэтому, принцип или механизм баланса сил в рамках кластера безопасности Североамериканского континента, отсутствует.

Другим немаловажным и одним из центральных положений ТКРБ является структура региональной безопасности. Согласно авторам концепции, регион, в рамках динамики политических процессов, не является статичной структурой, а также может эволюционировать в зависимости от смены баланса сил, т.е. процессов секьюритизации и де-секьюритизации.

В плане структуры региональной безопасности, существуют уровни структуры региона: внутренний, региональный, межрегиональный и глобальный. Также авторы отмечают, что может возникнуть суперкомплекс региональной безопасности.

Структурный уровень регионов согласно ТКРБ. Авторы ТКРБ выделяют три уровня комплекса региональной безопасности: внутренний, региональный, межрегиональный и глобальные кластеры безопасности. Все это в целом, образует структуру региональной безопасности. Согласно Б. Бузану и О. Вэйверу, внутренний кластер безопасности, это природа и специфика внутренних проблем государства, состоящих в регионе. Региональные проблемы, это формат отношений между государствами внутри одного макрорегиона. Глобальный кластер безопасности – это значимость данного макрорегиона в рамках его планетарного значения [7, с. 47].

В целом, авторы отмечают базовую структуру ТКРБ в четырех компонентах:

1. Границы, которые различают РКБ (Региональные Комплексы Безопасности) от своих соседей;
2. Анархическая структура международных отношений, которое утверждает, что РКБ должно состоять из двух и более единиц;
3. Полярность, которая охватывает распределение силы среди единиц, т.е. государств;
4. Социальный конструкт, который охватывает паттерны вражды и дружбы среди участников [7, с. 53].

Исходя из вышеприведенных тезисов, авторы выделяют следующие уровни возможной эволюции РКБ: сохранение статуса-кво, что означает отсутствие каких-либо существенных изменений в структуре РКБ. Внутреннее изменение, что включает в себя трансформацию макрорегиона, изменения его региональных паттернов безопасности, изменения полярности, а также паттернов дружбы и вражды. И внешние изменения, они касаются уровня взаимодействия макрорегиона с другими макрорегиональными РКБ, а также их степень геополитической эволюции [7, с. 53]. Например, роль и место Пакистана во время холодной войны, и его позиция в усиливающемся противостоянии Китая и Индии, в настоящее время. Другой пример, это расширение НАТО и ЕС на восток, которые создали новые паттерны безопасности в период после окончания холодной войны.

Мы рассмотрим структуру региональной безопасности через призму Южной Азии, как макрорегиона. Согласно Б. Бузану и О. Вейверу, РКБ Южной Азии состоит из биполярного противостояния Индии и Пакистана, как ведущих государств региона. Индия и Пакистан являются основными государствами региона, составляющую его геополитическую основу, а также ряд более малых государств. С точки зрения ТКРБ, регион Южной Азии был маргинализирован во время холодной войны, так как не играл центральной роли во время советско-американского соперничества. РКБ Южной Азии сложился благодаря индийско-китайскому противостоянию, и участия внешних сил в геополитике региона [7, с.102]. Так, активными участниками системы региональной безопасности стали США и Китай, на стороне Пакистана, а также Советский Союз/Россия на стороне Индии [7, с. 104]. Но на данный момент, после нарастания китайско-американского стратегического соперничества, регион стал играть центральную роль в американской системе безопасности.

На внутреннем уровне, Б. Бузан и О. Вейвер идентифицируют ряд проблем, которые существуют внутри данных государств. Так внутренний комплекс безопасности, для Шри-Ланки определялся долгим конфликтом между правительством Шри-Ланки и повстанцами сепаратистской организации Тигры освобождения Тамил-Илама, боровшееся за отделение части Шри-Ланки, и создания независимого государства тамиллов. Данный конфликт завершился в 2009 г. Внутренние проблемы Пакистана определяются рядом угроз, которые существуют для его безопасности. Первое, это активная деятельность различных

террористических группировок. Другой спектр вопросов, это также сохранность и безопасность ядерных зарядов, которые могут попасть в руки террористов. Для Индии внутренняя проблема лежит в определении идентичности страны, и каким образом это может повлиять на геополитическую ситуацию в регионе. Так первоначально основными принципами Индии является светскость и мультикультурализм индийского общества. Но как отмечают авторы, после окончания холодной войны, стала набирать популярность идея индусского коммунизма, которая выражается в деятельности партии ВДР. Утверждение и лидерование ВДР, может привести к внутреннему расколу страны, что, безусловно, скажется на геополитическом раскладе внутри региона [7. с.108-109].

Региональный / Межрегиональный кластер безопасности определяется вопросами и динамикой индийско-пакистанского противостояния. Спор между двумя государствами субконтинента ведется из-за статуса Кашмира, с периода обретения независимости двумя государствами. Ядерный элемент, а также пакистанское вмешательство в дела Индии представляются основными компонентами системы региональной безопасности. Индия и Пакистан являются обладателями ядерных вооружений, Индия приобрела ядерное оружие в 1974 г., Пакистан в 1998 г. В период раннего президентства П. Мушаррафа, возник ядерный кризис между двумя государствами. Другой существенный элемент системы региональной безопасности – это поддержка Пакистаном движения Талибан в Афганистане. С точки зрения, ТКРБ – Афганистан является государством-инсулятором, то есть его географическое положение, позволяет ему находиться в обоих регионах одновременно. Таким образом, Афганистан соединяет Южную Азию с Центральной Азией. Ключевым историческим моментом, в данном отношении, стало советское вторжение в Афганистан. Пакистан, в контексте американской стратегии сдерживания коммунизма (доктрина Рейгана), стал играть ключевую роль в американской региональной политике. Как отмечают авторы концепции, Пакистан во время холодной войны находился в большей сфере Ближнего Востока. Так, безопасность Пакистана и внешнеполитические интересы США были связаны с комбинацией баланса сил в регионе Ближнего Востока [7, с. 112].

Посредством наращивания помощи антисоветскому движению в Афганистане, Пакистан стал оказывать поддержку различным политическим партиям и организациям исламистского характера. Важность данного элемента, заключается в том, что посредством этого, Пакистан стал оказывать влияние на государства Центральной Азии, которые не разделяют с Пакистаном общего комплекса региональной безопасности. Таким образом, влияние Пакистана на Афганистан, является одним из ключевых механизмов системы региональной безопасности.

Другим существенным элементом системы межрегиональной безопасности, является вовлеченность Китая. Китай первоначально был вовлечен в рамках политики баланса сил, сдерживания Индии, где Пакистан и Китай признают друг друга союзниками. После пограничного конфликта 1962 г. между Индией и Пакистаном оформились стратегические отношения. На данный

момент, в условиях роста стратегической значимости Китая, и реализации проекта Морского Пояса и Пути, Китай активнее втягивается в региональный комплекс безопасности [71, с. 184]. Поиск Китаем сырья для экономики, привел к активизации китайского присутствия в Африке. В середине 2000-х гг., сформировалась тенденция «жемчужиной нити», когда Китай развивает разветвленную сеть транспортно-логистических коммуникации в регионе Индийского океана [134]. Это, в свою очередь привело к формированию паттернов безопасности, где КНР укрепляет военно-морские средства ВМФ НОАК, в том числе и ядерный компонент, что не может не отражаться на безопасности Индии [135]. Продвижение Китаем своего внешнеполитического влияния в регионе Индийского океана, путем геоэкономических мер и усиления военного присутствия, привели к формированию новых паттернов безопасности.

Таким образом, мы наблюдаем за эволюцией регионального комплекса безопасности в Южной Азии, его межрегионального компонента. Во время холодной войны, Пакистан был вовлечен в систему геополитических отношений Ближнего Востока, сейчас, хотя официально Пакистан не признается частью Индо-Тихоокеанского региона, но, тем не менее, учитывая его политическую значимость для Китая, то он стал частью макрорегиональной безопасности ИТР. В случае Индии, мы наблюдаем смену ее традиционного пророссийского вектора, который сохранялся даже после распада СССР, на стратегическое партнёрство с США, в рамках американских инициатив безопасности в ИТР.

Глобальный уровень РКБ Южной Азии, можно выразить в рамках двух особенностей. Хотя Б. Бузан и О. Вейвер и не упоминают экономический фактор, тем не менее, глобальная значимость Южной Азии лежит в экономической плоскости, т.е. роль и положение Южной Азии в глобальной экономической цепочке. Второй важный аспект, это участие США и усиление китайско-американского стратегического соперничества, что формирует паттерны региональной безопасности. Во время президентства Д. Трампа, США приняли стратегию Индо-Тихоокеанского региона, где подчеркивалась стратегическая значимость Индии. Китай стал объектом секьюритизации Индии, и поэтому Индия стала активным участником каркаса американской системы безопасности в регионе.

Таким образом, мы видим то, что формирование регионального комплекса безопасности, это весьма сложный и комплексный процесс. В рамках диссертационного исследования, необходимо выделить два процесса, которые его формируют: секьюритизация и институционализация. Процесс секьюритизации был изучен О. Вэйвером, и он отображает формирование базовых паттернов секьюритизации. В данном случае, механизм секьюритизации означает формирование угроз и их эволюцию, от зарождения и до угасания. В рамках концепций ТКРБ, можно привести аналогию с уровнем анализа международных отношений К. Уолтца, а именно со трехсторонним уровнем системы международных отношений, который определяется: индивидуальными, общественным и международными подходами. В то время как О. Вейвер рассматривает термин «безопасности» в логической связке между

государственной, т.е. общественно-политической и индивидуальной безопасностью. В данном случае, прослеживается процесс взаимосвязи между индивидуальной и общественной безопасностью.

Сам процесс секьюритизации в рамках ТКРБ обозначает формирование паттернов безопасности. По сути говоря, политический реализм, с его балансом сил, также предоставляет некоторые основы для данного концепта, но он рассматривает их, исключительно во внешнеполитическом ключе. Секьюритизация означает формирование паттернов, которые будут играть важную роль в формировании того или иного политического процесса, но в контексте безопасности, т.к. понятия «политики» и «безопасности» тесно переплетены друг с другом. Также процесс «секьюритизации» означает формирование паттернов дружбы и вражды, в рамках одного региона, или глобального мироустройства. Паттерны дружбы и вражды являются ведущими элементами, в рамках процесса секьюритизации.

Другой понятий аппарат, который определяет динамику формированию комплекса региональной безопасности, это процесс «институционализации». С точки зрения социологии, институты – это нормы и традиций, которые формируют динамику и норму отношений между субъектами. Институт воплощает в себе выработанные нормы поведения того, или иного общества, и включает в себя паттерны поведения. Для понимания формирования институтов, стоит обратиться к антропологии, точнее социальной антропологии, т.к. изначальная географическая среда диктовала развитие и формирование норм поведения, которые впоследствии сформировались в виде традиций, т.е. социальных институтов.

С точки зрения социологии, «институционализация» — это процесс адаптации норм поведения в той или иной среде. В данном случае, процесс институционализации, сравним с гегемонией. Особенностью гегемона выступает то, что он создает вокруг себя институты и режимы, для США, на глобальном уровне, для России на региональном уровне. Таким образом, если экстраполировать термин «институционализации» на международный или геополитический уровень, то, это процесс адаптации или продвижения новых норм поведения.

1.4 Роль и место концепции «стратегической периферии» в рамках институционализации

Китайские теории международных отношений также предоставляют определенную научно-методологическую базу, через которую можно понять стратегическое поведение Поднебесной в международных делах.

У Китая, в отличие от других региональных акторов, не имеется какой-либо четкой и определенной стратегии по региону ЦА [69, с. 30]. Отсутствие китайской доктрины по региону, нельзя принимать за то, что ее по простому отсутствует у внешнеполитического видения Пекина. Скорее всего, проблема в большей степени коренится в региональном восприятии Китая. Центральная Азия, это регион, который подвержен сильным синофобским настроениям, и

чтобы не поджигать данные настроения в политико-академической, и тем более в общественно-политической среде, у Китая отсутствует единая стратегия по региону. Нужно признать, что единая стратегия по региональному развитию, и даже по пере обустройству есть только у ЕС и США, в виде таких официальных документов, как стратегия ЕС по ЦА, и бывшая доктрина Большой Центральной Азии.

В данном случае, особенностью китайской доктрины по Центральной Азии, выступает ее многоплановость, а именно то, что она проявляется в различных направлениях, в таких как формат двухсторонних отношений, со странами региона, или в рамках многосторонних институтов, таких как ШОС, Пояс и Путь, или СВМДА.

В целом, китайскую стратегию по региону, можно разделить на два уровня. Первый уровень, это сами китайские доктринальные основания, такие как «периферийная дипломатия», и идея «сюзеренитета» в международных отношениях. Идей «периферийной дипломатии» заключены в китайских документах, в то время как концепция «сюзеренитета» заключена в историко-философском видении Китая, в его традиционной эсхатологии.

Второй уровень, это группа официальных документов, которые отображают видение сторон, как на двухстороннем, так и на многостороннем уровнях. Это, к примеру, могут быть форматы двухстороннего кыргызско-китайского или таджикско-китайского сотрудничества, или форматы в рамках ШОС, Пояса и Пути и т.д.

Исходя из эсхатологии китайского историко-философского видения, то в данном случае, необходимо будет опереться на следующие категории, такие как «сюзеренитет» и «периферийная дипломатия». Концепция «сюзеренитета» исходит из древнего представления о Китае, как центра мира, где само название Китая переводится как «срединное» или «центральное» государство. Это в цивилизационном отношении, делало Китай продвинутой страной, и соответственно отдавало на мандат неба. Т.е. Китай обладал определенной цивилизационной миссией. Наиболее ярким и практичным примером, «цивилизационной» миссии Китая выступает конфуцианство, где соседи Китая приняли конфуцианскую культуру и это оказало существенное влияние на их культурно-цивилизационное становление. В данном случае, для более глубинного понимания китайского видения региона, и его стратегического поведения, нам необходимо будет обратиться к работе знаменитого деятеля американской внешней политики Г. Киссинджера, в его работе «Мировой порядок». В ней автор рассматривает международную систему, в контексте существования различных макрорегиональных порядков. В основу своего анализа, он рассматривает Вестфальский порядок, европо-центрической модели международных отношений. Особенностью Вестфальской системы, выступает то, что международная среда состоит из наций-государств, чье взаимодействие осуществляется посредством баланса сил, а основной мотивацией выступает национальный интерес. Китайское видение мирового порядка, наоборот, построено на гармонии [136].

Другое стратегическое видение Китаем международной системы, отображено на уровне держав. В данном случае, китайское видение международной системы, вписывается в концепцию биполярности. Но, данный формат биполярности нельзя отнести к природе политического реализма Уолтца, т.е. состояния такого уровня государств, которые позволяют им сохранять уровень сверхдержав, к примеру, который был у США и Советского Союза во время холодной войны. Китайское видение биполярности основано на том, что существует два мира, развитый мир и развивающийся. Соответственно, данный формат биполярности образует международный порядок, т.е. это вполне вписывается в формулу эксплуататора и эксплуатируемого. Что самое примечательное, китайское определение биполярности, исходит из классических идей марксизма периода холодной войны.

Стратегическое видение, представлено концептом «периферии» и исходя из этого «периферийной дипломатии». Сам фактор «периферии» означает стратегическую ценность в рамках китайской дипломатии. Если анализировать через призму языка, в его политическом контексте, то может показаться то, что понятие «периферии» носит приуменьшающий оттенок, т.е. нивелирует значимость страны, в рамках политического процесса или значимости. Но, данная лингвистическая конструкция, существует в рамках европоцентрического понимания политических процессов.

Как было отмечено выше, Китай, исторически, в его эсхатологии, воспринимался как центр мира, и название «периферии», наоборот, было определенным выражением цивилизационного благословения. Исторически, Китай оказал существенное культурное воздействие на своих соседей, Корею, Японию и Вьетнам. Также, немалая часть (прото) тюркских, монгольских и тангутских племен подверглось синизации, а также (прото) иранских племен. Сейчас же, «периферию», в рамках китайской стратегии и дипломатии, нельзя обозначить как нечто далекое и неважное. Наоборот, сочетание данных факторов, привело к формированию «стратегической периферии». «Стратегическая периферия» на жаргоне китайской дипломатии означает то, что регионы играют в ней важную роль. Это, все ложится в лекала китайской дипломатии, и в целом обширной национальной стратегии.

И так, здесь для понимая доктринальных основ китайской внешней политики, необходимо рассмотреть два важных концепта, «сюзеренитет» и «стратегическая периферия».

Идея сюзеренитета исходит из цивилизационных основ китайской цивилизации. В данном случае, Г. Киссинджер, пишет в книге «Мировой порядок», следующее: «с момента возникновения страны в качестве единого политического образования в 221 году до нашей эры и до начала двадцатого столетия позиция Китая в центре мирового порядка воспринималась местными элитами как настолько очевидная, что в китайском языке не было слова, обозначающего данное явление. Лишь историки в ретроспективе описали «синоцентричную» систему дани. Согласно этой традиционной концепции, Китай видел себя единственным, в некотором смысле, суверенным государством

в мире. Его император воспринимался как фигура космических масштабов, как «стержень», соединяющий человеческое и божественное. Его владениями был вовсе не «Китай», не территории, на которых он непосредственно правил, но «Вся Поднебесная», где Китай выступал как центр и очаг цивилизации – «Срединное государство», вдохновляющее и ведущее за собой остальное человечество» [136, с. 275].

Идея сюзеренитета образует иерархический порядок, который также подчеркивается и в конфуцианстве. Сюзеренитет не означает взаимодействия множества наций-государств посредством баланса сил, а означает сохранность определенного порядка, в котором присутствуют данные наций-государства «с этой точки зрения мировой порядок отражает универсальную иерархию, а не равновесие конкурирующих суверенных государств. Каждое известное общество трактуется как состоящее в своего рода вассальных отношениях с Китаем, частично основанных на близости культуры конкретного общества к китайской культуре; и никто не в состоянии претендовать на равенство. Монархи других стран – не коллеги-сюзерены, а лишь прилежные ученики, осваивающие искусство управления и подлежащие цивилизаторству» [136, с. 275].

Таким образом, мы видим, что китайская политика, в отличие от западной, не построена на механизмах баланса сил. И необходимо признать, что логика геэкономике вполне успешно вписывается в данные стратегические механизмы. Нам необходимо рассматривать концепцию «сюзеренитета» не через призму формата предыдущих этапов существования международной системы, а то, каким образом, она адаптировалась в современных условиях. Таким образом, нам необходимо выделить те, основные стратегические моменты, которые отражают современное состояние международной системы.

Понимание Инициативы глобальной безопасности, также ложится в рамках концепции сюзеренитета, т.к. в ней нет механизмов жесткой безопасности, или данный формат взаимодействия нивелируется [40].

Другой существенный момент, который сыграл важную роль в становлении внешней политики современного Китая, сыграл фактор экономической модернизации, который перешел на уровень международного экономического становления Китая [137].

Во-первых, сюзеренитет не означает наличие жесткого механизма баланса сил. Как мы видим, после 2014 г., происходит нарастание великодержавного противостояния, которое стало приобретать свою актуальность после усиления российско-западного стратегического соперничества, и вторая волна, которая пришлась на 2017-2018 гг., т.е. формирования паттернов китайско-американского стратегического соперничества, на глобальном уровне. В политико-академической литературе, и китайские и российские авторы отмечают, что российско-китайские отношения, в отличие от отношений США с их союзниками, не оформляются форматом жесткого и обязывающего военно-политического союза. Авторы РСМД, Чжао Хуашен и Андрей Кортуннов подчеркивают многосторонность отношений, нежели чем многополярность. Т.е. максимальный лимит, который существует в российско-китайских отношениях, это формат

стратегического партнерства. Отношения США с союзниками, облечены в формат жестких и обязывающих военно-политических отношений. В случае, российско-китайского стратегического диалога, данная формула на них не распространяется. Также, многие эксперты склонны отмечать, что сама китайская политика не склонна к формату обязывающих военных союзов. В частности, в российской экспертной среде, вполне распространены идеи о том, что Китай проводит вполне независимую политику [138].

Во-вторых, мировая система значительным образом трансформировалась после окончания холодной войны. Период 1970-х гг., можно обозначить как первоначальный этап глобализации, а именно роста транснационализма в международных отношениях. После окончания холодной войны, начинается глобализация международной системы. Война и баланс сил, как механизм межгосударственного взаимодействия отходят на второй план, и более не являются значимыми механизмами решения межгосударственного взаимодействия. В этом плане, на передний формат выступает геοэкономика. Геοэкономику, можно рассматривать в различных ключах. Во-первых, геοэкономика, это исторический феномен, роста транснационализации и глобальной взаимозависимости. Британский ученый исследователь, отмечает, что в системе глобализации, существует глобальное разделение труда. Т.е. геοэкономика, это вполне естественный продукт периода глобального постиндустриального и постмодернистского общества. Геοэкономика также имеет и политическое измерение, т.к. содержание геοэкономики сводится к политике, т.е. осуществлению политического воздействия.

В-третьих, тезис о периферийной дипломатии, или «стратегическая периферия». В данном случае, можно привести идеи Э. Теллиса, ведущего американского эксперта по Китаю, из Национального бюро азиатских исследований. Э. Теллис отмечает, что Китай занимает центральное географическое положение в Азии, что значительным образом повышает статус страны, в геополитических процессах в Азии. В данном случае, это коррелирует с эсхатологическим видением Китая, о том, что Поднебесная находится в центре мира. Таким образом, периферия это ни сколько уничижительное название, а наоборот, термин, который подчеркивает стратегическую значимость данных регионов. Конечно, страны Восточной Азии и ЮВА нельзя назвать «периферией», учитывая их экономический потенциал и роль в мировой экономической системе, но для Китая, они представляют стратегическую значимость.

Другая культурно-цивилизационная значимость Китая, это его «цивилизаторская миссия». В данном случае, можно привести отрывок из книги Г. Киссинджера «Мировой порядок»: «тем не менее Китай не был миссионерским обществом в западном понимании этого термина. Он стремился внушать уважение, а не преобразовывать; эту тонкую линию китайцы никогда не пересекали. Главное – достижения, которые, как ожидалось, другие общества оценят и перед которыми станут благоговеть» [136, с. 277].

Важной вехой в дипломатии Китая, является его открытость. После объявления политики реформ и открытости, внешняя политика КНР была в большей степени сосредоточена на экономическом развитии. К тому же, вместе со второй волной реформ пришло осознание того, что китайская промышленность нуждается в импорте большего количества ресурсов и сырья для наращивания производства, и что дальнейший рост за счет экспорта требует новых рынков за пределами развитых стран. Короче говоря, экономическая логика побудила Пекин сосредоточить гораздо больше внимания на развивающемся мире [139].

Поэтому, концепт сюзеренитета и периферии тесно взаимосвязаны друг с другом. В данном случае, нельзя не упомянуть пять принципов мирного существования. Так, эти идеи могут составить идеологическую основу Пояса и Пути, которые были озвучены главой КНР по 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования [34].

Цели Китая были отчасти геостратегическими в стремлении противостоять Соединенным Штатам в эпоху единой сверхдержавы. Это означало поиск друзей по всему миру и укрепление статуса Пекина как восходящей великой державы и чемпиона развивающегося мира. Более того, бурно развивающаяся экономика Китая уделяла первостепенное внимание приобретению новых источников сырьевых ресурсов и товаров для китайских заводов и новых рынков для китайской продукции. Этот поиск потребовал от Китая расширения от развитых государств и советского блока в развивающийся мир.

Китай занял гораздо более активную позицию, чем в предыдущие два периода, на международном уровне и в развивающемся мире, беспрецедентным набором способов, как многосторонними, так и двусторонними. Этот активизм характеризовался в основном примирительной риторикой и ненасильственными действиями. Во-первых, Китай был особенно активен в экономическом плане за счет расширения торговли и инвестиций, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но также и дальше на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и Карибском бассейне. Во-вторых, Китай активно участвовал в существующих глобальных и региональных организациях, включая, помимо прочего, Организацию Объединенных Наций (ООН), Всемирную торговую организацию (ВТО), Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АРФ), Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) и Организация американских государств. В-третьих, КНР также начала создавать «альтернативную вселенную» многосторонних институтов и механизмов, которые, как правило, были ориентированы на Китай. Эти недавно созданные структуры включали Сопровождающие по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Форум по сотрудничеству Китай-Африка (ФОКАК), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), форум Китай-Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), объединение Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка (БРИКС), а позднее Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР, также известный как банк БРИКС) и другие. В-четвертых, Китай активно развивал ряд

двусторонних партнерств с государствами по всему миру. Многие из этих партнерств являются всеобъемлющими, включающими не только экономические, но и дипломатические, культурные и военные компоненты. Китай обладал головокругительным набором инструментов жесткой и мягкой силы. Наибольший упор делался на экономические рычаги. Китай предоставил многим странам шанс модернизировать, процветать и улучшать свою инфраструктуру без условий, требуемых многими развитыми странами. Дипломатически — как на двусторонней, так и на многосторонней основе — Китай продемонстрировал многим странам внимание и почтительное отношение, которых они не испытывали ранее. Высокопоставленные китайские лидеры наносили визиты, заставляя лидеров развивающихся стран выглядеть и чувствовать себя важными. Когда эти лидеры посещали Китай, Пекин расстилал красную дорожку; когда китайские лидеры посещали свои страны, они приносили подарки и предлагали конкретные результаты для своих хозяев [140].

Китай продвигал риторику о том, что Китай также является страной развивающегося мира, и подчеркивал, что он отстаивает иные принципы, чем принципы Соединенных Штатов и других развитых государств. Китай утверждал, что уважает принцип невмешательства во внутренние дела других стран и не настаивает на критике нарушений прав человека или на демократии или верховенстве закона. В плане безопасности Китай уделял все больше внимания отношениям между военными; миротворческим операциям на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке; визитам в порты; и военным учениям — часто очень небольшим по масштабу.

По словам одного из ведущих исследователей внешней политики Китая, многие в Китае продолжают рассматривать свою страну как «развивающееся государство» и считают, что у Китая есть общие интересы с другими «развивающимися странами» [141]. Хотя у Пекина, похоже, нет конкретной стратегии, ориентированной на развивающийся мир, Китай рассматривает развивающийся мир в более широком контексте своих отношений с различными типами международных игроков. Китай давно провозгласил мантру внешней политики: «крупные державы являются ключом, окружающие страны являются главным приоритетом, развивающиеся страны являются основой, а многосторонние форумы являются важной сценой».26 К крупным державам обычно относятся самые важные и могущественные страны на международном уровне, такие как США, Россия и Европейский союз. К соседям относятся более двух десятков стран, с которыми Китай граничит по суше или по воде. Китайские определения развивающихся стран соответствуют определениям ООН. Эти три категории не являются взаимоисключающими, и страны могут подпадать под более чем одну категорию. Китай обычно рассматривает развивающиеся страны как менее важные, чем крупные державы и соседние страны. Многосторонние форумы, четвертая категория, приобретают все большее значение и становятся средством, с помощью которого Китай может сотрудничать как с развивающимися, так и с развитыми странами [142].

После XVIII съезда Коммунистической партии Китая в 2012 году и, особенно, после прихода к власти председателя КНР Си Цзиньпина, внимание Китая к соседним странам (большинство из которых являются развивающимися странами) и развивающемуся миру возросло. В октябре 2013 года Си возглавил Рабочую конференцию по периферийной дипломатии, первую крупную рабочую конференцию по внешней политике с 2006 года. Он подчеркнул необходимость более «проактивной» периферийной дипломатии для создания стабильной и благоприятной среды для развития Китая, защиты основных интересов Китая и укрепления лидирующей роли Китая в регионе. За этой встречей последовала Центральная конференция по работе, связанной с иностранными делами, которая состоялась в ноябре 2014 года. На конференции Си начал с оценки того, как меняющаяся и новая международная ситуация потребовала от Китая изменить, расширить и расширить свою дипломатическую стратегию — выдав то, что было равносильно директиве дипломатам КНР стать более амбициозными и ориентированными на будущее. После своей оценки он немедленно обсудил важность дипломатии соседства, предположив, что дипломатия периферии является одним из главных приоритетов внешней политики Китая. В последовательности (и вероятном приоритете) он также выделил несколько других основных приоритетов внешней политики Китая:

- Укреплять отношения с крупными странами и расширять сотрудничество с крупными развивающимися странами
- Укреплять единство и сотрудничество с развивающимися странами и тесно интегрировать развитие Китая с их развитием
- Развивать многостороннюю дипломатию и реформировать международную систему и глобальное управление для увеличения представительства и влияния Китая и других развивающихся стран [12].

Речь Си и последующие официальные и неофициальные комментарии прояснили текущую классификацию Пекином развивающихся стран. Си, по-видимому, делит развивающиеся страны на три разных типа. Первая группа состоит из соседних стран. С большими возможностями проецирования китайской мощи и большим количеством иностранных граждан и активов Пекин все больше думает о расширенных соседствах (да чжоу бянь) и более склонен определять страны, которые не граничат с Китаем, но находятся в соседних регионах, как соседей [142, с. 77]. Этот более инклюзивный взгляд на свое соседство помогает объяснить призывы Си к «преследованию Азиатско-Тихоокеанской мечты» и созданию «новой азиатской концепции безопасности» [15].

Вторая группа состоит из развивающихся стран, которые играют значительную глобальную или региональную роль и считаются крупными державами. К ним относятся: например, Бразилия, Индия и Южная Африка. Эти крупные развивающиеся страны являются важными странами для Китая, с которыми можно работать, чтобы построить «глобальную сеть партнерств» [40]. Как объясняет министр иностранных дел Ван И, видение Си глобального партнерства представляет собой попытку Китая выйти за рамки мышления

времен Холодной войны, когда ему нужны были военные союзы. Вместо союзников Китай может работать с друзьями или близкими партнерами за рубежом [36].

Третья и последняя категория развивающихся стран — это те, которые не находятся в соседних регионах и не считаются крупными державами. Китай по-прежнему рассматривает многие из этих стран как глобальных партнеров и будет продолжать укреплять сотрудничество с этими странами в политическом и экономическом плане. В политическом плане Китай хочет работать с этими странами, чтобы увеличить представительство и влияние Китая и развивающегося мира в глобальных институтах и управлении. В экономическом плане Китай рассматривает тесное сотрудничество с развивающимся миром как критически важное для своего экономического развития.

Китайская концептуализация развивающегося мира уделяет особое внимание Азиатско-Тихоокеанскому региону, и такое внимание проистекает из неуверенности Пекина в стабильности дома, на периферии Китая и в его окрестностях. Действительно, по словам двух американских ученых, Китай представляет свое окружение в терминах четырех концентрических кругов. Первое или внутреннее кольцо охватывает сам Китай — любую территорию, которую Пекин в настоящее время контролирует или заявляет, как китайскую территорию (наиболее значимой особенностью последнего является остров Тайвань). Второе кольцо Китая содержит страны, территории и водоемы, непосредственно прилегающие к сухопутным и морским границам Китая. Третье кольцо включает все Азиатско-Тихоокеанское соседство Китая, в то время как четвертое кольцо включает все за пределами Азии — остальную часть земного шара [140, с. 92].

В начале двадцать первого века есть только одна страна, которая, с точки зрения Пекина, имеет возможность бросить вызов Китаю во всех четырех из этих колец, и это Соединенные Штаты. Китай больше всего поглощен первыми тремя кольцами и больше всего озабочен самым внутренним кругом. Китайские лидеры были чрезвычайно напуганы после распада советского блока в 1989 году и распада Советского Союза два года спустя. Совсем недавно КПК была встревожена серией потрясений в разных частях мира: цветные революции, охватившие Восточную Европу и Центральную Азию, Арабская весна, начавшаяся в 2011 году, и движение зонтиков 2014 года в Гонконге. Несмотря на сильную паранойю, закрытие границ Китая и изоляция Китая от мира не является вариантом. Парадоксально, но озабоченность Пекина локальным мышлением стимулирует глобальное участие Китая, включая активное участие в развивающемся мире [140, с.114].

Но некоторые регионы важнее других. Наиболее важными для Пекина являются регионы внутри второго кольца. Менее критичны, но все равно очень важны регионы внутри третьего кольца. И менее важны регионы в четвертом кольце. Как уже отмечалось, наиболее чувствительным кольцом является внутреннее, в котором КПК желает поддерживать стабильность посредством тщательного контроля над своей внутренней ситуацией и, следовательно,

обеспечивать продолжение правления КПК. Во втором кольце вокруг периферии Китая находятся самые близкие части трех регионов развивающегося мира: Центральная Азия, Южная Азия и Юго-Восточная Азия. В каждом из этих регионов Пекин принял буферную стратегию, чтобы поддерживать страны и районы — как морские, так и континентальные — дружественными Китаю или, по крайней мере, нейтральными и подталкиваемыми к изгнанию внешних держав и их вооруженных сил, включая Соединенные Штаты и их армию. Далее следует третье кольцо, охватывающее более отдаленные части Центральной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии, а также Океанию, которая географически достаточно удалена от самого Китая. В этом кольце цель Китая — ограничить доступ США в Азиатско-Тихоокеанский регион и установить китайскую сферу влияния.³⁷ Наконец, в четвертом кольце Китай становится все более активным и вовлеченным, но также самым слабым с точки зрения власти и влияния. В более широком мире за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона Китай принял стратегию невоенного соревнования в попытке уравновесить влияние Соединенных Штатов.

Тем не менее, Китай не стремится к прямой конфронтации или конфликту с Соединенными Штатами. Фактически, как минимум, Пекин желает теплых отношений с Вашингтоном. Действительно, координация действий США и Китая является предпочтительной, а сотрудничество США и Китая считается идеальным. Однако координация и сотрудничество особенно затруднены в кольцах 1, 2 и 3 из-за повышенной чувствительности Пекина к национальной безопасности в отношении того, что Китай считает основными интересами [140, с. 117].

С точки зрения ранжированного порядка важности развивающихся регионов для Китая, те, которые перетекают из второго кольца в третье кольцо, в первую очередь, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия и Южная Азия. Далее, полностью в третьем кольце, идет Океания, за ней следует Ближний Восток, который, по-видимому, является единственным регионом, якобы находящимся за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона, который на самом деле, по-видимому, охватывает третье и четвертое кольца. Растущую важность, но менее жизненно важные, приобретают развивающиеся регионы, полностью находящиеся в четвертом кольце: Африка и Латинская Америка.

Касательно Центральной Азии, у Китая как бы парадоксально это ни звучало, но отсутствует единая стратегия по региону. Даже, у России, которая считает регион своей традиционной сферой влияния отсутствует единое видение касательно региональной политики. Единственное у кого есть единое видение региональной политики, это у Запада, у США и ЕС. Американское видение региона, было оформлено в период правления Буша-мл. в рамках доктрины Большой Центральной Азии (БЦА). Европейская региональная политика апеллирует к стратегии ЕС по Центральной Азии.

В данном случае, отсутствие у Китая единой региональной стратегии, сказывается в следующем ключе: во-первых, за годы независимости, страны региона, как на многосторонней, так и на двухсторонней основе, сумели развить

довольно крепкие и развитые отношения, т.к. что формирование единой стратегии, просто на просто отпадает. Во-вторых, во внешнеполитическом руководстве КНР, осознают наличие явных синофобских настроений в социумах региона, особенно в Казахстане, и в Кыргызстане. Поэтому, чтобы избежать обвинений в проводимой якобы «экспансионистской» политики, Пекин целенаправленно не создавал единой политики. В целом, исходя из данного тезиса, можно заключить то, что центральноазиатская политика КНР, строится на основе ШОС, затем Инициативы Пояса и Пути, и формата двухсторонних отношений.

Формат ШОС определяется многосторонними вопросами, но сама организация отвечает за вопросы безопасности, как на дипломатическом уровне, т.е. поддержания баланса сил, так и на региональном антитеррористическом. Основой ШОС, выступает Хартия ШОС, которая включает в себя основные положения организации. Особенностью ШОС выступает то, что она воплощает в себе «Шанхайский дух». Данная концепция нацелена на всеобщее развитие и модернизацию, она отвергает какой-либо принцип баланса сил или доминирование жесткой безопасности. «Шанхайский дух» позволил укрепить региональную безопасность в ЦА, и вполне обеспечил действенные механизмы региональной безопасности [106].

Формат Пояса и Пути, позволяет поддерживать, как и двухсторонние, так и многосторонние формы отношений. На идейном уровне, ИПП, входит в доктрину «Сообщества единой судьбы человечества», т.е. подчеркивает необходимость к формированию развитого и гармоничного мира. В основе ИПП лежит доклад «Видение и действия по совместному строительству «Одного пояса, одного пути», где подчеркиваются базовые идеи касательно развития ИПП. Другой стратегический документ, который также входит в сферу Пояса и Пути, это результаты Форума, который проходит раз в три года, в Пекине. Исходя из этого документа, далее формируется стратегическая политика КНР по определенным моментам.

Вывод по разделу 1

Таким образом, основными теоретическими постулатами в рамках понимания институционализации китайского влияния в Центральной Азии, выступает теория взаимозависимости и теория международных режимов школы неолиберализма. Политический реализм объясняет общее стратегическое поведение Китая, на глобальном уровне, актуальность которого возросла в 2000-х гг. Теория взаимозависимости позволяет понять механизмы функционирования китайской внешней политики, основанной на геоэкономических инструментах. Теория международных режимов, позволяет понять идентичность Пояса и Пути, т.к. организация не обладает четкой административно-бюрократической структурой, или идентичностью. Теория комплекса региональной безопасности позволяет понять динамику политических процессов в Центральной Азии, в

контексте усиления китайского влияния и его институционализации, объясняя механизмы данного процесса.

Стратегическая периферия объясняет роль и место Центральной Азии в китайской региональной стратегии. Статус «периферии», наоборот, подчеркивает важную роль ЦА в дипломатии Китая, и обеспечения его геополитической безопасности.

2 ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ (КЕЙС СТАДИ)

2.1 Роль геоэкономики в геополитике Китая: основные механизмы и некоторые аспекты региональной институционализации

На данный момент, геоэкономика стала одним из основных механизмов в рамках глобальной политической системы. Геоэкономика является одним из центральных элементов в рамках внешней политики Китая. Для данного процесса, разумеется, предшествовал ряд глобальных и исторических изменений, которые сформировали геоэкономические основы внешней политики КНР. Поэтому, в контексте исследования, нам важно и необходимо рассмотреть феномен геоэкономики в системе международных отношений.

Период конца 1960-х и начала 1970-х гг., ознаменовался началом переходного этапа в рамках международной системы. До конца 1960-х гг., в рамках структуры глобальной политики, доминировала реалистическая модель системы международных отношений, которая преимущественно состоит из наций-государств, а также войны как основного механизма межгосударственных и международных отношений. В 1970-х гг., начинают усиливаться паттерны транснационализма, экономической взаимозависимости, международных институтов, что в свою очередь приводит к усилению неолиберальных институтов в рамках международной системы. Согласно концепции комплексной взаимозависимости, экономические аспекты, как один из элементов неолиберализма, начинают доминировать в международных делах [141, с. 43], а сторонники неоклассического реализма, признают, что экономика составляет основу национальной мощи [8, с.95]. Но в рамках неолиберальной модели, экономика приобретает комплексные черты и характеристики, что делает ее одним из элементов национальной силы. Экономическая взаимозависимость приводит к усилению институциональных основ международной политики [143]. Все вышеперечисленные паттерны, привели к формированию геоэкономики, как международного феномена.

Пожалуй, основным различием геополитики от геоэкономики, заключается в применении международных инструментов. В геополитике, центральное место занимает военная мощь. Зарождение исторического феномена геополитики во второй половине XIX столетия, где военная сила как средство внешней политики великих держав, играла центральную роль в плане трансформаций баланса сил, на международной политической арене. Апогеем геополитики стал период холодной войны биполярного противостояния, а также введение ядерного оружия.

Зарождение феномена геоэкономики восходит к 1970-м гг. Первоначально данный феномен проявил себя в энергетическом кризисе 1972 г. [144], когда экономика стала оружием политики. Затем, в условиях глобализирующийся экономики, торговля также стала неотъемлемой частью политики. В данном случае, фактор геоэкономики стал одним из центральных элементов, глобальной политической системы.

Но несмотря на то, что геэкономика имеет неолиберальные корни, тем не менее, меры геэкономического взаимодействия не характерны для стран постиндустриального уровня развития [77, с. 67]. Экономическое, а точнее политико-экономическое взаимодействие между участниками рыночной экономики и демократии, происходит на основе универсалистских ценностей демократии и институциональных механизмов, что понижает вероятность формирования игры с нулевой суммой. Как отмечает автор «Теории демократического мира» Б. Рассет, демократические ценности и институты универсальны для всех участников [62, с. 341], поэтому геэкономика не присуща странам с демократической системой [47]. И в целом, геэкономика, стала основным внешнеполитическим, а также стратегическим механизмом для авторитарных государств. Можно отметить, что базовые поведенческие паттерны, авторитарных государств базируются на игре с нулевой суммой, и поэтому геэкономика, в этом отношении стоит ближе к геополитике. Вопрос заключается в разнице применимости, данных внешнеполитических механизмов. Очевидно, что экзистенциальная ткань геэкономики, состоит из основ неолиберальной модели международных отношений: взаимозависимость, институты и транснационализм, но ее политический эффект и применимость, в большей степени находятся в геополитической плоскости.

В рамках измерения китайской геостратегии, необходимо различать два существующих подхода: первый, это геэкономическая стратегия по отношению к экономически развитым странам, преимущественно США, Япония, Южная Корея, Индия, и второе, это геэкономическая стратегия по отношению к развивающимся странам, т.к. политический компонент в ней более силен, т.е. посредством реализации формата экономического сотрудничества, Китай может, либо напрямую, либо косвенно вовлечь данные страны в свою сферу влияния. Поэтому, формат геэкономической стратегии Пекина отличается, в зависимости от уровня экономического развития. К примеру, Индия и страны ЮВА занимают промежуточное положение между группой развитых и развивающихся государств, и поэтому китайская геостратегия будет отличаться от страны и уровня ее применимости.

Определение геэкономики. Авторы книги «Война иными средствами. Геэкономика и искусство управления государством», Р. Блэквилл и Дж. Харрис отмечают, что существует три дефиниции геэкономики, или тех свойств, которые им присущи. Среди них выделяются, применение геополитической мощи, т.е. средств военного воздействия ради достижения экономических целей [145]. Затем идет определение, согласно которому, как «комбинация международной экономики, геополитики и стратегии» [146].

В данном случае, идей авторов – Блэквилла и Харриса пересекаются с идеями основателя теорий неоклассического реализма – Дж. Миршаймера. Дж. Миршаймер отмечает, что существует открытая и латентная сила государства [8, с. 0]. В качестве открытой силы, Миршаймер Дж. указывает военную силу, т.е. военная сила и дипломатия всегда являлись основными несущими конструкциями национальной мощи страны. В свою же очередь,

латентная сила государства, это степень его экономических возможностей. В данном случае, авторы книги «Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управления государством» указывают на следующее: «история не содержит позитивных примеров, когда какая-либо страна надолго позволяла своим геополитическим амбициям опережать собственные экономические возможности. Это своего рода универсальный закон, если таковые существуют в политике. Подобно физическим законам природы, исключений он не допускает: для великих держав экономические ограничения не менее реальны в условиях геополитического давления, чем для любой другой страны» [77, с.60]. Т.е. данный тезис совпадает с тезисом Миршаймера о военной мощи страны, которая подкреплена его экономическим могуществом. Затем авторы книги выводя следующий термин: «геоэкономика – использование экономических инструментов для реализации и отстаивания национальных интересов и достижения позитивных геополитических результатов, а также последствия экономических действий других стран для геополитических целей данной страны» [77, с.60]. Таким образом, мы наблюдаем логическую корреляцию между Миршаймером, основоположником неоклассического реализма, а также авторами книги «Война иными средствами», Блэквиллом и Харрис. Данный тезис подчеркивает, что геоэкономику, как политико-исторический феномен, можно рассматривать в качестве проявления аспектов мягкой силы, но по своему уровню и влиянию сопоставимым с жесткой силой.

Также стоит отметить и о тех различиях, которые существуют между геоэкономикой и геополитикой. Геополитика, в большей степени является результатом существования классической системы международных отношений, когда наций-государства являлись ведущими и определяющими акторами в международных делах. Военная сила и дипломатия выступали в качестве ведущих механизмов формирования мировой политики. К примеру, Советский Союз обладал вторым по численности ядерным арсеналом, где стратегический паритет с Соединенными Штатами, был достигнут в 1970-х гг. [147]. И поэтому, в контексте геополитики, в ее существенных механизмах, важную роль играет военная сила. Т.е. мы видим, что, в плане политической структуры, или существования международной системы, важную роль играла военная сила: конвенциональная и стратегическая. Геоэкономика, напротив, апеллирует к экономическим аспектам, и это в некоторой степени меняет правила игры, точнее те механизмы, которые формируют процесс геоэкономического воздействия и взаимодействия, разумеется, в контексте комплексной взаимозависимости.

Авторы книги «Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управления государством», задаются вопросом касательно матрицы геоэкономики. Они задаются вопросом касательно применимости данных геоэкономических инструментов. Авторы ссылаются на Майкла Мандельбаума, где он отмечает, что «сердце политики – власть; цель экономики – богатство. Власть по своей природе ограничена. Поэтому стремление к власти видится спорным. Это игра с нулевой суммой... Богатство, напротив, не имеет пределов, благодаря чему экономика становится игрой с положительной суммой» [148]. И

после этого, авторы заключают, что «геоэкономика, по сути, сочетает экономические механизмы с достижением политических целей [77, с. 38].

Авторы книги ссылаются на одного из авторитетных источников, таких как Эдвард Люттвак, в котором он утверждает, что «окончание холодной войны неуклонно ослабляет значимость военной силы в мировых делах», а также то, что геоэкономика «сочетает логику конфликтов с методами торговли» [149]. Также можно привести следующую цитату из книги: «геоэкономические подходы, как мы их понимаем, фокусируются лишь на том, как именно государства применяют экономические и финансовые инструменты для достижения желаемых геополитических целей. Впрочем, когда государство начинает воспринимать «геополитический климат» прежде всего с точки зрения распространения своего экономического влияния и подстраивает под такое восприятие свои геоэкономические «рефлексы», может – и должно – быть, что эта реализация и процесс перевооружения политики обернутся переменами во внешнеполитической стратегии» [77, с. 142].

Но тем не менее, геоэкономика не заменяет геополитику, т.к. геополитика остается ориентированной на идеи, и политические доктрины. Несмотря на то, что название геоэкономики получило широкое распространение, геополитические механизмы все еще остаются существенными элементами. Достичь конец истории не удалось, как утверждал Фрэнсис Фукуяма. Система международных отношений после окончания холодной войны, не стала полностью неолиберальной, как на это рассчитывали в некоторых академических кругах. В большей степени изменилась сама полярность международной системы, которая перешла от биполярной модели холодной войны, к однополярной или затем в некотором формате смешанной многополярной системы, т.е. моно-мультиполярной системы. Т.е. необходимо отметить, что политическая система является многополярной, но в основах ее механизмов лежит уже не автаркическая модель геополитики, а именно транснационализм, взаимозависимость и неолиберальные институты. Поэтому, геоэкономика не стала абсолютным явлением в мировой политике. Геоэкономика остается частью геополитики.

Китайская геоэкономическая стратегия отличается от уровня ее применения. В целом, вопросы внешней политики Китая, точнее его стратегии, отличаются друг от друга по ряду стратегических параметров. В отношении своих географических соседей, а именно, с теми, где Китай разделяет вопросы безопасности: Япония, страны ЮВА/АСЕАН, Индия, Пекин активно использует геоэкономические рычаги влияния. Авторы книги «Воина иными средствами. Геоэкономика и искусство управления государством» отмечают, что геоэкономика стала ведущим элементом, или фактически универсальным механизмом внешней политики. Но, в отношении вышеотмеченных стран, а также США и их союзников по AUKUS, геоэкономические меры воздействия являются второстепенными, так как актуальность внешнеполитической линии сохраняется за аспектами идейно-идеологического и военно-политического характеров. Политическая гегемония, не может мыслиться как исключительно

явление экономического плана [150], а преимущественно представляется системой политических взглядов и мировоззрений. В данном случае мы видим, что после усиления китайско-американского стратегического соперничества после 2018 г., эксперты делают упор на росте идеологической составляющей, которая явно не была характерна для формата китайско-американских отношений в предыдущие десятилетия.

Другой не менее важный, и определяющий вопрос, это аспекты региональной безопасности, где военная модернизация НОАК и территориальные споры, сформулировали дилемму безопасности. Геоэкономика, стала одним из механизмов во внешней политике и формируемой конструкций системы региональной безопасности. Так согласно Блэквиллу и Харрису, Китай активно использует геоэкономические средства, для продвижения или защиты своих национальных интересов, а также тех аспектов, которые связаны с политикой, будь то вопросы независимости Тайваня, или истории китайско-японских отношений [151]. Также мы видим применение геоэкономических средств, и в рамках стратегического треугольника Индия-Пакистан-Китай в Южной Азии, где геоэкономическая политика Пекина ложится в рамках общей стратегии по сдерживанию Индии [75, с. 112]. Но, как мы видим, ядром данных геополитических процессов, т.е. секьюритизации Китая, и формирования Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности, выступает геополитический подъем Китая, его военная модернизация, институциональное строительство, и естественно его геоэкономическая стратегия.

В 2013 г., Си Цзиньпин дал началу процесса Пояса и Пути, объявив в сентябре формирование континентальной части пути, а в октябре, обозначив Морской шелковый путь. Суть в том, что те страны, которые участвуют в Поясе и Пути, а также члены Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, входят преимущественно страны Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и стран Латинской Америки. В данном случае, поле для геоэкономических маневров у Китая весьма широкое. Но, термин «геоэкономические маневры» в большей степени относится к сфере дипломатии, и геополитики. У Китая нет планов по генерации вопросов безопасности в данных частях мира. Поэтому в этих регионах, геоэкономика, а также институциональное строительство, тесно связаны друг с другом. Даже можно отметить, что геоэкономика создает базу для институционального развития. Это, конечно вписывается в парадигму, описанную Кеохейном, но, тем не менее, обладает китайской спецификой. Если в рамках Индо-Тихоокеанского комплекса региональной безопасности, геоэкономика входит в элементы геополитики, и ее можно рассматривать в плане формирования паттернов региональной безопасности, то в развивающихся странах, геоэкономика является составной частью глобального институционального строительства, т.е. формирования неамериканских и незападных международных структур.

Здесь, мы выделяем три существенных элемента, которые формируют китайскую внешнеполитическую линию. Первое, это экономика. Т.е. сами размеры китайской экономики способствуют укреплению ее геополитического

потенциала. Геоэкономические механизмы были вполне четко обозначены Блэквиллом и Харрисом, куда относятся торговля, денежно-кредитная политика, инвестиций, помощь, а также контроль над ресурсами. Второе, это то, что углубление экономического сотрудничества, приводит к усилению институциональной платформы [9, с. 15]. В данном отношении, необходимо различать формат институциональной платформы, т.к. китайский вариант институционально-гегемонистского строительства, отличается от американского.

Институты характеризуются тем, что они обладают четкой административно-бюрократической идентичностью, т.е. это полноценные международные организации, со своими учреждениями. В теоретическом плане, теория нелиберального институционализма, вписывается в систему американской гегемонии. Китайское институциональное строительство отличается от американского. Так, профессор Кондапалли отмечает, что видение природы и структуры Пояса и Пути, в ее китайском и международном освещении обладает различными трактовками. Так, преимущественно для китайских авторов, Пояс и Путь, это в основном внутренняя программа развития реформы и экономики, которое должно способствовать экономическому и социально-экономическому развитию западных регионов страны [152].

Напротив, американские авторы, видят в развитии Пояса и Пути, долгосрочную стратегию, по созданию китайской сферы влияния [153]. И поэтому, мы видим, что стратегия Пояса и Пути также лежит в геоэкономической плоскости, т.е. посредством создания условий экономического сотрудничества, Пекин продвигает политические интересы страны. В институциональном отношении, китайская стратегия также имеет много общего с нелиберальным институционализмом. Но, данная модель формируется в рамках международных режимов. Концепция международных режимов, происходит из нелиберальной парадигмы, также как и нелиберальный институционализм. Международные режимы характеризуются тем, что они не обладают институциональной оболочкой, к примеру как ГАТТ, или как ОБСЕ в ранний период. Это также характерно, и для Пояса и Пути, где существует декларация целей, преимущественно экономическое сотрудничество, торговля, инфраструктура, реформы и т.д. Также Пояс и Путь намекает, т.е. косвенно обозначает и идейные цели, которые вписываются в рамках доктрины «Единой судьбы человечества» [15]. Поэтому, как мы видим Пояс и Путь обладает вполне развитой доктринальной основой, что делает его одним из основным геоэкономических компонентов. И третий аспект, это вопросы безопасности. Как мы видим, процесс секьюритизации формирует паттерны безопасности, которые образуют социальный, а затем уже социально-политический, и геополитический конструкт безопасности региона. В теоретическом отношении, политический реализм хотя и акцентирует внимание на вопросах безопасности, прежде всего военно-политической, но, он не объясняет глубинные причины формирования данного политического процесса, т.е. делая преимущественный упор на международные акторы, такие как нации-государства, и международные организации.

С другой стороны, мы наблюдаем активное участие Китая в делах Африки, преимущественно посредством экономического участия, а также вовлечением африканских стран в проект Пояса и Пути. В данном случае, мы уже наблюдаем процесс секьюритизации в обширном регионе Индийского океана, где увеличение китайской активности, через поддержание безопасности для SLOC (Sea Lines of Communications), строительства сети портов, а также увеличения экономического участия КНР, привело в некоторой степени к усилению военно-политической составляющей в делах региона [73, с. 177]. Также учитывая рост китайской активности в Африке, Китай может в будущем, создать свою систему паттернов безопасности, даже возможно оттеснив США и Францию. Т.е. как мы наблюдаем, Пояс и Путь создает условия для усиления процесса секьюритизации, т.е. формирования паттернов безопасности.

Глобальное становление Китая, хотя отказ от внешнеполитических нарративов и приписывают Си Цзиньпину, но, тем не менее, данная динамика началась при Ху Цзиньтао. Экономический рост, вызванный экономическими реформами, и активным вхождением Китая в глобализацию, привел к аккумуляции значительной части глобального влияния [104, с. 348]. Поэтому, можно обозначить то, что первые явные аспекты секьюритизации китайско-американских отношений, начались еще в период президентства Ху.

Мы видим, что в геополитическом отношении, Пояс и Путь выступает в качестве институциональной платформы, для создания китайской сферы влияния [152, с.27]. Поэтому, необходимо различать китайскую геоэкономическую стратегию в отношении его явных противников – стран QUAD, американских союзников и стратегических партнеров, а также государств, которые принимают участие в реализации проектов Пояса и Пути. В рамках QUAD, геоэкономические механизмы действуют вкуче с геополитическими, как средство дипломатического давления. В рамках Пояса и Пути, геоэкономика – это механизмы расширения стратегического влияния и глобального институционального развития.

Далее в этом исследовании, мы более подробно рассмотрим данные геоэкономические механизмы, уже в региональном срезе. Как мы отмечали выше, стоит различать геоэкономические механизмы в региональном измерении, где Китай напрямую сталкивается с проблемами военной безопасности, и регионы, где Китай занят институциональным строительством.

2.2 Геополитические аспекты секьюритизации в Индо-Тихоокеанском регионе

С точки зрения политической географии, Индо-Тихоокеанский регион, молодое геополитическое образование. В классической литературе преимущественно используется термин «Азиатско-Тихоокеанский регион», но в силу процесса секьюритизации и формирования региональной архитектуры безопасности, это привело к формированию ИТР, как макрорегионального кластера безопасности.

ИТР, как макрорегиональный кластер состоит из трех региональных кластеров, Восточноазиатского, Юго-Восточной Азии и Южной Азии, где в каждом из них баланс сил и динамика безопасности различаются, в той или иной степени.

Формирование Индо-Тихоокеанского комплекса или даже можно отметить суперкластера безопасности, началось в период конца 2000-х гг., когда стали очевидными проблемы территориальных споров в регионе Восточной Азии, между Китаем и Японией за островами Сенкаку/Дяоюйдао. Первоначально, это отобразило те внешние процессы, которые сформировались на тот момент, ведь фактически предпосылки к процессу секьюритизации Китая его соседями, начались еще в 1990-х и в 2000-х гг.

В целом, развитие и формирование Индо-Тихоокеанского комплекса макрорегиональной безопасности, можно рассмотреть в трех этапах:

– В 1990-х гг. формируются интеллектуальные, а также некоторые академические очерки, касательно будущей региональной конструкций;

– В конце 2000-х гг., факторы, а также аспекты секьюритизации становятся очевидными, что выражается в территориальных спорах, а также военной модернизации НОАК, как одного из акторов секьюритизации;

– В начале второй декады XXI столетия, администрация Б. Обамы оформляет уже официальную доктрину США по региону, который включает в себя обширный Азиатско-Тихоокеанский регион;

– Во время президентства Д. Трампа, происходит институционализация китайско-американского соперничества, формируются основные военно-политические альянсы.

После окончания холодной войны, дилемма безопасности, стала одним из основных механизмов, которые поддерживают систему региональной безопасности. Так, к примеру, один из японских экспертов, отмечает, что система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, характеризуется тем, что в Европе, после окончания холодной войны, сформировалась такая система отношений, при которой не возник новый гегемон. В Азии, напротив, система безопасности характеризуется формированием гегемона нового типа [110], на что автор указывает на Китай. Если брать точку отчета окончание холодной войны, т.е. распада биполярной системы, то тогда в Европе утвердилась система безопасности в рамках неолиберального институционализма, во-первых, оформленная в расширяющихся неолиберальных институтах (НАТО, ЕС), во-вторых, система безопасности в рамках стратегического взаимодействия России-НАТО, как одного из ключевых факторов системы европейской безопасности, после окончания холодной войны. В Азии, напротив, сложилась система дилеммы безопасности, которая стала формироваться вокруг геополитического подъема Китая, т.к. данный процесс сформировал новые паттерны безопасности.

Индо-Тихоокеанский регион, можно классифицировать как супер-кластер безопасности, или как макрорегион. Основу Индо-Тихоокеанского макрорегионального комплекса безопасности составляет Китай, и те политические процессы глобального характера, который он генерирует, т.е.

военное строительство и создание незападного международного порядка, в лице таких структур как Инициатива Пояса и Пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и т.д. Сам ИТР как макрорегиональный комплекс состоит из следующих РКБ, для которых характерны определенные вопросы безопасности:

– Восточная Азия (проблема независимости Тайваня, спорные острова Сенкаку, ядерный статус Северной Кореи);

– Юго-Восточная Азия (территориальные споры в районе Южно-Китайского моря);

– Южная Азия (стратегический треугольник Пакистан-Индия-Китай, Кашмир, Ладакх, китайские SLOC в Индийском океане).

Хотя США и Китай не обладают общими границами, но США являются полноценным участником региональных отношений. Если проблемы взаимодействия Китая со странами региона носят военный и территориальный характер, как очевидные вещи, то для США формат соперничества с Китаем, определяется уже иными факторами и механизмами, которые в большей степени подпадают под понимание теории гегемонистской стабильности [1].

Далее, мы рассмотрим составные части и механизмы, которые сформировали ИТР как макрорегиональный комплекс безопасности.

Япония. Хотя первоначально идея «QUAD» была выдвинута еще японским правительством в 2007 г., данная инициатива впоследствии была принята на вооружении администрацией Д. Трампа в 2018 г. Основные аспекты японского видения секьюритизации, как в прочем и индийского видения, касаются военных, а также стратегических его дипломатических и геоэкономических инициатив. Япония также настороженно относится к усилиям Китая по созданию новых региональных экономических инициатив. Япония не присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданному Китаем в 2016 г., сославшись на скептицизм в отношении стандартов управления.

Точно так же Токио скептически отнесся к амбициям Китая в рамках его инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), однако направил делегации высокого уровня для участия во встречах ИПП. Во время встречи в Пекине в октябре 2018 г. Си и Абэ договорились о сотрудничестве по инфраструктурным проектам, каждый из которых может заявить, что они заслуживают поддержки, чтобы продемонстрировать возможность согласования китайских и японских стандартов для проектов развития инфраструктуры [154].

Правительство Абэ потратило большую часть своей энергии на пропаганду своей альтернативы усилиям Китая, концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Эта концепция частично основана на приоритете других азиатских демократий, но ее масштабы расширяются до «трех континентов, двух океанов», что указывает на необходимость налаживания связей между Азией, Австралией и Африкой и соединения многих портов Тихого и Индийского океанов. Экономические инвестиции японского правительства в строительство инфраструктуры в Юго-Восточной Азии по-прежнему превышают инвестиции Китая, и кабинет Абэ работал над тем, чтобы

предложить альтернативный вариант надежной высококачественной инфраструктуры для стран, нуждающихся в помощи в целях развития [155].

Восприятие японцами китайской военной модернизации во многом совпадает с восприятием других государств региона. Япония считает, что НОАК настроена на закупку сил и средств, которые послужат непосредственным целям асимметричной войны по предотвращению доступа/запрещению зоны (A2/AD) в морском и воздушном пространстве, окружающем Китай, а также долгосрочным целям симметричной войны по проникновению в соседние страны.

Другим значимым событием в формате двухсторонних отношений между Японией и Китаем было столкновение, точнее конфронтация между судном береговой охраны Японии и китайским рыболовным траулером в конце 2010 г., что оказало немаловажное влияние на восприятие Китая, что также сопровождалось обращением правительства Японии за помощью к США, за гарантиями безопасности, исходя из того, что острова Сенкаку/Дяоюйдао подпадают под действие двухстороннего американо-японского договора о безопасности [156].

Индия. Китайско-индийские отношения характеризовались относительной стабильностью в период 1990-х и 2000-х гг., но с приходом к власти Си Цзиньпина, и реализации Инициативы Пояса и Пути, значительным образом возрос фактор секьюритизации в рамках китайско-индийских отношений. В рамках системы региональной безопасности в Южной Азии, традиционное индийско-пакистанское стратегическое соперничество, играло ключевую роль в определении формата системы региональной безопасности, но с геополитическим подъемом Китая, начали формироваться новые паттерны безопасности, которые включили Индию в рамках макрорегионального кластера системы региональной безопасности. На это повлиял ряд факторов, среди которых: военная модернизация НОАК и развитие военной инфраструктуры в Тибете, развитие сети китайских SLOC в Индийском океане, и членство Индии в QUAD.

Индия, неоднократно, выражала беспокойство по поводу масштабного наращивания инфраструктуры в Тибетском автономном районе. Министр обороны Индии А.К. Энтони недавно проинформировал индийский парламент о стремительных изменениях, предпринимаемых Китаем в отношении железнодорожной, автомобильной, аэродромной и телекоммуникационной инфраструктуры [157]. Индийские службы безопасности и военные все больше обеспокоены этими событиями, которые они считают главным образом ориентированными на Индию. Это включает в себя увеличение пропускной способности железнодорожной линии Голмуд-Лхаса, что, по оценкам, позволит Китаю мобилизовать до двенадцати дивизий НОАК в течение четырехнедельного периода. Точно так же железнодорожное сообщение из Ланьчжоу в Каши и в Лхасу облегчает переброску резервов и логистических ресурсов между военными округами Чэнду и Ланьчжоу, граничащими с Индией в Гонгаре, Пангта, Линчи, Хопинге и Гар-Гунса [158]. Масштабная программа

Китая по модернизации своих аэродромов, включая развитие передовых посадочных площадок, значительно увеличивает общий наступательный потенциал китайских ВВС в Тибете и обеспечивает значительный потенциал стратегических воздушных перевозок, позволяя быстрое наращивание сил и сокращение периода предупреждения для Индии.

Чтобы отладить свои модели применения сил, НОАК увеличила как уровень, так и частоту учений в Тибете. Масштабы этих учений становятся все более изощренными и демонстрируют возможности Китая не только в сетцентрической войне, но и в развертывании интегрированных командных платформ и предоставлении информации в режиме реального времени и оценок поля боя. Например, в ноябре 2011 г. НОАК впервые отретировала захват горных перевалов в Тибете на высоте более пяти тысяч метров с помощью бронетехники и воздушно-десантных войск в ходе боевых учений [159].

Другим значимым направлением, которое формирует процесс секьюритизации, как и в рамках китайско-индийских отношений, так и в рамках общих трендов системы региональной безопасности – это обширный регион Индийского океана. В данном случае, формирование современных трендов безопасности, было положено еще в 2000-х гг., когда Китай начал импортировать энергоресурсы из Африки и Ближнего Востока. Изначально, данное стратегическое мышление было обусловлено «Малаккской дилеммой» Китая, озвученной еще в 2003 г. Еще в 2000-х гг., политическое руководство КНР пришло к необходимости обезопасить свой SLOC. В данном случае, Пакистан и Мьянма стали играть значительную роль в реализации данной стратегии, т.к. они сокращали пути доставки ресурсов, на территорию континентального Китая.

Таким образом, экономизация внешней политики Китая, привело к формированию одного из паттернов безопасности, в рамках образования Индо-Тихоокеанского РКБ. К примеру, можно привести мнение американских экспертов, которые указывают на то, что формирование, точнее предпосылки к формированию Индо-Тихоокеанского кластера безопасности, сформировались еще в 1990-х гг. [160]. И в данном случае, поиск Китаем стратегических ресурсов, а также необходимость в обеспечении защиты данных ресурсов и их транспортировки, привело к формированию паттернов безопасности, а именно путем усиления геоэкономического и военного присутствия Китая в регионе.

Первоначально китайская политика в регионе Индийского океана получила название «Жемчужиной нити», и она была обусловлена фактором необходимости в организации защиты стратегических морских линий коммуникаций (SLOC), которые выходили из вышеупомянутых регионов мира. Затем, также в 2000-х и уже в 2010-х гг., Китай значительным образом усиливает свое влияние в странах региона, через которые проходят данные линий коммуникаций: Бангладеш, Мьянма, Шри-Ланка, Пакистан.

Китайское влияние, т.е. генерирование процессов секьюритизации, формировалось в рамках его геоэкономического и военного присутствия. На момент избрания Си Цзиньпина, в качестве председателя, и запуска Инициативы Пояса и Пути, то это все привело к усилению процессов секьюритизации.

Поэтому, Индийский океан, точнее регион Индийского океана стал неотъемлемой частью общего комплекса Индо-Тихоокеанского кластера безопасности.

США-Китай и образование системы военно-политических альянсов. Американское видение секьюритизации Китая берет свое начало еще в 1990-х гг., точнее, как указывается сверху, первоначально теоретическое видение дальнейшего китайско-американского стратегического соперничества, в работах RAND [160]. Геополитический подъем Китая, безусловно, будет генерировать новые тренды в области безопасности, и поэтому это требует выработки определенной внешнеполитической линии со стороны США, которая созрела к периоду президентства Б. Обамы.

Официальное оформление китайской американской политики, было отмечено в 2012 г. Тогда, во время президенства Б. Обамы, была впервые озвучена доктрина «Ребалансирования». Данная доктрина исходит из документа Минобороны США от января 2012 г., где подчеркивается стратегическая значимость Азиатско-Тихоокеанского региона, важность его политико-экономического значения для мировой экономики, а также безопасности [161]. В документе подчеркивается, что для США возникает необходимость «ребалансирования» своих сил и средств в регион, для решения вопросов региональной безопасности. Также, что стало весьма характерным для администрации Обамы, это упор на институционализацию системы региональной безопасности, где официальные лица Вашингтона подчеркивали необходимость «вовлечения» Китая в проамериканскую систему безопасности.

Институционализация в контексте «ребалансирования» была нацелена на «успокоение» Китая, тем самым «объявив об «отмене» соперничества великих держав». Как отметила бывший госсекретарь, Х. Клинтон, во время своего пребывания на посту первого госсекретаря Б. Обамы, «наш подход к внешней политике должен отражать мир таким, какой он есть, а не таким, каким он был раньше. Нет смысла адаптировать концерт сил XIX-го века или стратегию баланса сил XX-го века. Мы не можем вернуться к сдерживанию холодной войны или к односторонности» [162].

Хотя, официальная политика США, по отношению к Китаю, на доктринальном уровне, была оформлена еще в период президенства Обамы, но реальные стратегические нарративы были обозначены при президенстве Трампа. Здесь, также можно отметить и те мировоззренческие основы двух президентов, которые сформировали дальнейшие стратегические нарративы по отношению к Китаю. Обама, как президент, является человеком с постмодернистским мышлением, или согласно концепции социолога Инглхарта, постматериализм. Трамп, напротив, по уровню своего мышления является продуктом эпохи модерна, и он обладает соответствующим мышлением. Поэтому, азиатская политика Трампа охарактеризовалась снижением уровня институционализации системы безопасности в Азии [85]. Во-первых, при Трампе, было официально оформлена доктрина и концепция Индо-Тихоокеанского региона, которая подчеркивала стратегическую значимость Индии, в рамках американской

стратегии, т.е. вместо географического обозначения Азиатско-Тихоокеанского региона стал фигурировать Индо-Тихоокеанский регион.

Затем, администрация Трампа отказалась от институционального формата в виде вовлечения Китая, а предпочла политику баланса сил, в виде таких форматов как QUAD и AUKUS. Также, в доктринальном отношении, США отказались считать основным приоритетом угрозы безопасности абстрактные региональные угрозы и дестабилизацию, а конкретно отметили, что Китай, Россия и КНДР являются основными источниками угроз в регионе, в рамках доктрины Индо-Тихоокеанского региона. Новый документ был издан Министерством обороны США в июне 2019 г., и в нем подчеркивалось необходимость сдерживать Китай, военными и дипломатическими средствами [163]. В частности, в новом документе подчеркивается «свободный и открытый», т.е. это отсылка к поддержке свободы сфер в Индо-Тихоокеанском регионе. К примеру, Китай претендует на большую часть Южно-Китайского моря, что будет означать распространение суверенитета КНР на морские, воздушные и даже кибер-и сухопутное пространство. Поэтому, Белый Дом, конкретно и четко обозначает сферу своих приоритетов, выраженной в докладе Минобороны США от 2019 г.

В военном отношении, еще во время президентства Б. Обамы, в рамках доктрины «ребалансирования», было объявлено, что США намерены сосредоточить 60% своих сил в регионе, особенно сделав упор на ВМФ, ВВС, ракетно-ядерные силы, а также кибер-сферу [164]. В стратегической сфере, США приняли доктрину Air-to-Sea Battle, учитывающей географические особенности региона. Данная доктрина делает упор на модернизации сил и средств ВВС и ВМФ, с учетом китайской стратегии A2/AD [165].

Другим значимым моментом, в военном и военно-стратегическом измерении безопасности, стал выход США из Договора по ракетам меньшей и средней дальности (ДРСМД). ДРСМД был заключен между СССР и США в 1987 г., для поддержания контроля над стратегическими вооружениями, ликвидации ракет класса меньшей и средней дальности и крылатых ракет (550-5500 км), средств наземного базирования. ДРСМД заложил основы системы стратегической стабильности, российско-американского контроля над стратегическими вооружениями, а также составил одну из основ системы европейской безопасности. Но образование Индо-Тихоокеанского макрорегионального кластера безопасности, привело к распаду прежних и формированию новых паттернов безопасности. Так, Китай в отличие от России и США не являлся подписантом ДРСМД, при этом существенным образом модернизировав свой ракетно-ядерные силы, которые меняют стратегический баланс в регионе [165, с. 311].

Также можно отметить и условия формирования и действия AUKUS, как одного из паттернов, в рамках Индо-Тихоокеанского региона. При возникновении альянса AUKUS, стоит обратить внимание, что формирование альянса произошло не из-за институциональных пертурбаций, либо желаний Вашингтона любыми путями сдерживать геополитическое восхождение Китая.

Стратегическими и практическими предпосылками формирования альянса стали преимущественно технические вопросы, связанные с американской военной стратегией в Индо-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, мы видим, что формирование Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности началось еще в 1990-х гг. Геополитический подъем Китая, начал генерировать новые тренды безопасности, такие как наращивание китайского влияния в регионе Индийского океана, формирование дилеммы безопасности, ядерная модернизация, революция в военном деле и т.д. Учитывая уровень американского влияния в регионе, США с периода президентства Обамы, начали проводить институционализацию системы региональной безопасности. При Трампе, США открыто признали необходимость и значимость реализации политики или стратегии баланса сил, в виде таких коалиции как QUAD или AUKUS, что окончательно уже обозначило нарративы китайско-американского стратегического соперничества. При администрации Байдена, США продолжили политику сдерживания КНР, но уже начав применять средства геоэкономического характера, но в целом, продолжив политику сдерживания КНР, на фоне российско-украинской войны.

2.3 Геоэкономические аспекты секьюритизации в ИТР, в контексте институционального строительства

Как отмечалось выше, геоэкономические механизмы Китая, значительным образом отличаются друг от друга в зависимости от региона. Индо-Тихоокеанский макрорегиональный комплекс безопасности, состоит из Восточноазиатского, Юго-Восточной Азии и Южно-Азиатского комплексов безопасности. В данном отношении, необходимо различать геоэкономическую стратегию, где, во-первых, геоэкономика применяется как средство внешнеполитического и/или дипломатического воздействия; во-вторых, геоэкономика не обязательно должна выступать в качестве рычага давления, геоэкономика отражает аспекты институционального строительства.

В зависимости от уровня экономического развития, и интегрированности системы региональной экономики в мировую, Китай, в той или иной степени реализует свою геоэкономическую стратегию. К примеру, в Восточной Азии, китайская геоэкономическая стратегия выражена в виде торговых войн и средств политико-дипломатического давления, которое вписывается в общую динамику регионального взаимодействия. В Юго-Восточной Азии, китайская геоэкономическая стратегия обладает двумя особенностями: с одной стороны, это институциональное строительство, с другой стороны, китайская геоэкономическая стратегия в ЮВА, это средство дипломатического воздействия, в контексте китайско-американского стратегического соперничества. В Южной Азии, а также в других областях земного шара, китайская геоэкономическая стратегия обладает чертами институционального строительства, которое вписывается в структуру общего гегемонистского строительства КНР.

Восточноазиатский комплекс региональной безопасности состоит из четырех государств и одного актора: Северная Корея, Южная Корея, Япония и

Тайвань соответственно. В данном случае, учитывая то, что данный географический регион составляет основу структуры геополитической безопасности Китая, где в основном доминируют элементы геополитики. Соответственно, геоэкономика, в данном случае, является частью геополитики.

Япония. Формат китайско-японских геоэкономических отношений, не ограничивается исключительно двухсторонними экономическими отношениями, а является частью сложного комплекса системы региональной безопасности. Первое, это защита китайских притязаний на территориальную целостность страны, китайские притязания на спорные острова Дяоюйдао/Сенкаку [166]. Второе – это геоэкономическое давление на Японию, в контексте политико-экономических связей Токио с Вашингтоном.

В рамках первой стратегии, Китай использовал квоты на товарные потоки для оказания влияния на исход территориальных споров вокруг островов Дяоюйдао/Сенкаку. В 2010 г. китайский рыболовный траулер был задержан двумя японскими кораблями береговой обороны возле оспариваемых островов. Капитан китайского судна был арестован, в ответ на что, Китай прекратил поставки редкоземельных оксидов, солей и чистых редкоземельных металлов в Японию [167]. Эти материалы жизненно важны для японской промышленности, без них Япония не в состоянии производить электрические устройства, которые обязана выпускать по контрактам с американскими и европейскими компаниями. Геоэкономический поступок Китая, имевший значимые последствия для глобальной цепочки поставок, в конечном счете фактически заставил Токио освободить арестованного капитана [168].

Вторая попытка давления посредством экспорта редкоземельных элементов состоялась всего год спустя, в 2011 г., когда Пекин попытался убедить иностранные компании, зависимые от этих элементов, перенести свои центры производства и технологии в Китай в обмен на гарантии поставки дешевых редкоземельных металлов. Компании «Хитачи металс» и «Тойота» в итоге перевели свои мощности в Китай, и это решение соответствовало стратегической цели Пекина по развитию собственной индустрии использования редкоземельных элементов [169].

В ситуации с «редкоземельным эмбарго» Китай добился гораздо большего, умело используя геоэкономические инструменты принуждения, чем мог бы добиться посредством иных методов. Так, Пекин успешно обозначил свое категорическое несогласие с территориальными претензиями Японии, освободил капитана китайского траулера, а также вынудил японские компании перенести редкоземельный бизнес на свою территорию [170]. Авторы книги «Война иными средствами» отмечают, что китайско-японские противоречия, и использование Пекином геоэкономики, дали понять миру то, что, во-первых, Китай активно использует экономику как инструмент политики, или средства политического воздействия, во-вторых, данные события, отображают динамику и формат исторического процесса, а именно то, что период «тихой» политики Китая, остался позади, когда Китай адаптировался к глобализации. Хотя, эксперты указывают на то, что отход от дилемм Дэна Сяопина произошел в период

правления Си Цзиньпина, тем не менее, ранние черты еще начались при Ху Цзиньтао, где экономика и стала геэкономическим инструментом Поднебесной.

По мнению ряда аналитиков, «редкоземельное эмбарго» было нацелено не столько на Японию, сколько на США. «Данные свидетельствуют, что Япония ждала и была готова к возможным рискам такого эмбарго, – отмечает Юн Чжан, доцент кафедры международных отношений Национального университета Ниигата – Напротив, США, в особенности оборонный сектор американской промышленности, ничего подобного не ждали, а потому пали жертвой коллапса на протяжении практически всей цепочки поставок редкоземельных элементов» [171].

Другим существенным элементом, в рамках китайско-японского геэкономического взаимодействия, стало открытое противостояние в рамках территориальных споров. В 2012 г., когда правительство Японии выкупило часть спорных островов, массовые беспорядки в Китае, привели к вынужденному закрытию японских предприятий на территории Китая. После данных событий, только японские автопроизводители потеряли свыше 250 миллионов долларов [172].

После конфликта из-за островов Сенкаку/Дяоюйдао японский экспорт в Китай упал на 14 процентов в октябре 2012 г., если сравнивать с предыдущим годом. Как следствие, двусторонний торговый дефицит составил около 7 миллиардов долларов, а общий объем экспорта Японии сократился на 10,3 процента в годовом исчислении [173]. Японские автопроизводители вновь приняли удар на себя, причем сильнее всех пострадала «Тойота» (на 48,9 процента по сравнению с 2010 годом) [174]. Затем, китайские власти взялись за другие экономические «кнуты», в том числе сократили сырьевые потоки в Японии (число разрешений на добычу редкоземельных металлов упало на 41 %) [175].

Денежно-кредитная политика Китая в отношении Японии оставалась относительно стабильной даже на фоне территориальных споров и других геополитических разногласий. В 2012 году, снова вследствие выкупа японцами части островов Дяоюйдао/Сенкаку, редакционная статья в газете «Чайна дэйли» (за подписью видного торгового специалиста Цзин Байсуна) призвала Китай воспользоваться статусом крупнейшего кредитора Японии (230 миллиардов долларов в облигациях), «наложить санкции на Японию наиболее эффективным образом» и поставить Токио на грань финансового кризиса [176].

Кроме того, Китай активно применяет кибернетические инструменты для ослабления решимости Японии стоять на своем в территориальном споре. Вскоре после кибератаки на японский парламент летом 2011 г. китайские хакеры атаковали японские коммерческие фирмы, выкрад информацию, имеющую отношение к военной технике (боевые самолеты, вертолеты, подводные лодки и эсминцы), а также к конструкции АЭС и к стандартам безопасности «Мицубиси хэви индастриз» [177]. Хотя Япония достоверно установила «китайский след» в обоих нападениях, Пекин отрицает свою причастность.

Геоэкономическое давление Китая на Японию нельзя назвать безусловно успешным. Некоторые эксперты полагают, что «экономическое принуждение оказалось контрпродуктивным для Китая в территориальном споре». В ответ на экономическое давление и на потребительские бойкоты 2013 г. Япония не стала отказываться от своих претензий на острова – и постаралась укрепить сотрудничество с другими азиатскими соседями. Бойкот японских товаров при этом ударил по китайским работникам японских предприятий в Китае, но это лишь подчеркивает готовность Пекина терпеть, когда речь заходит о внутренних издержках геоэкономической внешней политики [178].

Особенностью структуры внешней политики Южной Кореи выступает то, что механизмы безопасности ориентированы на США, как основного поставщика безопасности. Данный момент играет ключевую роль в определении позиций Республики Корея, в контексте китайско-американского стратегического взаимодействия.

Влияние страны определяется не только важными аспектами военно-политического влияния, но и параметрами экономического сотрудничества, и других институциональных аспектов, в рамках теорий гегемонистского строительства. Решение Южной Кореи, как союзника США присоединиться к китайским геоэкономическим инициативам, следует понимать в политизированном контексте, в некоторой степени, что продиктовано новым подходом Китая к международным делам. Институциональное строительство является четким сигналом о стремлении Китая играть более заметную роль в глобальном управлении [179].

Президент Си пригласил Южную Корею присоединиться к АБИИ во время своего первого визита в Сеул в июле 2014 г. Этот государственный визит имел высокую степень символизма, поскольку это был первый визит китайского президента в Южную Корею до визита в Северную Корею. Маршрут также включал только одну страну, что свидетельствует о взаимопонимании между президентами Си и Пак Кын Хе в то время. Республика Корея не сразу присоединилась к банку, но, когда это произошло, страна объявила, что благодаря своему членству она поможет АБИИ установить «стандарты высокого уровня, соответствующие стандартам существующих многосторонних банков развития в отношении ответственности, прозрачности, управления и устойчивости долга» [180]. В Южной Корее те, кто выступал за присоединение к АБИИ, понимали преимущества членства с точки зрения поддержки заявок южнокорейских компаний на азиатские инфраструктурные проекты в секторах связи, строительства и транспорта. Членство также может помочь стране подготовиться к будущему объединению с Северной Кореей, что потребует значительных финансовых средств на инфраструктуру [181].

Южная Корея еще не присоединилась к ИПП на начальных этапах существования организации. В 2013 г., примерно во время объявления инициативы под знаменем ИПП, администрация Парка объявила об Инициативе Евразия. Эта инициатива была направлена на создание сети инфраструктуры для транспорта, товаров и энергии для создания новых возможностей для бизнеса и

культурного обмена из южнокорейского портового города Пусан в Северную Корею, Россию, Китай и Среднюю Азию. Первоначально правительство Парка было заинтересовано в реализации этой инициативы совместно с ИПП [182]. Все это привело к другой инициативе правительства Мун Чжэ Ина под названием «Новая северная политика». На фоне ухудшения политических отношений китайские СМИ объявили, что Южная Корея согласилась присоединиться к ИПП, но правительство Муна опровергло эти сообщения, что еще больше осложнило двусторонние отношения [183].

Таким образом, стратегический выбор Южной Кореи актуален во многих областях американо-китайской конкуренции, в том числе в геополитике, международной экономической системе и военных делах. В частности, цели Пекина и Вашингтона в Южной Корее обусловлены определенными структурными факторами, такими как геостратегическое положение Корейского полуострова, растущий военный потенциал Северной Кореи и статус Южной Кореи как прочного союзника в системе альянсов, в центре которой находятся США. Курс южнокорейских действий имеет решающее значение для этого соперничества. В сфере китайско-американского военного соперничества Северная Корея представляет собой источник уязвимости для обеих сторон, в значительной степени из-за географической близости Пекина и угрозы ядерного оружия Пхеньяна и систем его доставки для режима нераспространения. Степень, в которой Южная Корея будет реализовывать стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе или участвовать в китайском ИПП, может облегчить или замедлить стремление этих двух соперников реализовать свое собственное видение международного порядка в Азии.

Другим значимым событием в динамике и архитектуре системы региональной безопасности в Восточной Азии, стало событие, связанное с установлением американских систем ТНААД на территории Республики Корея, как ответ на северокорейские ракетные испытания. В данном случае, Китай широко и искусно применил средства геоэкономического воздействия на Сеул, объявив бойкот сети южнокорейских супермаркетов, что, в свою очередь непременно ударило по экономике Южной Кореи. Данное событие можно считать знаковым в контексте применения средств геоэкономического воздействия или рассматривать их как один из паттернов, которые формируют структуру и динамику региональной безопасности.

В дипломатическом отношении, политика США по установке РСМД наземного базирования, столкнулась с явным и очевидным неприятием со стороны союзников и партнеров США. Ни одна страна региона, не согласилась с принятием на своей территории комплексов РСМД [114]. В этом отношении, ситуация с союзниками и партнерами США в Индо-Тихоокеанском регионе оказалась полностью противоположной той, которая была в 1982 г., в рамках «двойного решения» НАТО. Скорее всего, данные действия, побудили США приступить к созданию АUKUS, и нарушению режима нераспространения, т.е. передаче ядерных технологий АПЛ Австралии.

Пример установок систем ТНААД, стал знаковым событием, где Китай эффективно применяет средства геоэкономического воздействия на своих соседей. Даже можно отметить, что применение средств геоэкономического воздействия более эффективны, в отличие от прямой военной силы и политики военно-политического балансирования. Таким образом, можно утверждать, что ядерный компонент в системе безопасности Корейского полуострова, базируется не только на ядерной программе КНДР, и ее дестабилизирующего эффекта, но и в тех механизмах геоэкономического воздействия, которые были выработаны Китаем.

Страны Юго-Восточной Азии. Учитывая быстрый экономический рост с 1990-х гг., КНР стала крупнейшим торговым партнером АСЕАН как в целом, так и для каждого отдельного государства-члена. Такое развитие событий неудивительно, учитывая интеграцию глобальных производственных сетей. Юго-Восточная Азия экспортирует сырье, компоненты и полуфабрикаты в КНР для окончательной сборки и реэкспорта на другие рынки, такие как США, Европа и Япония. Потребители в КНР и Юго-Восточной Азии также предоставляют рынки для китайских товаров. Хотя торговля с КНР, несомненно, стимулировала экономический рост в Юго-Восточной Азии, такая экономическая интеграция имеет сквозные политические последствия для региона.

Китайский капитал становится все более заметным в Юго-Восточной Азии после запуска ИПП. Китайские ПИИ в регионе выросли до 11,3 млрд долларов в 2017 г. с 6,6 млрд долларов в 2015 г., с упором на инфраструктурные проекты [184]. При этом значительная часть инвестиционных обязательств КНР ожидает полной реализации — запланированные ПИИ на 2015 г. [185]. Примечательно, что китайские инвестиции в Юго-Восточную Азию по-прежнему отстают от инвестиций развитых стран. Крупнейшим источником ПИИ в Юго-Восточной Азии остается Европейский союз, за которым следуют Соединенные Штаты и Япония, причем большинство из них поступает в форме частного капитала в коммерческие объекты, а не в инфраструктуру [186].

Расширение экономических связей в последние годы уменьшило аппетит к трениям с КНР среди правительств Юго-Восточной Азии. Примечательно, что ожидания того, что Пекин может навязать экономические издержки за разногласия, ослабили реакцию Юго-Восточной Азии на строительство КНР и милитаризацию искусственных сооружений в Южно-Китайском море. Даже после того, как Арбитражный трибунал по Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС) постановил, что самые обширные претензии Пекина в Южно-Китайском море не имеют юридической силы, большинство региональных правительств либо хранили молчание, либо давали сдержанные ответы [187]. Сингапур столкнулся с дипломатическим и коммерческим давлением со стороны КНР за его открытую поддержку применения принципа верховенства права в споре о Южно-Китайском море, несмотря на то что Сингапур долгое время придерживался такой позиции, с международным верховенством права на море и поддержкой более надежных механизмов правоприменения [188].

Неудивительно, что это желание соответствовать внешнеполитическим предпочтениям Пекина особенно остро ощущается среди небольших и наименее развитых экономик Юго-Восточной Азии, учитывая их сильную зависимость от инвестиций и торговли КНР. Правительства этих государств рассматривают развитие базовой инфраструктуры, предложенной в рамках ИПП, как неотъемлемую часть их экономического будущего. В результате экономической, дипломатической и внутривластной поддержки со стороны КНР правительство Камбоджи во главе с Хун Сенем якобы несколько раз препятствовало формулированию более четкой позиции АСЕАН по территориальным спорам в Южно-Китайском море [189]. Эти шаги из Пномпеня сыграли важную роль в оказании помощи Пекину, свести к минимуму дипломатическое давление со стороны южных соседей.

Другим последствием тесных экономических связей с КНР является непреднамеренное сопротивление внутри страны, которое может возникнуть в результате различных коммерческих, социальных и экологических внешних факторов, связанных с проектами, поддерживаемыми Китаем. Выигравшая заявка КНР на строительство высокоскоростной железной дороги в Таиланде вызвала споры из-за непомерных процентных ставок и сомнительного качества, в то время как аналогичные проекты в Индонезии и Малайзии столкнулись со спорами по поводу приобретения земли, стоимости и прогресса. Гидроэнергетические проекты, финансируемые КНР, сталкиваются с обвинениями в нанесении ущерба окружающей среде и средствам к Камбоджи [190].

Неравное распределение затрат и выгод экономического развития между КНР и принимающими правительствами Юго-Восточной Азии может стать источником споров. Нынешнее военное правительство Таиланда, например, сталкивается с критикой за то, что его участие в проектах, связанных с ИПП, таких как высокоскоростная железная дорога, направлено на обогащение связанных с ними лиц и групп, а не на получение более широкой экономической выгоды [191]. Критики далее утверждают, что проект с его повышением процентных ставок может заманить Таиланд в ловушку долгосрочной задолженности. По мнению многих в регионе и за его пределами, китайское финансирование является формой «дипломатии долговой ловушки», которая приведет к потере контроля над ключевыми национальными и стратегическими активами [192]. В ответ на такую критику Пекин до сих пор подчеркивал, что соглашения являются добровольными и основаны на взаимном согласии и их способность эффективно разрешать споры остаются под вопросом [193].

Еще один спорный вопрос, относящийся непосредственно к проектам ИПП, заключается в том, что недостаточная прозрачность означает, что фирмы КНР получают или, по всей видимости, выигрывают большую часть наиболее выгодных контрактов, что вызывает подозрения в том, что они вытесняют фирмы в принимающих странах. Усугубляет положение тот факт, что китайские фирмы, участвующие в проектах ИПП, по общему мнению, импортируют рабочую силу из своей страны, а не нанимают местных работников, возможно, из-за

необходимости избегать трудностей в общении и наличия соответствующих навыков. Этнические китайские общины в принимающих странах Юго-Восточной Азии, особенно в сочетании с местными ожиданиями занятости [194]. Эти косвенные эффекты, возникающие в результате проектов ИПП, к сожалению, не являются проблемами, которым Пекин или его правительства-партнеры, похоже, уделяют достаточно внимания в своей спешке для продвижения строительства инфраструктуры.

В 2012 г. Филиппины ощутили на себе геоэкономические последствия в ходе территориальных споров с Пекином. Когда филиппинский военный корабль попытался задержать китайских рыбаков, промышлявших у спорного рифа Скарборо, Китай отказался пустить на свой рынок 150 контейнеров бананов под предлогом того, что эти бананы «кишели насекомыми». Это был символический шаг, суливший более значимые неприятности в будущем; удар по филиппинскому аграрному сектору обошелся местным фермерам убытками в размере около 760 000 долларов. Затем китайцы приступили к строгим проверкам партий папайи, манго, кокосов и ананасов с Филиппин. Эти целевые геоэкономические действия нанесли существенный урон филиппинскому экспорту, поскольку свыше 30 процентов местных фруктов поставляется именно в Китай [195].

В регионе, где «нет ничего привлекательнее денег», геоэкономические действия Китая не только помогают улаживать территориальные споры, но и служат более значимой цели вытеснения США из Юго-Восточной Азии [196]. Для Пекина все началось с саммита АСЕАН в 2010 г. во Вьетнаме; на этом форуме страны АСЕАН, одна за другой, присоединялись к широкому фронту против Китая с его «экзотическими» притязаниями, и результатом стало совместное заявление, которое не прямо, но достаточно сурово осуждало Китай.

Председательствуя в АСЕАН в следующем году, Индонезия, по сути, повторяла прошлогодние заявления, не смягчая и не ужесточая позицию организации. К моменту, когда Камбоджа заняла место председателя АСЕАН в 2012 г., Пекин успел составить схему противодействия. Камбодже пообещали выделить кредиты и субсидии на общую сумму 2,7 миллиарда долларов (резкое увеличение по сравнению с 1,9 миллиарда долларов, инвестированными КНР в Камбоджу в 2011 г.); эта сумма более чем вдвое превышала инвестиции всех стран АСЕАН и в десять раз превосходила объемы помощи США [197]. В благодарность в июле 2012 г. Камбоджа воспользовалась положением председателя АСЕАН, чтобы заблокировать совместное заявление с осуждением роли Китая в усугублении территориальных конфликтов в Южно-Китайском море; впервые за сорок пять лет страны АСЕАН не смогли прийти к единогласному мнению по поводу совместного заявления.

Также, важно отметить, что Китай стал заниматься активным институциональным строительством в Юго-Восточной Азии. Так, несмотря на политические трения вокруг морских территориальных споров, конфликтующие стороны стали членами китайского Пояса и Пути, а также Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Показательно, что вне компетенции этого банка остались региональные соперники КНР – Япония, Индия и США

[198]. Несмотря на противодействие США, Китай так или иначе заставил или уговорил 57 стран присоединиться к АБИИ: в это число вошли четырнадцать передовых экономик G-20 и все крупные союзники США в регионе, исключая Японию. Оставшись в одиночестве в данной ситуации, Соединенные Штаты были вынуждены смягчить свою позицию [199]. Подробности об управлении и деятельности банка не афишируются, но можно предположить, что Китай выступает крупнейшим акционером этого института и владеет 50 процентами уставного капитала (на сумму около 50 миллиардов долларов [200]). АБИИ намерен предлагать кредиты на развитие транспорта, телекоммуникаций и энергетики в развивающихся странах региона и конкурировать в проектах и объемах финансирования с Всемирным банком. Представители США выказывали нетипичную откровенность в своих оценках, предупреждали, что этот банк представляет собой сознательную попытку «уничтожить» международный финансовый ландшафт, который сформировался после Второй мировой войны (и поддерживается усилиями США, Европы и Японии). Помимо стремления ослабить американское влияние в регионе, создание АБИИ позволит Китаю глубже вовлечь соседей в свою орбиту и укрепить отношения, сулящие дополнительные геэкономические выгоды, в том числе снижение напряженности по территориальным разногласиям [201].

Китай сосредоточил усилия на увеличении торгового оборота и объема инвестиций в Юго-Восточную Азию. Занимая преимущественно жесткую позицию на торговых переговорах с крупными и богатыми странами, Пекин проявляет «снисхождение» к малым, но оттого не менее важным стратегически партнерам. Так, КНР предложила включить щедрую «программу раннего урожая» в соглашение с АСЕАН о свободной торговле 2002 г., открыв китайский рынок для сельскохозяйственной продукции стран АСЕАН. Вместо того чтобы отстаивать условия, наиболее выгодные для Китая, Пекин заключил это соглашение, дабы успокоить своих соседей по Юго-Восточной Азии и поделиться с ними толикой экономических успехов КНР, по словам одного аналитика, выступив таким «региональным гегемоном-благотворителем». Данное соглашение вдобавок способствовало признанию ВТО Китая страной с рыночной экономикой – АСЕАН присвоила такой статус КНР в сентябре 2004 г [195].

Во многих случаях китайское геэкономическое принуждение оказалось дорогостоящим, но эффективным; наглядным примером здесь выступают Филиппины. В других ситуациях Китай попросту извещал своих соседей о цене геополитических рисков, вынуждая правительства других стран вести себя так, чтобы это не было воспринято как покушение на стратегические цели КНР; Камбоджа, Вьетнам, Мьянма, Малайзия – образцов таких действий предостаточно. Однако в некоторых случаях, даже там, где удавалось реализовать краткосрочные цели, экономическое давление Китая лишь поддерживало решимость правительств таких стран, как Филиппины или Вьетнам, совершать действия, не слишком, мягко говоря, соответствующие базовым стратегическим целям Пекина. Впрочем, нужно признать, что Китай не считает напрасными

расходы на геэкономическое принуждение; пока данная позиция не изменится, КНР, скорее всего, продолжит свою политику.

Краткий вывод: таким образом, геэкономика в Индокитае обладает противоречивыми позициями. С одной стороны, у Китая имеются территориальные споры в морском пространстве со рядом стран-членов АСЕАН, но с другой стороны, наращивание экономических связей с Китаем в рамках реализации проектов ИПП, играет положительную роль для продвижения китайских институтов в регионе.

Институционализация китайского влияния в Южной Азии как классический пример. Регион Южной Азии, можно также классифицировать как шире регион Индийского океана. Регион Южной Азии, представляется классическим примером, институционализации китайского влияния. За два десятилетия XXI столетия, Китай значительным образом расширил свое влияние в регионе, начав с экономической активности, и уже к пред-ковидному достигнув значительного геополитического влияния.

И наиболее близкий пример, институционализации китайского влияния, он происходит в регионе Южной Азии. Для него также характерны вопросы военной безопасности, но, тем не менее, стоит отметить, что они сформировались еще в период до китайского геополитического восхождения, в рамках треугольника Китай-Индия-Пакистан. В этом случае, такие страны как Мьянма, Бангладеш, Шри-Ланка и Пакистан не образуют с Китаем систему классической дилеммы безопасности. Они в большей степени, вовлечены в экономическую деятельность с Пекином. Хотя в регионе Южной Азии, также существует дилемма безопасности, но, тем не менее, она не носит такого острого характера, который существует в Восточной или в Юго-Восточной Азии. Военный спектр отношения носит слабовыраженный характер, и экономически данные страны не способны противостоять Китаю или составить ему конкуренцию. Другой классический пример, это регион Центральной Азии. Хотя ЦА не является составной частью Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности, но тем не менее, китайское влияние, это классический пример институционализации формата отношения. Особенностью институционализации китайского влияния, в данном случае, выступает то, что экономическое влияние, т.е. формат экономического взаимодействия, впоследствии экстраполируется на формат политико-дипломатических, военных и военно-технических отношений.

Геополитической особенностью региона ЦА, проявляется в том, что Китай за два десятилетия, поэтапно проводил процесс институционализации своего влияния. Первый этап, приходится на период конца 1990-х и начала 2000-х гг., когда Пекин работал над легитимизацией своего присутствия в регионе. Затем, в 2000-х и в 2010-х гг., Китай значительным образом нарастил свое экономическое присутствие в регионе. События 2022 г., привели к смене баланса сил, который также сказался положительным образом на китайской политике в регионе. Влияние Китая, в Южной Азии, можно рассматривать как классический пример, в силу двух факторов. Первое, это традиционное индо-пакистанское

противостояние, которое заложило основы механизма баланса сил в регионе. Второе, после истощения нефтяных запасов в самом Китае в середине 1990-х гг., это привело к тому, что Китай стал искать энергетические источники зарубежом [202], что логически привело к формированию его африканской и ближневосточной политики. В 1990-х и в 2000-х гг., формируется тенденция SLOC, морских линий коммуникаций, что оказало существенный эффект на становление китайского влияния в странах Южной Азии, таких как Шри-Ланка, Бангладеш и т.д.

Поэтому, в рамках геоэкономической стратегии, экономическая сила экстраполируется в политическую область, где формирование ряда обязательств, ведет к институционализации китайского влияния в регионе. Поэтому, так часто, американские эксперты склонны видеть в китайской стратегии геополитические моменты.

Одним из наиболее ярких примеров, институционализации китайского влияния в Южной Азии, или шире, в регионе Индийского океана, выступает именно фактор развития SLOC (Sea Lines of Communications). Первоначально, присутствие Китая в регионе Южной Азии не было представлено соответствующим образом, и усиление китайского влияния началось только в 2000-х гг. Институционализацию китайского влияния в регионе, можно обозначить по следующим этапам:

- Экономическое;
- Инфраструктурное;
- Институциональное;
- Военное.

Данное расположение определению не стоит рандомно, а оно отображает те тенденции, которые привели к нарастанию, либо к усилению институционализации китайского присутствия в регионе. Как отметил Р. Кеохейн в своей книге «После гегемонии», экономическое сотрудничество ведет к развитию институционального формата отношения [203]. В данном случае, мы наблюдаем, что экономическая активность КНР, привела к формированию новых геополитических паттернов. В экономическом плане, Китай импортирует с Африки, множество минеральных ресурсов, что впоследствии привело к формированию и развитию транспортно-логистической сети, в виде «Жемчужиной нити», которая простирается от Южного Китая до восточной Африки. Затем, уже в рамках Пояса и Пути, это привело к институционализации экономических отношений, которая постепенно перешла в определенную политическую плоскость. Китай, в своей внешнеполитической стратегии, избирательно старается избегать утверждения каких-либо политических основ или ярких идеологических ориентиров. Несмотря на свою идеологическую приверженность к марксизму, китайская политика де-идеологизирована [73, с. 179]. Поэтому, вопрос институционального формата, в большей степени склоняется именно к вопросам торгово-экономического сотрудничества, но не в случае «рекламы», или продвижения идей «Пекинского консенсуса», или иных форм китайской политической системы. Институциональный формат отношений

стоит искать в контексте экономического сотрудничества. И последняя стадия, военный формат.

Ряд зарубежных экспертов склоняются к тому, что развитие сети разветвленных транспортно-логистических коммуникаций, необходимо для его будущих военных возможностей [204]. Эксперт из Национального бюро азиатских исследований, Эриксон Э. рассматривает два варианта, при текущей военной модернизации НОАК, в ее стратегическом плане. Первое, это МООТВ (military operation other than war), и второе, это проецирование военной силы, в частности в далеких океанических пространствах. Исследователь приходит к выводу, что на данный момент НОАК сосредоточена на уровне МООТВ, что еще не дает повода для военного применения точек в рамках Морского Пояса, который охватывает Южную Азию, или регион Индийского океана.

Первоначально, развитие китайских морских линий коммуникаций, привело к формированию новых паттернов безопасности, но в зависимости от политической ситуации. Китай в географическом отношении не является страной, которая имеет прямой выход к Индийскому океану, но благодаря развитию союзнических отношений, а также целенаправленным инвестициям в такие страны, как Пакистан и Мьянма, это привело к формированию институциональной платформы китайского влияния. Здесь, важно отметить и тот характер, который существует в Пекине. Во время правления Цзянь Цзэминя, который придерживался постулатов Дэна Сяопина во внешней политике, развитие китайских SLOC, можно было рассматривать исключительно, либо преимущественно в экономическом ключе, т.е. поддержание соответствующей сети танкеров, портов и судов, которые были необходимы для транспортировки ресурсов. Но, в период правления Си Цзиньпина, данная тенденция стала обрести аспекты секьюритизации, а затем уже институционализации, что вылилось в такие стратегические инициативы как Пояс и Путь, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Хотя западные эксперты часто утверждают о том, что Китай способен использовать сеть транспортно-логистических путей для проецирования своего военного влияния, но, тем не менее, это не происходит. Возможно, это весьма риторический вопрос в плане формирования китайской глобальной стратегии, т.к. применение средств военного характера значительным образом сузит поле для дипломатических маневров. Но, пока что, данная тема, все еще остается открытой и нет явных доказательств того, что Пекин намерен использовать их в военном отношении. Тем не менее, регион Южной Азии, это классический пример того, как секьюритизация национальных экономических интересов, впоследствии, привела к институционализации китайского влияния.

Китайские стратегические императивы в рамках региона Индийского океана можно разделить по следующим направлениям:

- Обеспечение безопасности SLOC от государственных и негосударственных субъектов;
- Организация эвакуации граждан КНР в контексте возникающих локальных кризисов;

- Обеспечение безопасности граждан КНР на местах и защита экономических активов;
- Использование мягкой силы, в рамках поддержки миротворческих операций ООН и оказание гуманитарной помощи и ликвидация последствий стихийных бедствий (HADR);
- использование военно-морской дипломатии и демонстраций для политического влияния и принуждения;
- Выполнение операций в рамках MOOTW;
- расширение политического влияния.

Наиболее важным стратегическим императивом Китая в регионе Индийского океана является защита своих SLOC, которые проходят через Индийский океан. Это наиболее критично связано с защитой импорта энергоносителей из Персидского залива и северо-западной части Индийского океана, а также из Западной Африки (на которые в настоящее время приходится около 20% общий объем импорта нефти) [205].

Защиту SLOC, можно рассматривать как отправную точку в начальном процессе институционализации китайского влияния в регионе. Для Китая, это представлялось чрезвычайной проблемой, особенно учитывая центральное расположение Индии и протяженность маршрутов (6000 км между Ормузским и Малаккским проливами и 9500 километров между мысом Горд и Зондский пролив).

Как отмечалось выше, характер внешней политики КНР, и принимаемых решений, зависит от характера внутривосточных процессов. Цзянь Цзэминь и Ху Цзиньтао, придерживались модели внешней политики, которая была озвучена Дэном Сяопином. Тогда экономическое развитие Китая рассматривалось в экономических, финансовых, торговых и иных цифровых показателях, тем не менее, формат отношений в 1980-х и в 1990-х гг., можно охарактеризовать как «демократический» мир, если рассуждать в контексте теории «демократического мира», Брюса Рассетта, но в контексте специфики восточноазиатских отношений, вышеотмеченный период, можно обозначить как «экономический мир». Т.е. во время Цзянь-Ху, Китай не генерировал прямые вопросы безопасности и институционализации своего влияния, действуя исключительно в экономической сфере. Так, к примеру, один ведущий американский синолог Э. Эрикссон отмечает, что фактор безопасности Китая был преимущественно связан с вопросами внутреннего плана [71, с. 79].

В данном случае, развитие экономики не означает, что она не включает в себя фактор или аспекты секьюритизации, но сама секьюритизация не обязательно должна означать институционализацию. Сам процесс институционализации в большей степени связан с аспектом дипломатических, политических и далее военно-политических средств. Т.е. мы видим, что такие элементы как политика и экономика тесно переплетаются. Как отмечают авторы книги «Война иными средствами: искусство управления государством», целью политики является достижение власти, т.е. влияния в то время, как логика экономики, ложится в плоскости богатства. Сейчас, мы можем экстраполировать

данное видение в рамках уже политического видения, и специфики китайской проблемы секьюритизации.

Секьюритизация означает защиту национальных экономических интересов, но сама секьюритизация не обязательно должна означать процесс институционализации. Т.е. экономическое сотрудничество означает достижение общих благ, к примеру, когда корейские компании инвестируют в экономику Узбекистана и от этого они получают дивиденды.

Но проблема процесса институционализации отношения, будет означать наличие в той или иной степени иерархии. Это, также неизбежно в отношениях между США и их союзниками, что особенно выделялось в период правления Д. Трампа. Также, например, отношения США с их союзниками во время холодной войны, как отмечают американские эксперты «сдерживание» было необходимо не просто для военно-политического сдерживания Советского Союза, но и для преобразования Германии и Японии, что впоследствии сформировало гегемонистский порядок, который так яростно критиковал Трамп.

Явным преимуществом китайской институциональной политики, выступает тот факт, то, что у Китая нет прямого противника, как во время периода классического баланса сил. И политика милитаризации международных отношений, в данном случае, исходит, скорее от самих США, чем от Китая, принимая во внимание активное военное строительство в ИТР, и даже само оформление Индо-Тихоокеанского региона.

Механизмы международной политики в условиях глобализации носят иной характер, и поэтому институционализация китайского влияния, явно будет отличаться от американского. Для критики идей китайского экспансионизма, можно применить одну из теории международных отношений, а именно неомарксизм. Неомарксизм Валлерштайна утверждает, что мировая система делится на три уровня – центр, полупериферия, периферия. Как утверждает британский политэкономист Ричард Болдуин, мировая экономическая система, в условиях глобализации характеризуется экономическим разделением труда. Т.е. если мы рассмотрим и оценим в рамках глобального разделения труда, то можно прийти к следующему умозаключению: страны периферии доставляют в Китай минеральные ресурсы, затем в Китае идет их переработка и материальное производство, куда они далее доставляются в Европу или шире в северный трансатлантический регион. Данную классификацию еще описал Бузан, в своей работе по ТКРБ.

Таким образом, современные китайско-американские отношения нельзя характеризовать как холодную войну, продукта классического реализма наций-государств. Глобальная комплексная взаимозависимость создает новые паттерны геополитического мышления, и поэтому это весьма сложный и специфический процесс.

Далее, секьюритизация экономических интересов, привела к институционализации китайского влияния. Южная Азия является наиболее удобным примером, развития и формирования данного процесса. Защита проектов Пояса и Пути становится все более важным фактором участия Китая в

регионе. Несколько китайских военных учений в ИОР открыто ориентированы на защиту этих проектов [206]. Секьюритизация китайских экономических интересов, может привести к тому, что Пекин может стать участником локальных конфликтов, для защиты своих инвестиций в обширном регионе Индийского океана, будь то в Пакистане, Мьянме или Африке. Как Global Times утверждала в связи с Мьянмой: «Китай всегда придерживался принципа невмешательства во внутренние дела других страны, но это не значит, что Пекин может оставаться глухим к требованиям китайских предприятий в защите своих зарубежных инвестиций» [207].

Таким образом, исходя из вышеприведенных комментариев, можно сделать вывод о том, что механизмы секьюритизации национальных интересов, могут проходить в следующем формате:

- полагаться на местные силы безопасности (с обучением и советами китайцев);
- использование частных охранных подрядчиков, где это возможно;
- использование китайских морских пехотинцев и сил специального назначения, где это необходимо.

Присутствие Китая в регионе Индийского океана, привнесла возможность изменить базовую стратегическую географию региона: в долгосрочной перспективе Китай может в некотором роде стать больше похожим на государство-резидент, чем внерегиональный актер. По возможности страна использует свою экономическую мощь для усиления политического и стратегического влияния [208]. По мере того, как Китай преследует эти цели, ВМФ НОАК, вероятно, будет играть ведущую региональную роль среди вооруженных сил Китая. Китай также должен развивать свои возможности дальней и экспедиционной авиации для поддержки военно-морские операции и MOOTW.

Экономические интересы Китая в настоящее время все больше определяются ИПП. Инициатива включает в себя разработку новых наземных путей через Пакистан и Мьянму, которые впервые предоставят существенное прямое сообщение между Китаем и Индийским океаном.

Это в свою очередь усиливает паттерны, китайско-индийского противостояния, которые первоначально сформировались, технически, в 2000-х г., но при Моди-Си они стали стремительно институционализироваться. Как отмечает австралийский эксперт Брюстер Д.: «в основе этого лежит отказ Пекина признать притязания Индии на особые права как ведущей региональной державы. Со своей стороны, Нью-Дели отказывается поддерживать значительную роль Китая в Индийском океане. Регион Индийского океана, стал испытывать процесс секьюритизации в рамках китайско-индийского стратегического противостояния, где «Китай отказывается признавать специальные права Индии на регион Индийского океана» [73, с. 178], таким образом институционализация приводит к оформлению китайско-индийского стратегического соперничества.

Как и во многих других частях мира, в течение нескольких коротких лет Китай стал основным торговым партнером для большинства стран региона.

Торгово-экономических партнеров Китая, можно разделить на две группы: первая группа включает богатые ресурсами страны, включая Австралию, Иран, Оман и Саудовскую Аравию, которые имеют большое положительное сальдо торгового баланса с Китаем. Некоторые, такие как Австралия, стали сильно зависеть от Китая как от клиента, что вызывает опасения по поводу чрезмерной зависимости от китайской экономики [209]. Во второй группе стран, торговля идет в противоположном направлении. Такие страны, как Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Танзания и Джибути имеют значительный торговый дефицит с Китаем. Эти страны столкнулись с трудностью с доступом на китайский рынок со своей продукцией и им также сложно конкурировать с Китаем на других рынках. Хотя такие торговые диспропорции не обязательно проблематичны, они могут обострить двусторонние отношения, даже в случае близкого политического партнера, такого как Пакистан. В любом случае Китай играет все более важную роль в региональной торговле [73, с. 180].

Китайские компании (государственные и частные) являются активными экономическими участниками в РИО. Но, тем не менее, общий размер китайских инвестиций, однако, не следует переоценивать: хотя они и растут, превышают 10% от общего объема иностранных инвестиций в нескольких странах, таких как Эритрея, Кения, Маврикий, Мьянма и Пакистан китайские инвестиции играют важную роль в экономиках этих стран. Во многих странах прямые китайские инвестиции были сосредоточены на инфраструктуре и ресурсах, а не на производстве, что в значительной степени отражает плохое состояние инфраструктуры в регионе и необходимость модернизации транспортно-логистической инфраструктуры. По мере улучшения базовой инфраструктуры может увеличить китайские инвестиции в производственный сектор, в том числе в развитие производства и цепочек добавленной стоимости, которые соединяют РИО с Китаем [73, с. 180].

Потенциальное стратегическое влияние BRI наиболее очевидно в Пакистане и Мьянма, где Китай фактически прокладывает новые коридоры через эти страны к Индийскому океану. В Пакистане Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС) стал флагманским проектом всей инициативы. СРЕС включает в себя строительство ряда дорог, железных дорог и трубопроводов между автономным районом Синьцзяна, через гору Каракорум, в новый портовый город в Гвадаре на Индийском океане. Масштабы китайских инвестиций в СРЕС, которая, как утверждается, составляет более 60 миллиардов долларов [210].

Еще одно связанное и мало обсуждаемое геостратегическое последствие ИПП, экономическая экспансия Китая в РИО — это его демографическое влияние. По одной из оценок, может быть более 1 миллиона недавних китайцев. экономических мигрантов в Африке [211]. Точно так же около 250 000 граждан Китая прибывают в Пакистан каждый год, многие из них связаны с СРЕС. Эти ожидания, что их число значительно возрастет в Пакистане и других странах, в связи со строительством и эксплуатацией различных проектов BRI [210].

2.4 Формирование экономического пояса «Север-Юг», как пример институционализации китайского влияния

Срединный путь, или, другими словами, Евразийский мост, в рамках Пояса и Пути, занимает важное стратегическое положение в рамках реализации данной транспортно-логистической стратегии. Первоначально, глава КНР – Си Цзиньпин, еще в 2013 г., в Астане объявил о развитии Евразийского моста, в рамках ИПП. На данный момент, Срединный путь или мост, занимает одно из центральных положений в рамках реализации ИПП.

Стало очевидным то, что к началу 2020-х гг., Срединный путь, стал одним из значимых механизмов системы региональной безопасности в Центральной Азии. Роль и значимость геоэкономического компонента, в плане безопасности Центральной Азии, значительным образом возросла, и стала одним из механизмов секьюритизации и институционализации китайского влияния.

В целом, китайскую стратегию и политику по Центральной Азии, можно условно разделить на три базовых этапа:

Первый этап, это период конца 1990-х и начала 2000-х гг. В данном случае, целью и задачей китайской дипломатии выступал фактор легитимизации китайского присутствия в регионе. Второй этап приходится на первую половину 2000-х гг., в данном случае, важную роль в определении региональной безопасности, играет роль борьба с терроризмом и баланс сил. И затем третий период, приходится на вторую половину 2000-х и начала 2020-х гг. Данный период характеризуется нарастанием китайско-индийского стратегического противостояния, а также началом процесса институционализации китайского влияния в регионе.

Развитие Инициативы Пояса и Пути, приводит к формированию геоэкономических паттернов, и их возросшей роли в механизмах региональной безопасности. Другой значимый фактор, это возросшая роль Южной Азии. Южная Азия и Центральная Азия, воспринимаются как два отдельных региональных комплекса безопасности. Центральноазиатский комплекс безопасности характеризуется его присутствием в постсоветском кластере безопасности, а Южной Азии, в обширном регионе Индийского океана. Но, ситуация начинает меняться к началу 2020-х гг. В данном случае, учащаются политические контакты между Пакистаном и странами Центральной Азией. Пакистан всегда был традиционным союзником Китая, в Южной Азии. Хотя, Пакистан и Центральную Азию объединяет дружеское отношение к Китаю, тем не менее, оба региона, если рассматривать Пакистан в качестве Южной Азии, не обладали серьезным стратегическим взаимодействием. Китайское институциональное строительство, напротив, приводит к формированию новых институциональных паттернов, которые способствуют развитию данных связей.

Третий этап, это период начала 2010-х гг. и в постковидный период. Данный период характеризуется уже более динамичной институционализацией китайского влияния. Хотя, в центральноазиатской и российской политико-академической литературе и принята формула, согласно которой Китай отвечает за экономику, а Россия за безопасность (211), уже более не отвечает

стратегическим реалиям. Путем расширения своего экономического присутствия, а затем уже форматом институционального взаимодействия, Китай укрепил свое влияние в регионе. Если в период 2010-х гг., весьма актуальной темой было развитие Срединного/Евразийского пути, то уже в постковидный период, вырисовываются перспективы формирования геоэкономического пояса «Север-Юг».

В целом, развитие Срединного пояса, в рамках геоэкономического проекта Пояса и Пути, можно сравнить с процессом институционализации китайского влияния в Южной Азии, а именно с перспективой обеспечения безопасности китайских МЛК (морские линии коммуникаций, англ. SLOC – Sea Lines of Communications). Первоначально для КНР возникла необходимость в обеспечении безопасности поставляемых ресурсов из стран Африки и Ближнего Востока, что привело к формированию Малаккской дилеммы [83]. В данном случае, можно говорить о том, что Китай начал развивать сеть портов, которые входят в стратегическую цепочку в рамках Индийского океана, куда входят Мьянма, Бангладеш, Шри-Ланка, Пакистан [85, с. 99], и уже, можно отметить и Иран. Экономическое развитие, создало базу для дальнейшей институционализации китайского влияния в регионе.

Таким образом, между Центральной и Южной Азией вырисовывается определенное сходство, а именно в рамках институционализации китайского влияния. В Южной Азии, помимо прямого военно-политического фактора в рамках треугольника Пакистан-Индия-Китай, существует и влияние Китая в странах с экономическими точками воздействия (choke-points). Центральная Азия испытывает аналогичные изменения, которые имели место быть и в Южной Азии, но лишь с той разницей в том, что геополитическое взаимодействие между Москвой и Пекином не носит конфронтационного характера. Самаркандский саммит ШОС, а также саммит в Сиане в мае 2023 г., отобразил формирование новых трендов безопасности, где Китай посредством геоэкономических рычагов воздействует на формирование региональной архитектуры безопасности.

Геоэкономической особенностью китайской стратегии в Центральной Азии, стало то, что посредством реализации транспортно-логистических проектов, Китай «находит» институциональную, и даже можно сказать юридическую лазейку для реализации остальных экономических проектов в рамках Пояса и Пути. Как отмечалось выше, периоды китайского влияния в Центральной Азии, можно разделить условно на три уровня, где второй период характеризуется усилением экономического присутствия Китая в регионе, а третий период уже определяется усилением процесса институционализации. В данном случае, можно отметить то, что период усиления китайского макроэкономического присутствия пришелся на 2000-е и 2010-х гг. В данный временной отрезок, были заключены соглашения на развитие и разработку энергоресурсов, а также строительство газовых хабов, таких как Западный Казахстан и Западный Китай. Помимо прочего, Китай стал ведущим торгово-экономическим партнером стран региона в середине 2000-х гг., и на данный момент, для таких стран как Казахстан и Узбекистан, Китай занимает 30% среди

ведущих торговых партнеров. Для таких стран как Кыргызстан и Таджикистан, Китай уже занимает 70% [212-214] в рамках внешнеторгового оборота, что поднимает такие темы, как зависимость от Китая.

Таким образом, можно идентифицировать три подхода или процесса, которые сформировались в последний период:

- Первый, это усиление микроэкономической составляющей в системе торгово-экономических отношений между ЦА и Китаем;
- Второе, это новый виток развития транспортно-логистической инфраструктуры, а именно запуск ж/д Китай-Кыргызстан-Узбекистан;
- Третье, это формирование новой архитектуры системы региональной безопасности, основанной на геэкономических механизмах.

Первый фактор, это смена экономических парадигм. Психологически, конечно, может показаться то, что формат макроэкономических отношений является ведущим элементом в рамках общего экономического взаимодействия, так и формата стратегического партнерства. Но, особенностью формата экономических отношений между Китаем и странами ЦА, стало то, что с постковидного периода и российско-украинской войны, идет усиление в области микроэкономического сотрудничества. Как отмечалось выше, усиление макроэкономического показателя, произошло в период 2000-х и 2010-х гг. На данный момент, с периода Самаркандского саммита ШОС и саммита в Сиане, идет процесс усиления микроэкономического сотрудничества. И саммит в Сиане, обозначил новые тенденции, при котором произойдет усиление уже микроэкономического компонента, в рамках торговых отношений между Китаем и странами ЦА.

Развитие экономического пояса Север-Юг, в контексте геополитики, можно рассматривать, как и в геополитических, так и в технико-экономических рамках. Геополитически, это выражается в контексте войны 2022 г. После окончания холодной войны, основным приоритетом российской внешней и стратегической политики выступал Запад. Несмотря на общественный антиамериканизм как систему религиозных ценностей, тем не менее, основные и базовые паттерны безопасности России, были ориентированы на Запад. Это выражалось в таких областях, как энергетическое сотрудничество и контроль над вооружениями. Данные паттерны, составили основу в рамках более широкого взаимодействия России с Западом. Но, события 2022 г., ключевым образом изменили ситуацию. Ввод санкций против РФ, сыграл важную роль в ее стратегическом развороте в Азию, и развитие экономического пояса Север-Юг, является выражением данного геостратегического сдвига.

Вообще, формирование новых экономических поясов, можно рассмотреть через призму, адаптации экономики РФ к Азии. В данном случае, экономический пояс Север-Юг, нельзя рассматривать как единственный транспортно-логистический путь. Он, имеет два ответвления, первый, это иранский путь, второй, это пакистанский. Иранское направление более «независимо», и включает в себя присутствие таких стран как Армения, Иран и Россия. Главная роль принадлежит порту «Чабахар» и «Бандер-Аббас» [215]. Другое направление,

это СРЕС. СРЕС, первоначально задумывался как транспортно-логистический проект, который должен был связать китайские коммуникации из Африки в сам Китай. Реализация проекта СРЕС, стало ключевым моментом в китайской стратегии обеспечения «секьюритизации» национальных экономических интересов КНР [76, с. 21]. Особенностью СРЕС выступает то, что первоначально он задумывался для поддержания «секьюритизации» китайских линий коммуникаций, которые соединяли порт Гвадар с южной частью Синьцзяна, и далее шли во внутрь Китая [74, с. 110].

В этом случае, развитие и становление СРЕС, можно оценить в два периода. Первый период, с 2015 по 2024/25 гг., это время, когда данный транспортно-логистический коридор был ориентирован на Китай и Пакистан [216]. Второй период, начинается с конца 2010-х гг. Актуальность данного события, заключается в расширении пакистанско-центральноазиатских контактов. В данном случае, СРЕС перестает быть исключительно китайско-пакистанским проектом, и он начинает включать в себя азиатские страны постсоветского пространства. Показательным событием выступает расширение контактов Пакистана со странами региона ЦА и Россией. Немаловажную роль в данном случае, играет уход НАТО из Афганистана, что фактически препятствовало усилению китайского влияния в регионе. После возвращения власти движения «Талибан», его соседи увидели, что у нового политического руководства нет каких-либо экспансионистских намерений, а восприятие движения, базируется на устаревших стереотипах. Таким образом, Афганистан занимает важную позицию, в реализации экономического проекта Север-Юг, где часть проектов называются «транс-афганскими». Единственной проблемой выступает формат политических отношений, между Афганистаном и Пакистаном, где силовой фактор, все еще играет ключевую роль.

Стоит также вкратце подчеркнуть роль и дипломатию Китая в Афганистане. КНР поддерживает дипломатические подходы к решению афганской проблемы и стабилизации страны. В данном случае, важную роль играют два подхода. Первый, это дипломатический, в рамках четырехсторонней встречи глав МИДа Китая, России, Ирана и Пакистана, по стабилизации ситуации в Афганистане. Второе, это меры геэкономического воздействия, в виде будущих инвестиционных проектов [38].

Новый формат СРЕС, должен связать Центральную Азию с Индийским океаном, и сформировать новый формат экономических связей. В чем ключевая особенность китайского институционального строительства? Регионализация стала одним из основных моментов или особенностей глобализации. Развитие формата экономических отношений, выступает важным и стратегическим моментом регионализации. Можно рассмотреть экономические отношения, в контексте ТКРБ. К примеру, Центральная Азия входит в постсоветский макрорегиональный кластер безопасности, и соответственно, экономические связи будут ориентированы на Россию, это естественное продолжение связей, которые сложились в советский период. Пакистан, связан со странами Индийского океана, и естественный процесс регионализации экономических

отношений Пакистана выступает бывшая Британская империя и регион Индийского океана. Особенностью китайского институционального строительства выступает то, что он формирует новые паттерны геоэкономического взаимодействия. У иранской части Севера-Юга нет таких оснований, т.к. реализация проекта носит чисто коммерческий характер, у пакистанской части, присутствует политическая часть, т.к. он направлен еще на институциональные основы.

Подтверждением развития данного процесса, является официальный визит премьер-министра Пакистана Шахбоза Шарифа в Таджикистан в конце июля 2024 г., где было подписано 9 новых документов, венцом которых является Соглашение о стратегическом партнёрстве между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Пакистан. Важным моментом выступает развитие транспортно-логистических связей между странами региона.

Таким образом, в таджикско-пакистанских межгосударственных отношениях открывается новая страница. Данные соглашения создадут условия для реализации новых проектов, в том числе в транспортной сфере, что содействует соединению Центральной Азии с Южной Азией.

На данный момент, с пост-ковидного периода формируется новая геоэкономическая тенденция, или процесс, геоэкономический пояс «Север-Юг». Помимо прочего, в данном отношении, сыграло немаловажную роль смена геополитической конфигурации с Ираном. Раньше, в период 2000-х гг., Китай и Россия остерегались приглашать Иран в какие-либо региональные объединения, но со сменой глобальных геополитических конфигурации, усиления китайско-американского стратегического соперничества, а также российско-украинской войны, все это привело к сближению Ирана в его российских и китайских проектах. Так, за последнее время усилилось китайско-иранское сотрудничество. Учитывая географический фактор Ирана и его близость с Пакистаном, а также одновременно его и континентальную, а также океаническую идентичность, то это делает Иран важным партнером для Китая и участником в плане реализации Пояса и Пути [216]. Если раньше, в период 2010-х гг., только Пакистан занимал центральное положение в рамках реализации СПЕС, взаимосвязи между Южной и Центральной Азией* (и то, в данном отношении, стоит рассматривать регион Центральной Азии не как целый, а в виде СУАР), то на данный момент, Иран завершает логическое объединение данного процесса, который сумеет объединить Южную и Центральную Азию.

Другой фактор, который обращает на себя внимание, это геостратегическое положение Узбекистана, как стратегического хаба региона. Географической, и соответственно стратегической особенностью Узбекистана стало то, что страна играет как важную роль, так и в плане реализации проекта «Восток-Запад», т.е. Срединного пути, так и «Север-Юг». На этом фоне, вполне логична активизация в рамках региональных объединений: 1 ноября 2023 года в Ташкенте состоялся Первый Транспортный форум государств-членов ШОС. Форум собрал представителей девяти государств-членов ШОС. На пленарном заседании прозвучали содержательные выступления таких ключевых фигур, как министр

транспорта Узбекистана Ильхом Махкамов, заместитель генерального секретаря ШОС Сохаил Хан и другие известные делегаты. Обсуждения варьировались от изучения потенциала развития секторов транспорта и логистики до перспектив цифровизации и реализации инфраструктурных проектов для устойчивого экономического роста [56].

Заместитель министра транспорта Казахстана Талгат Ластаев сообщил, что на полях форума был подписан меморандум. Меморандум предусматривает создание транспортного коридора Беларусь-Россия-Казахстан-Узбекистан-Афганистан-Пакистан. Казахстан, Россия, Узбекистан и Пакистан — основные члены ШОС — являются неотъемлемой частью этой инициативы. Афганистан и Беларусь, хотя и имеют статус наблюдателей, являются ключевыми игроками в этом коридоре. Беларусь станет полноправным членом в 2024 году [56].

В данном случае, как и с Ираном, стоит учитывать фактор баланса сил. Хотя с теоретической точки зрения, институты в меньшей степени напоминают действия баланса сил, но тем не менее последняя конфигурация, которая имело место быть, привела к данным изменениям. Здесь, можно учитывать два фактора. Первый, это политический режим в Беларуси. Хотя, Лукашенко до начала российско-украинской войны, умело лавировал между Кремлем и Западом, тем не менее, протесты 2020 г., а также война 2022 г., привели его к необходимости принятия принципиального решения, т.е. сближения с Москвой. Второе, это ситуация с Афганистаном. Присутствие НАТО в Афганистане, в некоторой степени мешало реализации китайским инициативам. Тем не менее, учитывая уровень и степень влияния Пакистана в Афганистане, а также учета природы китайско-пакистанских отношений, будет играть положительную роль для реализации геоэкономического проекта «Север-Юг».

Создание данного коридора будет способствовать, развитию новых, а также геоэкономических механизмов безопасности. Как указывает пакистанский эксперт Джаваид Ф.: «предыдущие соглашения между Пакистаном и государствами Центральной Азии столкнулись с проблемами из-за неблагоприятных условий в Афганистане. Однако с включением России и Беларуси появилась новая перспектива, особенно после войны на Украине, поскольку Россия ищет новые торговые пути в обход санкций. Россияне также ищут доступ к теплой воде. Географически этот регион был связан старым шелковым путем» [217-219]. Так, на предыдущем форуме Пояса и Пути, в Пекине, наблюдалось значительное сближение между Пакистаном и азиатскими странами постсоветского пространства. Это, в любом случае, свидетельствует об уровне институционализации отношений. Стабилизация ситуации в Афганистане, будет однозначно способствовать развитию институционализации отношений.

Далее, процесс институционализации должен будет запустить развитие нового формата экономических отношений. Как отмечают эксперты из Совета по международным отношениям, развитие континентальных транспортно-логистических путей, должно будет привести к реструктуризации мировой экономики [153, с. 105], что самое интересное это подтверждается мнением

региональных экспертов из Центральной Азии [220]. До периода 2010-х гг., мировая торговля преимущественно осуществлялась через морские линии коммуникаций, но новый виток институционализации отношений, должен привести к формированию новых форматов экономического взаимодействия внутри евразийских континентальных держав.

Необходимо подчеркнуть все возрастающую стратегическую роль Узбекистана. Если раньше основу реализации ИПП в ЦА, составлял Казахстан, то сейчас, важную роль стали играть южные страны ЦА региона, в частности Узбекистан. Так, основу китайско-узбекских отношений составляет Договор между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой «О дружбе и сотрудничестве», от 9 сентября 2013 г. [16]. Но, с момента возрастания стратегической значимости региона, а также активизации двухстороннего сотрудничества, то это будет иметь далекоидущие последствия для трансформации региона.

Также для аналогии, можно привести слова узбекского эксперта Улугбека Хасанова, где он отмечает те последние тенденции: «в региональных процессах создаётся совершенно новая призма взаимосвязей, главной целью которой становится создание атмосферы доверия, взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества с традиционными партнёрами как на всём евразийском пространстве, так и непосредственно в Центрально-Азиатском регионе». Как было отмечено выше, Узбекистан занимает геостратегическое положение между Севером и Югом, что повышает его значимость в рамках нового формируемого геоэкономического порядка: «Узбекистан, как и многие его партнёры по Центрально-Азиатскому региону, заинтересован в дальнейшем расширении сотрудничества с разными партнёрами и экономическими группами, в том числе и со странами Южной Азии. Это позволяет совместно разрабатывать проекты продовольственной и агропромышленной кооперации, обновлять и наращивать технологический потенциал на высоком уровне. Выбор торговых партнёров теперь основывается на предлагаемых возможностях и жизнеспособности бизнеса. В настоящее время регион Центральной Азии представляет собой скорее политическую группу, которая сближает интересы государств. Её вполне можно называть и экономическим сообществом».

Также Хасанов У. отмечает рост стратегического взаимодействия между Индией и странами Центральной Азии, как одного из центральных и значимых элементов, в стратегическом взаимодействии, между «Севером и Югом». Но, тем не менее, принимая во внимание природу китайско-индийских отношений, среди которых на данный момент доминируют конфронтационные тенденции, то Индию нельзя считать полноценным участником геоэкономического проекта «Север-Юг». В данном отношении важную роль также играет фактор баланса сил. Индия в своей внешней политике умело балансирует между Россией и Западом, в то время как фактор китайско-индийского противостояния стал центральным элементом в системе безопасности в Южной Азии [86].

Таким образом, учитывая то, что процесс институционализации китайского влияния в регионе формируется в рамках смены баланса сил, то

можно предположить, что реализация проекта «Север-Юг», в значительных масштабах имеет геополитические предпосылки. Как правило, Индия стала членом QUAD, антикитайского объединения, в рамках доктрины ИТР, призванной сдерживать Китай. Учитывая тот факт, то, что институционализация китайского влияния в Евразии, стала возможной благодаря смене баланса сил, то в данном случае, скорее всего, логика реализации геоэкономического проекта «Север-Юг», будет происходить в условиях конфронтации с Индией, открыто со стороны Китая, и скрытно, со стороны стран, находящихся под влиянием Китая.

Особенностью геоэкономических механизмов Китая стало то, что посредством рычагов экономического воздействия, Пекин может формировать внешнеполитическую повестку стран-сателлитов КНР. Данный механизм был хорошо описан в книге «Война иными средствами» Блэквилла и Харрис, где логика экономики приводит к логике геополитики. Поэтому, развитие полноценных индийско-центральноазиатских экономических отношений, будет зависеть от динамики китайско-индийского противостояния.

Также автор подчеркивает важность реализации новых геоэкономических проектов: «Всё это подталкивает страны Центральной Азии к переоценке экономического, дипломатического и транспортного потенциала всего региона. Индия могла бы присоединиться к узбекско-азербайджанскому проекту «Южный Кавказ – Зангезурский коридор – Центральная Азия», который задействовал бы возможности иранского порта Чахбехар. Также она могла бы стать активной стороной проекта Трансафганского коридора, участвуя в его реализации вместе с Узбекистаном. Проект Трансафганского коридора «Мазари-Шариф – Пешавар», который откроет новое будущее для Центральной и Южной Азии, заслуживает обсуждения. Строительство железной дороги Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар не только создаст новый, более короткий маршрут к прибыльным рынкам Южной Азии, но и поможет установить мир в Афганистане. Проект уже был поддержан многими региональными и нерегиональными странами. Ведущие международные финансовые институты выразили свою заинтересованность в финансировании строительства железной дороги. При таком сценарии вопрос об источнике финансирования не будет непреодолимой проблемой. В то же время участие Индии могло бы способствовать достижению общих целей по созданию новой бизнес-среды в регионе» [86]. Но, в данном случае также включается фактор геополитики, а именно, насколько данные проекты зависимы от Китая и его уровня геополитического влияния? С учетом влияния китайских инвестиций на регион, то, возникает вопрос, насколько Пекин будет заинтересован во вхождении Дели в участия в данных проектах. Также возникает вопрос и экономического плана, с политическими последствиями, а именно вопрос инвестиций. Как указывают ряд местных экспертов, при выборе реализации экономических проектов, Дели считает и учитывает целый ряд средств, в то время как инвестиционная политика КНР носит более «щедрый» характер.

Конфликт в Украине оказал негативное воздействие на функциональность Северного маршрута Пояса и Пути [221]. Проект Нового евразийского сухопутного моста, связующего Россию, Украину, Польшу и Беларусь был

остановлен. В данных условиях возникли стратегические перспективы для Срединного пути, или Транскаспийского международного транспортного маршрута, которых проходит из Китая через южный фланк ЦА, и через Каспии в Азербайджан и Грузию, и далее в европейские страны. По этой причине в марте 2022 г. Грузия, Азербайджан, Турция и Казахстан выступили с четырёхсторонним заявлением о необходимости развития Транскаспийского международного транспортного коридора. В связи с этим они значительно расширили транзитные и логистические отношения с Китаем. В частности, 31 июля 2023 г. Китай и Грузия повысили уровень своих двусторонних отношений до стратегического партнёрства. Стороны договорились усилить координацию и сотрудничество по глобальным проектам Китая – «Пояс и путь» и «Глобальная безопасность». Поэтому первым важным результатом III Форума международного сотрудничества можно назвать развитие Среднего коридора. Он укрепит Евразийский сухопутный мост, самый быстрый путь из Китая в Европу, протянувшийся из провинции Синьцзян в Западном Китае через Казахстан в Азербайджан, Грузию и в Турцию в Европейский Союз.

Также помимо геополитического фактора, влияния российско-западного противостояния на функциональность Пояса и Пути, немаловажную роль сыграло и распределение инвестиций Пекином. Председатель КНР Си Цзиньпин упомянул на форуме, что Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая предоставят финансирование на сумму 350 миллиардов юаней каждый. Дополнительные 80 миллиардов юаней будут вложены в Фонд шёлкового пути. Си Цзиньпин предполагает, что в ближайшие пять лет (2024–2028 годы) общий объём торговли Китая товарами и услугами превысит 32 триллиона долларов США и 5 триллионов долларов США соответственно [57]. Основываясь на предложенных им восьми шагах, можно ожидать, что часть этих огромных инвестиций в Евразию будет направлена на «создание пилотных зон для сотрудничества в области электронной коммерции Шёлкового пути», «продвижение высоких стандартов открытости», трансграничная торговля услугами, продвижение как знаковых проектов, «небольших, но умных» программ обеспечения средств к существованию, а также на «углубление сотрудничества в области зелёной инфраструктуры, зелёной энергетики и экологически чистого транспорта».

Таким образом, мы можем выделить три основных пути в рамках Пояса и Пути:

Первый, это Северный путь, но его функциональность в последнее время, и на краткосрочную и долгосрочные перспективы будет под вопросом. Конечно, сложно предсказать каким образом будут развиваться события в России, и в общем в стратегическом ключе, в рамках развития российско-западных отношений. В случае гипотетической победы «цветной революции» и начала культурно-цивилизационного разворота России на Запад, то это значительным образом ударит по китайским инициативам.

Второе, это Срединный путь. В данном случае, российско-украинская война открыла для Китая окно стратегических возможностей. Уровень и степень

институционализации китайского влияния в Центральной Азии, можно разделить на два этапа: первый, это 2010-е гг., и второе, это 2020-е гг. В данном случае, Пекин посредством реализации торгово-экономической политики, а также внедрения ряда дипломатических инициатив намерен усилить свое влияние в регионе. Последствия для стран региона, также, как и в случае Москвы будут иметь, как и положительные, так и негативные аспекты. С одной стороны, реализация Пояса и Пути сможет обогатить страны региона, особенно Узбекистан и Казахстан, но с другой стороны, это поставит их в зависимость от Пекина. В любом случае, усиление китайского влияния в регионе, и принятие процессом институционализации китайского влияния, будут способствовать также распаду европо-центрических паттернов безопасности.

Третье, это Морской шелковый пояс. Морской шелковый пояс охватывает регион Южной Азии. Актуальность Морского шелкового пути, заключается в двух ключах: первое, это влияние стратегического треугольника Пакистан-Индия-Китай, который только актуализируется в контексте современного противостояния, и второе, это создание нового транспортного хаба в рамках геоэкономического проекта «Север-Юг». В данном случае, можно говорить о том, что логистическая значимость Пакистана подкрепляется Ираном, в плане создания новых путей сообщения. Подключение Ирана в Западной Азии, в рамках более развернутых экономических проектов играет на руку Пекину, и только укрепляет его институционально-гегемонистское строительство. В силу географического расположения, Иран играет важную роль, как и в плане функциональности Срединного пути, так и в плане Морского шелкового пояса. Возможно, в силу географической удаленности, как и в случае с Пакистаном, Иран выигрывает от усиления сотрудничества с Китаем. В данном случае, участие Ирана в Поясе и Пути, будет способствовать экономическому процветанию Ирана, но в тоже время, это косвенно будет способствовать стабилизации Ближнего Востока, т.к. Китай не будет заинтересован в опасных тенденциях, которые смогут подорвать его имперско-институциональное строительство.

Как вывод, можно отметить то, что на краткосрочную и среднесрочные перспективы, Пекин будет инвестировать значительные средства на Срединный пути и Морской шелковый путь. Реализация основных проектов в рамках Северного пути, скорее всего будет ограничена преимущественно реализацией арктических проектов.

В любом случае, мы наблюдаем то, что процесс институционализации китайского влияния, был вызван сменой или формированием новой динамики безопасности. В Центральной Азии, на это повлияла российско-украинская война, что привело в некоторой степени к «легитимизации» китайского влияния, а также новому этапу институционализации. В случае с Ближним Востоком, случай с Ираном, вызванный усилением российско-западного, а также китайско-американского стратегического соперничества. Иран занимает важное геостратегическое положение, как и в плане реализации Срединного коридора, так и Морского шелкового пути.

Вывод по разделу 2

Как вывод, можно отметить, что институционализация китайского влияния, преимущественно происходит в Африке и в Евразии. Как показывает случай со странами Индо-Тихоокеанского макрорегионального комплекса безопасности, институционализация китайского влияния наиболее сильна в Юго-Восточной Азии, и в Южной Азии. Геоэкономика составляет основу национальной мощи Китая, и в условиях глобализации, геоэкономика является инструментом достижения поставленных внешнеполитических целей и задач.

Особенностью китайской геоэкономики в регионе Восточной Азии, в рамках стратегического взаимодействия с Японией, Тайванем, Южной Кореей, является то, что геоэкономика выступает или является частью общей дипломатической стратегии. Также данные страны вполне самодостаточны в экономическом, военном и в стратегических значениях, что позволяет им сохранять высокий уровень самодостаточности и независимости. В данном случае, уровень институционализации китайского влияния будет низким, к тому же принимая во внимание непростые исторические отношения Японии и Китая, Япония не согласится быть в сфере китайского влияния, т.е. Китай не может быть воспринят как положительная держава. И в силу того, что США со времен холодной войны, уже значительным образом нарастили свое влияние, в рамках стратегии «сдерживания», его политических, экономических и иных последствий, Восточная Азия входит в американскую орбиту влияния (ссылка). Т.е. Китай несмотря на статус регионального резидента, ему будет сложно социализировать свою идеологическую модель и установки, в программе максимум. То же самое можно сказать и в отношении Южной Кореи и Тайваня.

В рамках стран Юго-Восточной Азии, ситуация уже чуть более благоприятная для Китая. В данном случае, проблематика лежит в плоскости доминирования аспектов военного и военно-политического характера в Южно-Китайском море. Американские эксперты указывают на китайскую стратегию A2/AD. Так, в 2019 г., США вышли из ДРСМД, тем самым освободив себе руки, в модернизации ракет меньшей и средней дальности наземного базирования. Но, как отмечают эксперты, решение США выйти из ДРСМД, а также установить данные средства на территории союзников (Япония, Южная Корея) и/или стратегических партнеров (Вьетнам, Филиппины), не привели к успеху. Китай вполне искусно использует средства геоэкономического воздействия на страны региона, что не позволяет странам региона напрямую балансировать против Китая, тем самым создавая условия стратегической неопределенности. Китай в геоэкономическом отношении обладает широким набором геоэкономического потенциала, и здесь, в Юго-Восточной Азии, проблема и перспективы китайской геоэкономической стратегии лежат, как и в дипломатической, так и в институциональной плоскостях.

Регион Южной Азии, как западный сектор Индо-Тихоокеанского макрорегионального комплекса безопасности выступает классическим примером институционализации китайского влияния. Геополитической особенностью региона является то, что в нем также присутствует дилемма

безопасности, но в отношении трех крупных государств региона Индия-Пакистан-Китай. Особенностью секьюритизации региона стало то, что традиционное индо-пакистанское противостояние стало замещаться нарастающими паттернами китайско-индийского стратегического соперничества, как с Юга, Индийский океан, так и с севера, Тибет. Китай, благодаря своему экономическому росту, в течении полтора десятилетия наладил систему SLOC, поставляя ресурсы из Африки в Китай по Малаккскому проливу, параллельно наращивая политические и экономические контакты со странами региона, в поясе «Жемчужиной нити». Затем, секьюритизация экономических интересов, привела к институционализации китайского влияния в регионе, на стратегическом уровне. К примеру, порт в Хамбантоте, в Шри-Ланке, способен принимать китайские АПЛ, что уже стало инструментом китайской дипломатии в индийско-китайских стратегических отношениях. Логика геоэкономики диктует то, что нарастание экономического влияния, ведет к формированию спектра политических отношений.

Геоэкономике нельзя отнести к полноценному неолиберализму и его базовым идейным паттернам, т.к. геоэкономика это продукт в большей степени, автократических политических систем, т.к. теория демократического мира, а также теория гегемонистской стабильности утверждает, что США единственный гегемон, и вопросы безопасности генерируются только государством-гегемоном. В данном случае, можно привести идею из доклада «Атлантического совета», которая утверждает, что Китай формирует альтернативный миропорядок. Мы видим, что внешние механизмы, такие как геополитика, геоэкономика значительным образом эволюционировали в условиях постбиполярного миропорядка, т.к. спектр вопросов мягкой безопасности доминирует над спектром безопасности жесткого плана. Но, сам основной механизм или идея, формирования альтернативного США миропорядка сохранилась. Проблемой советской глобальной стратегии было то, что Советский Союз, как международный актер, не генерировал международное развитие, в силу замкнутости политической системы и автократической модели экономики. Единственный базовый механизм у Советского Союза было ядерное оружие и вопросы безопасности. Китай, напротив, хотя и является государством, политическую систему, которой можно охарактеризовать как автократию КПК, но, Китай активно пользуется глобализацией. Китай активно использовал свое членство в ВТО для поддержки экономического развития, а также сам активно использует формат неолиберальных институтов, для укрепления своего политического влияния.

Таким образом, можно подытожить, что институционализация китайского влияния происходит в три этапа, в рамках Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности. В Восточной Азии, китайская геоэкономическая стратегия необходима для защиты национальных интересов, и геоэкономика это часть дипломатии. Уровень институционализации весьма низкий. В странах Юго-Восточной Азии, в силу наличия спектра вопросов военно-политического плана, но в силу экономического потенциала, уровень институционализации выше. Для

Вьетнама и Филиппин, Китай выступает как противник, но экономическое сотрудничество выступает неотъемлемым элементом общего экономического развития и процветания.

В Южной Азии, за исключением с ситуацией в треугольнике Индия-Пакистан-Китай, уровень институционализации выше, и Китай выступает как ведущий торгово-экономический партнер, от которого зависит уровень экономического благосостояния наций, которые входят в китайский Морской Шелковый Путь. В данном случае, фактор дилеммы безопасности отсутствует, что положительно влияет на восприятие Китая странами региона. Поэтому, уровень институционализации китайского влияния в регионе Индийского океана выше.

Таким образом, геоэкономика выступает в качестве основного инструмента внешней политики КНР. В данном случае, геоэкономика как инструмент обладает различной функциональностью в зависимости от региона мира. В Восточной Азии, геоэкономика выступает в качестве средства политико-дипломатического давления, к примеру, спорные вопросы с Японией. В Юго-Восточной Азии, в силу специфики отношений, между Китаем и странами региона, геоэкономика выступает и как средство давления, в конфликтных моментах, и как средство институционального строительства в Юго-Восточной Азии. В Южной Азии, учитывая низкий уровень конфликтной составляющей в китайско-южноазиатских отношениях, за исключением Индии, то в данном случае геоэкономика выступает в качестве средства политико-экономической институционализации. Южная Азия выступает в качестве классического примера институционализации китайского влияния, т.к. она началась еще в период 1990-х гг., в связи с развитием системы морских линий коммуникаций. В данном случае, напрашивается параллель с Центральной Азией, где аналогично, развитие транспортно-логистических коммуникаций, привело к формированию новых паттернов безопасности и геополитики.

3 ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ЦА В НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЯХ

3.1 ШОС в процессе секьюритизации и институционализации китайского влияния

ШОС, как организация переживала длительный и сложный период эволюции, который в общем можно разделить на четыре основных этапа: первый период, это существование в виде режима. На тот момент, актуальной повесткой регионального сотрудничества было разрешение территориальных споров, демаркация и делимитация границ. Затем, второй период в истории ШОС, начинается с начала 2000-х гг., в виде борьбы с терроризмом и баланса сил. В первой половине 2000-х гг., актуализируются вопросы борьбы с терроризмом, который стал важным элементом в системе региональной безопасности. Также, наступательная политика Буша-мл. также сыграла немаловажную роль, в формировании регионального баланса сил. Затем, третий период ШОС, начинается во второй половине 2000-х гг. В данном случае, происходит усиление китайско-индийского стратегического соперничества. В рамках ШОС, это выделяется в вступлении Индии и Пакистана в качестве полноправных членов организации в 2017 г. После, к концу 2010-х гг., и в постковидный период, происходит глобальное смещение баланса сил, что оказывает прямое воздействие на институционализацию китайского влияния в регионе ЦА.

Региональный режим по разрешению трансграничных проблем и первоначальный этап институционализации. Здесь, стоит отметить следующие этапы, которые оказали существенное воздействие на эволюцию ШОС. К началу XXI столетия, произошел подъем азиатских гигантов, Китая и Индии, что, безусловно, привело к генерации новых паттернов безопасности. Китай и Индия, до этого, еще в период холодной войны, обладали напряженными отношениями, и точки конфликта существовали на тот период, война 1962 г. и столкновения на границе в 1987 г. Но, тогда, общий глобальный геополитический тон определялся динамикой биполярного противостояния СССР и США. На данный момент, уже Азия как геополитический субъект генерирует основные тренды и паттерны безопасности.

Развитие и формирование ШОС, следует рассматривать в контексте главных геополитических изменений с периода после окончания холодной войны, и смены стратегического ландшафта в Евразии. Во время холодной войны, главная угроза геополитической безопасности Китая исходила из северного направления, Советского Союза. После распада биполярной системы, приоритеты безопасности существенным образом трансформировались. В новых стратегических условиях, перед Китаем возникли следующие задачи: вернуть Тайвань, поддерживать суверенитет над Тибетом и Синьцзяном, а также поддерживать сохранению суверенитета в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [5, с.155; 56, с. 35]. Смещение основных акцентов безопасности в районе Восточной и Юго-Восточной Азии, потребовало от китайской дипломатии сохранения стратегического тыла, который необходим для

достижения вышеотмеченных целей. В данном случае, как отмечает казахстанский эксперт Лаумулин М.: «Политика КНР в Центральной Азии является составной частью стратегии Китая в Евразии, которая охватывает такие сферы как китайско-российские отношения; собственно отношения Китая со странами Центральной Азии; энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии, участие Пекина в ШОС, проблемы безопасности и борьбы с терроризмом» [5, с. 156].

Это требовало от Пекина выработки определенной политики, которая охватывала бы ряд национальных интересов Китая, в плане поддержания его стратегической безопасности: во-первых, это борьба с сепаратизмом в СУАР; во-вторых, сохранение ЦА в качестве стратегического тыла, как было отмечено выше, и третий приоритет это реализация общей энергетической стратегии [5, с. 156].

Как правило, Москва была традиционным участником в делах региона, благодаря паттернам мягкой силы, что легитимизировало ее участие в региональных делах. После распада Советского Союза, российское влияние в регионе сохранилось благодаря потенциалу общих социокультурных паттернов, которые стали скрепляющим звеном общего постсоветского геополитического пространства. Для Китая, соответственно, возникла необходимость в продвижении своего регионального присутствия, потому что исторически, Китай оказался вне региональной геополитики. Как отмечают казахстанские эксперты, Лаумулин М. и Акимбеков С., период 1990-х гг. в политике стран региона характеризуется процессом необходимого и интенсивного государственного строительства [222]. Россия, как традиционный участник в региональных делах, была занята поиском своей идентичности после потери своего статуса сверхдержавы [223], и основной спектр отношений сводился к переговорам с Западом, для поиска места России в новых геополитических реалиях. И поэтому, период 1990-х гг. характеризуется меньшей внешнеполитической динамикой в региональных делах. Следуя этой логике, ШОС, существовал в качестве режима, т.е. согласно теории международных режимов, существовала проблема, но не было общей согласованности и/или гармонии, которая решала бы данную проблему автоматически. Т.е. согласно концепции Р. Кеохейна наличие проблемы, создает платформу для дальнейшего сотрудничества [143, с. 53-54], что вполне логический вписывается в развитие и становление ШОС.

Как отмечает казахстанский эксперт Лаумулин М.: «с середины 1990-х гг. стали наблюдаться новые тенденции в политике Китая в Центральной Азии. Появились элементы перехода от стабилизационной политики к интеграционной (как это имело место и в случае с ЕС, правда, на пять лет позднее). «Шанхайская пятерка» (затем ШОС) постепенно стала использоваться как основной инструмент многостороннего китайско-российско-центральноазиатского сотрудничества. Это позволяло «застраховаться» от возможных рисков, связанных с развитием исключительно двусторонних отношений в данном регионе. Важным фактором в формулировке центральноазиатской стратегии КНР в новом тысячелетии стало постепенное превращение Китая в сверхдержаву,

геополитически соперничающую с США в АТР, Центральной Евразии, Персидском заливе, Африке, Латинской Америке. Китайское влияние и китайский бизнес начинают проявляться всюду, даже в местах, где ни о каком традиционном китайском влиянии никогда не слышали. В этом плане расположенная рядом Центральная Азия уже воспринимается Китаем как своеобразный «стратегический тыл» [224].

Первоначальный этап сотрудничества в рамках ШОС, точнее его общие предпосылки определялись вопросами делимитации и демаркации границ, общей проблемы, которая осталась со времен советско-китайского конфликта, и которая, соответственно, требовала разрешений. Затем, в рамках, китайской стратегической политики, возник вопрос сепаратизма в Синьцзяне. В силу ряда геополитических обстоятельств, угроза сепаратизма приняла комплексный характер, в силу его симбиоза с терроризмом и экстремизмом. В этом случае, для Пекина возник приоритет предотвращения превращения региона в базу восточно-туркестанских сил за пределами Китая и каналом их связи с международным терроризмом. Поэтому, в этих условиях возникла необходимость институционального подхода в совместном решении данной проблемы с государствами ЦА. В этих условиях Пекин исходит из того, что безопасность СУАР и ЦА взаимосвязаны, и нестабильность в регионе Центральной Азии сказывается на безопасности северо-западного Китая. [225].

ШОС также стала выполнять геополитические функции, в рамках общей китайской геостратегии. Это определяется факторами политики и вопросами безопасности во внутренней Евразии, и в Восточной Азии, на ее внешних границах. В рамках внутренних регионов Евразии, приоритетом китайской дипломатии, в рамках ШОС, стала легитимизация и институционализация китайского присутствия в регионе ЦА. Данные действия, обусловлены историко-географическими факторами. Китай, в силу своего географического положения, был естественным участником в системе Восточноазиатского комплекса безопасности, а также в Юго-Восточной Азии. Хотя, протогосударства региона и имели крупные исторические связи с Китаем, но со временем китайское влияние значительным образом уступило российской экспансии, и Китай, в лице Цинской империи, затем в лице Китайской Республики и Китайской Народной Республики, перестал быть естественным региональным игроком. Поэтому, со стороны китайской дипломатии, это требовало продвижения институционализации китайского влияния в регионе Центральной Азии, где Пекин мог бы легитимизировать свое присутствие [5, с. 159].

Согласно мнению китайского эксперта Пана Дапэна, создание ШОС ознаменовало собой серьезный стратегический сдвиг, который произошел во внешней политике Китая. Приоритетным направлением безопасности для КНР в период после окончания холодной войны, стало направление Восточной Азии, а именно Тайвань, Восточно-Китайское и Южно-Китайские моря. Это потребовало выработки мер безопасности и стабильности во внутренней Евразии, дипломатическим выражением которого, стало ШОС [50].

Другой приоритетной линией, со стороны Пекина, стало создание комплексного регионального механизма, который будет поддерживать рациональный баланс сил в регионе [5, с. 156]. Россия и Китай в силу своих геополитических потенциалов, элементов национальной мощи, представляют собой класс великих держав, и нахождение региона ЦА под прямым влиянием одной из держав могло бы нарушить данный баланс сил. Поэтому, ШОС, можно отметить, выполняет роль регионального института по безопасности, в его дипломатическом и геополитическом измерениях. Ряд экспертов классифицируют ШОС, как организацию коллективной безопасности. К примеру, ряд организаций, таких как ООН и ОБСЕ классифицируются как организации с направлением по коллективной безопасности. Система коллективной безопасности в ООН выражена посредством ее дипломатической площадки, где стороны могут урегулировать конфликт, в-первую очередь дипломатическими средствами. Система коллективной безопасности ОБСЕ выражается в ее институтах, а именно в трех корзинах. ШОС, в большей степени выступает как организация, которая поддерживает систему регионального баланса сил, особенно это было ярко выражено в первой половине 2000-х гг. Функциональность коллективной безопасности в ШОС выражается посредством ее геополитических особенностей, где дипломатическая площадка служит для разрешения общих региональных проблем.

Поэтому, в рамках системы коллективной безопасности, можно утверждать, что ШОС выполняет роль политико-дипломатического механизма, который формирует или создает базу для существования рационального баланса сил между ведущими державами. Так, ведущий казахстанский эксперт Лаумулин М. подчеркивает следующее: «Центральная Азия не должна находиться под контролем какой-либо сверхдержавы или группы сверхдержав, прежде всего тех, с которыми у Китая сложные геополитические и стратегические отношения. Из этого следуют основной принцип и задача политики КНР в ЦА, а именно: Китай должен сохранять дружеские отношения со странами региона и делать все возможное, чтобы не допустить контроля над ними со стороны группы сверхдержав или одной из них» [5, с.157].

Институциональная база развития ШОС стала формироваться в начале 2000-х гг. В 2000 г. члены Шанхайской пятерки, приняли решение о преобразовании «пятерки» в полноценную региональную структуру многостороннего сотрудничества. В 2001 г., в Шанхае, произошло создание ШОС как новой международной организации. В 2002 г., на Санкт-Петербургском форуме была подписана Хартия ШОС, Соглашение о создании региональной антитеррористической структуры и Декларации глав государств. В том же году, Узбекистан стал членом ШОС.

26 апреля 1996 г. на состоявшемся первом Саммите в г. Шанхае Главами пяти государств было подписано Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об укреплении мер доверия в военной области в районе границы (вступило в силу 7 мая 1998 г.) [18], [19].

24 апреля 1997 г. на втором Саммите в Москве было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, который определяет конкретные формы и методы проведения сокращений численности личного состава, уничтожения или вывода за пределы 100 км зоны вооружений и военной техники, охватываемых Соглашением. Срок действия обоих Соглашений - до 31 декабря 2020 г. с пролонгацией на последующие пять лет [20].

3 июля 1998 г. в Алматы состоялась встреча Глав государств Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана в ходе которой министрами иностранных дел было подписано Совместное Заявление участников Алматинской встречи. Документ закрепил договоренность «О созыве по мере необходимости встреч на уровне экспертов, министров иностранных дел, глав правительств и глав государств, для рассмотрения вопросов обеспечения безопасности и расширения сотрудничества в Центральной Азии и на Азиатском континенте в целом» [21].

24-25 августа 1999 г. в Бишкеке состоялся четвертый Саммит Глав пяти государств, были подписаны Бишкекская Декларация Глав государств, а также Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой и Кыргызской Республикой о точке стыка государственных границ трех государств. «Бишкекская группа» государств-участников «Шанхайской пятерки», созданная 30 ноября - 2 декабря 1999 г. во время встречи руководителей правоохранительных органов и спецслужб пяти государств в Бишкеке, должна была сыграть значительную роль в борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом [22].

В начале 2000-х гг., завершается основной процесс институционализации ШОС. Организация, перешедшая из формата регионального режима, в полноценную организацию, со своей развитой административно-бюрократической структурой, приводит к легитимизации китайского присутствия в Центральной Азии. Китай, тем самым стал одним из «естественных» участников системы региональных отношений.

5 июля 2000 г. в Душанбе состоялся пятый Саммит Глав государств-участников «Шанхайской пятерки». Впервые в работе форума в качестве наблюдателя принял участие Президент Узбекистана И. Каримов. В качестве итогового документа встречи была подписана Душанбинская Декларация. В ней было принято решение о превращении «Шанхайской пятерки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. На шестом Саммите Глав государств-участников Шанхайского форума, состоявшемся 14-15 июня 2001 г. в Шанхае, произошло создание новой международной организации «Шанхайской организации сотрудничества» (ШОС) [23].

В 2000 г. было принято решение о превращении «Шанхайской пятерки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. В 2001 г. в Шанхае произошло создание ШОС как новой международной организации. Свое юридическое оформление ШОС получила на саммите в Санкт-Петербурге в июне 2002 г., на котором были подписаны Хартия ШОС, Соглашение о региональной антитеррористической структуре и Декларация глав государств. В том же году к ней присоединился Узбекистан [24].

Второй аспект, который тесно связан с первым, относится к сфере безопасности. В 2002 г. в рамках ШОС было подписано Соглашение о региональной антитеррористической структуре, дополненное в 2004 г. созданием Региональной антитеррористической структуры ШОС. Третий аспект относится к сфере экономики.

Проблемой функционирования ШОС, в особенности на первом этапе существования данной организации, стало то, что «вся проблематика ШОС распадается на широкий ряд проблем, каждая из которых порой не связана с другими и решается зачастую вне рамок ШОС». ШОС, хотя официально и подчеркивает свой дипломатический статус, но ее оттенки ее функционирования носят военно-политический характер, а именно создают базу для существования рационального российско-китайского баланса в регионе. Поэтому спектр деятельности ШОС охватывает такие сферы, как российско-китайские, российско-американские, китайско-американские отношения, и проблемы безопасности региона с учетом ОДКБ, НАТО, и двусторонние отношения стран региона ЦА с ведущими державами. Также, казахстанский эксперт Лаумулин М. добавляет: «таким образом, как таковая политика ШОС в чистом виде не существует. Однако, сам факт существования ШОС и его кажущаяся внешнеполитическая (или геополитическая активность) создают эффект (скорее иллюзию) присутствия на региональной и мировой сцене нового серьезного игрока» [5, с. 180].

Борьба с терроризмом и баланс сил. Второй этап в развитии и эволюции ШОС приходится на начало 2000-х гг. В данном случае формируются новые тренды в области глобальной геополитики, которые оказали прямое воздействие на эволюцию организации и ее функциональность. Первое, это активная деятельность транснациональных террористических группировок. Второе, это политика республиканской администрации Буша-мл., в рамках доктрины Большого Ближнего Востока.

Совокупность вышеприведенных факторов, сыграла немаловажную роль, в плане формирования динамики региональных отношений на тот период, в частности можно проследить пересечение таких тенденций как терроризм, в его региональном срезе, и приоритеты администрации Буша-мл. в рамках его глобальных геостратегических устремлений. Т.е. мы видим, тесную взаимосвязь между феноменом терроризма и политикой США, что оказало не последнее воздействие на функциональность ШОС в первой половине 2000-х гг.

Терроризм становится одним из механизмов системы региональной безопасности, что сближает центральноазиатский кластер безопасности с ближневосточным, в ее некоторых социальных и геополитических элементах [100, с. 52-61].

Знаменитый американский политолог Хантингтон С. в своей книге «Столкновение цивилизаций» отметил, что в рамках постбиполярной системы, два региона будут генерировать основные вопросы безопасности, это Ближний Восток и Восточная Азия [63, с. 149-150]. Согласно теории комплекса региональной безопасности Бузана и Вэйвэра, это впоследствии привело к

формированию таких макрорегиональных кластеров безопасности как Большой Ближний Восток и Индо-Тихоокеанский регион. Терроризм, как часть политики в рамках геополитического устройства Большого Ближнего Востока, стал одним из значительных элементов или механизмов, в рамках системы региональной безопасности. В данном случае, нам необходимо отметить две концептуальные точки зрения, которые сформировали идею Большого Ближнего Востока: - С. Хантингтон, «Столкновение цивилизации и передел мирового порядка», в ней автор выдвинул идею о том, что демография и терроризм, являются двумя определяющими факторами, которые формируют геополитическую динамику региона. В рамках данной концепции, сильны позиции европоцентрической интерпретации, а именно то, что страны региона, в силу своего социоэкономического развития, не сгенерировали экономический прогресс, что не способствовало формированию политической и экономической модернизации в ее европоцентрическом понимании). Бурный рост населения, и неспособность местных правительств, решить данные проблемы, совокупность данных факторов, привело к формированию терроризма как средства социально-политической борьбы. Развитие радикального политического ислама, стало естественной реакцией на процесс социальной модернизации в исламских странах [63, с. 164], особенно в контексте геополитического макрорегиона Большого Ближнего Востока;

- Бжезинский Зб., «Великая шахматная доска» и «Евразийские Балканы», в ней бывший советник по национальной безопасности, при администрации Джимми Картера, отмечает, что после распада СССР, в Евразии, сформировались новые геополитические паттерны безопасности, в виде «Мировых», или «Евразийских Балкан». За основу, данной геополитической конструкции, Бжезинский Зб. берет основу системы локальных конфликтов, которые имели место быть в бывшей Югославии, распада одного государства на ряд более мелких государств, которые сопровождалась рядом локальных конфликтов этнорелигиозного характера [64, с. 150-151]. В своем географическом измерении, Бжезинский Зб. отмечает, что «Евразийские Балканы», будут простираются на востоке от Синьцзяна и до Ливии на западе, от Северного Казахстана на севере, и до индо-пакистанской границы на юге. В целом, автор данной концепции предполагает, что основные глобальные паттерны безопасности в первой половине XXI столетия, будут определяться именно в рамках данного геополитического пространства [65, с. 150].

Что самое характерное, это то, что регион Большого Ближнего Востока, технически включает в себя не только сам Ближний Восток, но и Центральную Азию. В дальнейшем это привело к принятию в рамках республиканской администрации Буша-мл. доктрины Большого Ближнего Востока. Согласно внешнеполитической доктрине Белого дома, на тот момент, США достигли пика своего влияния [150]. Это можно проследить по двум тенденциям: первое, где администрация Дж. Буша-мл., приняла ядерную доктрину, которые некоторые эксперты посчитали наступательной [226], с сохранением количественного ядерного потенциала. И второе, это поддержка государственного строительства, в рамках доктрин ББВ и БЦА. В рамках борьбы с международным терроризмом,

администрация Буша-мл. приняла доктрину Большого Ближнего Востока, которая устанавливала ряд стратегических императивов, среди которых, можно обозначить следующие:

- Борьба с международным терроризмом;
- Распространение демократии;
- Демонтаж политических режимов и их трансформация;
- Организация контроля над энергетическими линиями;
- Изменение территориального устройства ряда государств.

В рамках Центральной Азии, американские стратеги, приняли концепцию «Большой Центральной Азии». В контексте американского вторжения в Афганистан, а также волны цветных революций на постсоветском пространстве, это привело к усилению американского влияния в регионе [223, с. 163]. Концепция «Большой Центральной Азии», в отличие от «Большого Ближнего Востока», не включала идею территориальной реорганизации стран региона.

Другой значимой проблемой, для стран региона, а также Москвы и Пекина, стала проблема в рамках борьбы с международным терроризмом. Как отмечалось выше, в социально-экономическом и социально-политическом отношениях, терроризм стал естественной социальной реакцией на процесс модернизации, которые имели место быть в исламских странах, в ходе демографического подъема (63). Проблема терроризма в Центральной Азии активно сформировалась в период конца 1990-х и начала 2000-х гг. [5, с. 156]. Локально, это выразилось в таких событиях, как гражданская война в Таджикистане, Баткентские события, активность ИДУ в регионе. В макрорегиональном отношении, это выразилось в рамках проблемы войны в Чечне и в нестабильности в Синьцзяне. На фоне данных, геополитических изменений, сторонами была принята одна из основных концепций безопасности ШОС, определение трех зол: «терроризм, экстремизм, сепаратизм», где согласно ст. 1 основополагающему документу ШОС — Хартии от 7 июня 2002 г. — основными целями и задачами ШОС являются: «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией» [24].

Хотя и принято, что ШОС для Китая была необходима в рамках легитимизации своего регионального влияния, тем не менее, ряд западных экспертов, указывают на то, что продвижение идей создания ШОС, было также обусловлено и фактором внутривосточной ситуации в Синьцзяне [225, с. 86-94].

Другим значимым элементом, в деятельности ШОС, стал реализованный механизм баланса сил. В экспертной среде, активно ведутся дебаты касательно природы ШОС, где рассматривается возможность создания и функционирования ШОС в качестве анти-Западного альянса. Стоит отметить, хотя и функционирование ШОС, не направлено на данную активность, но, тем не менее, в рамках существования ШОС, имел место быть данный момент, на короткий период. После активизации американской политики в регионе, реализация

геополитической концепции «Большой Центральной Азии», представляло непосредственную и прямую угрозу ведущим странам региона – России и Китаю [5, с. 107]. На фоне усиления американского влияния в регионе, ШОС выступило в качестве регионального баланса сил: в 2005 г., в ходе астанинского саммита ШОС, была принята декларация с призывом к США определить сроки вывода американских баз из Центральной Азии [4].

Стоит отметить, что реализация проекта доктрины Большой Центральной Азии, носила преимущественно бюрократический характер, когда отдел по Центральной Азии, перевели из Бюро Государственного департамента, из евразийских дел по делам Южной Азии [5, с. 12]. Это, в свою очередь, соответствует классификации CENTCOM`а США, в рамках глобального планирования. Данные пертурбации, по крайней мере свидетельствуют о том, что США, в плане стратегического планирования своих бюрократических учреждений, рассматривают уже иную геополитическую реальность региона, и тех процессов, которые лежат в основе региональной геополитической динамики. К примеру, как указывалось выше, демографический подъем в странах Центральной Азии, и политический ислам как одна из форм социально-политического протеста, стали одним из основных или базовых паттернов безопасности в рамках региональной геополитики.

На 10-ом юбилейном заседании Глав государств-членов ШОС, 5 июля 2005 г., в Астане, были приняты наблюдателями Иран, Индия и Пакистан. Концепция борьбы с тремя формами зла: «терроризм, экстремизм, сепаратизм», нашло свое институциональное оформление: был подписан ряд документов, касающихся борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Государства-члены ШОС договорились о сотрудничестве и проведении совместных антитеррористических учений, подготовке кадров, обмену опытом. Также как отмечалось выше, ШОС выпустил декларацию, в которой был поставлен вопрос о пребывании баз США на территории стран-членов организации [5, с.81] [25].

Поэтому, период первой половины 2000-х гг., в рамках ШОС, можно обозначить как период активного баланса сил и актуальности проблемы международного терроризма. На уровне внутренней политики, страны региона столкнулись с проблемой террористической угрозы, на уровне внешней политики, страны региона столкнулись с проблемой манипулирования терроризмом в качестве продвижения внешнеполитических интересов третьих держав. Поэтому, ряд утверждений о том, что ШОС является неким антизападным союзом, отчасти имеет место быть. Россия и Китай в первой половине 2000-х гг., сумели организовать эффективный региональный механизм против усиления американского влияния в регионе.

Кризис идентичности и расширение. С 2005 по 2015/17 гг., ШОС как политический субъект не сталкивалась с каким-либо существенными событиями и изменениями. Принятие Индии и Пакистана в состав ШОС, в качестве полноправных членов, вновь подняло вопрос о миссии, данной организацией и ее геополитической функциональности. Но, тем не менее несмотря на то, что эксперты указывают на кризис ШОС, в данный период, имели место быть ряд

следующих важных событий: первое, это китайская стратегия по реформированию ШОС в большей экономической плоскости; второе, это усиление паттернов геополитического противостояния Индии и Китая, как двух ведущих азиатских гигантов. Здесь, безусловно, имел место быть геополитический фактор, обусловленный географией, а именно китайско-индийской границей. Наличие механизма баланса сил в виде треугольника Пакистан-Индия-Китай, а также проецирование влияния двух азиатских гигантов, на региональном уровне, привело к формированию новых паттернов безопасности, что, безусловно, нашло свое отражение в рамках эволюции ШОС [26].

Если раньше деятельность ШОС была сосредоточена в Центральной Азии, обеспечивая как платформу для экономического сотрудничества и сохранению рационального баланса, то после принятия новых членов в ШОС, ведутся дебаты касательно эффективности функционирования ШОС в новых условиях. ШОС в своем развитии столкнулось с проблемой механистической трансформации, когда увеличение размеров и территории организации не сказываются на эффективности ее функционирования или деятельности (4).

Таким образом, в середине 2000-х гг., проходит активная фаза борьбы с терроризмом и баланса сил, и начинается новый этап в организации, выраженный в постепенном расширении.

Перспективы экономизации ШОС в 2000-х гг. Как указывает ряд экспертов, в октябре 2005 г., в Москве состоялось заседание Совета глав правительств государств-членов ШОС. Китай предложил перевести деятельность ШОС из политической в экономическую плоскость, тем самым «фактически поменять парадигму развития ШОС в сторону усиления экономического сотрудничества» [5, с.180].

Во второй половине 2000-х гг., Китай стремился продвигать, по крайней мере две инициативы, первое, это создание банка развития ШОС и зоны свободной торговли ШОС. Как указывает российский эксперт Габуев А.: «убрав таможенные барьеры, они рисковали пустить многие отрасли своей экономики под каток огромной экономической машины КНР». Также российский эксперт добавляет: «идею банка развития страны Центральной Азии восприняли куда более позитивно: после кризиса 2007–2009 годов многим были позарез нужны деньги, а тут богатый Китай был готов предоставлять их на льготных условиях через многосторонний механизм (в разгар кризиса на саммите ШОС в Екатеринбурге тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао публично пообещал выделить странам ШОС до \$10 млрд льготных кредитов). Но против этой идеи выступила Москва» [4].

Хотя, ряд исследователей и склонны считать, что ШОС пережил кризис идентичности во второй половине 2000-х гг. и в первой половине 2010-х гг., но тем не менее, данное явление не стоит обозначать как кризис. После периода терроризма и баланса сил, ШОС вошел в новый этап своего логического развития, который можно обозначить как «расширение», или как реакция на усиление двух азиатских гигантов – Индии и Китая, во второй половине 2000-х гг. В данном

случае, это привело к усилению тенденций индийско-китайского противостояния в районе Гималаев, и в целом в Азии. Если раньше, основным аспектом безопасности региона Южной Азии было представлено индо-пакистанским противостоянием, то с периода второй половины 2000-х гг., основной акцент начал смещаться в зону индийско-китайского стратегического взаимодействия. В данном случае, слово «взаимодействие» означает не сотрудничество, а именно динамику отношений. Но, в целом, если рассуждать в контексте глобальной безопасности, то, можно отметить, что это привело к формированию нового механизма безопасности в макрорегиональном кластере в Евразии.

Таким образом, на рубеже второй половины 2000-х и первой половины 2010-х гг., начался процесс смещения центра тяжести функционирования ШОС с Центральной Азии на Южную Азию, и в этом случае, фактор секьюритизации китайско-индийских отношений сыграл ключевую роль. Первоначально идейную базу для функционирования ШОС сыграл фактор обеспечения и поддержки рационального российско-китайского баланса в Центральной Азии, и учитывая относительное геополитическое спокойствие во время «однополярного момента», ШОС вполне вписывалась в рамках центральноазиатской системы безопасности. Но, с момента геополитического подъема Китая, а также то, что данный исторический процесс начал генерировать новые паттерны безопасности, то это привело к усилению секьюритизации в рамках китайско-индийских отношений.

Но, затем с середины 2010-х гг., происходит усиление конфронтационных моментов в политике обеих стран, где усиливаются наступательные элементы во внешней политике. Общий региональный фон, в Азии, задал процесс многополяризации системы международных отношений. Первое, это нарастание конфликтных тенденций в российско-западных отношениях после Крыма и Донбасса в 2014 г., а второе, это секьюритизация вопросов безопасности в Азии, что привело к формированию Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности. Стоит отметить то, что формирование паттернов безопасности в Азии, носило комплексный характер, и отображает историческую тенденцию. Так, ряд экспертов указывают на то, что Европа, после окончания холодной войны, перешла на уровень постмодерна, что вполне близко к теории демократического мира, а Азия «осталась» на уровне модерна, т.е. механизмы баланса сил, все еще играют важную и определяющую роль в азиатских делах.

Геополитический подъем Китая, сгенерировал новые паттерны безопасности, которые относятся не только к сфере военно-технических, и военно-политических отношений, но и к геоэкономике и институциональному строительству.

С точки зрения конструкта безопасности, секьюритизация китайско-индийского противостояния, с хронологической точки зрения, охватывала географию Тибета. С периода второй половины 2000-х гг., происходит секьюритизация китайско-индийского соперничества в районе Индийского океана, где модернизация ВМФ НОАК, стала одним из значимых элементов. В целом, развитие динамика развития отношения в области безопасности

определяется двумя факторами: первый, это «военное» окружение Индии, т.е. развитие военной инфраструктуры в Тибете [228]; и второе, это институционализация экономического присутствия Китая в регионе Индийского океана. И если раньше индийско-пакистанское противостояние носило центральный элемент, то институционализация китайского влияния в регионе Индийского океана, не может не представлять определенные риски для Индии.

Другой немаловажный фактор, можно рассматривать и в плане естественного развития Азии, и в плане глобального институционального строительства. Во время существования Советского Союза, Центральная Азия была оторвана от Южной Азии, хотя исторически, между двумя регионами выработались естественные связи, к примеру от распространения буддизма в древности, и до политико-экономических и культурных связей в XIX столетии. Разумеется, семьдесят лет советского атеизма, привели к деградации данных контактов, в особенности на политическом и экономическом уровнях. Сейчас экономический подъем Индии, а также институциональное строительство Китая, наоборот приводят к усилению данных контактов, которые, в последнее время отображают вышеприведенные процессы.

Так, профессор У. Хасанов отмечает усиление торгово-экономических контактов стран ЦА с Южной Азией. Так, профессор из Университета мировой экономики и дипломатии, У. Хасанов отмечает, что Узбекистан заинтересован в расширении сотрудничества с разными партнерами, в том числе и с региона Южной Азии. Это, в свою очередь позволит к реализации совместных проектов, в области агропромышленной кооперации, а также будет способствовать наращиванию технологического потенциала. Также, основной мотив региона Центральной Азии лежит больше в объединяющей плоскости [86]. Индия является экономическим мотором Южной Азии, а также становление ведущей южноазиатской страны в качестве великой державы, должно усилить данный формат отношения.

С другой стороны, действует Китай. На период конца 2010-х гг., Срединный экономический пояс уже сложился как геополитическая данность, и приходится формирование новой геоэкономической единицы, экономический пояс «Север-Юг». В данном случае, порт «Гвадар» играет важную роль, который сможет связать Южную Азию, и даже шире регион Индийского океана с азиатской частью постсоветского пространства, это отражение нового этапа секьюритизации т.е. формирования новых геополитических и геоэкономических паттернов. С 2020 г., можно отметить то, что идет усиление российско-пакистанских, казахстанско-пакистанских и таджикско-пакистанских отношений. В данном случае, роль и значимость СПЕС возрастает вдвойне, где транспортно-логистический путь поддерживает связь не только с Китаем, но и со странами Центральной Азии.

Таким образом, роль ШОС более не ограничена ее традиционной ролью поддержки российско-китайского баланса в Центральной Азии. После принятия Индии и Пакистана в ШОС, это придает новый импульс для организации. Экзистенциально, ШОС может служить некоторым «Совбезом ООН» для

внутренней Евразии, на многостороннем уровне, в случае возникновения кризисных ситуации. На институциональном уровне, в рамках ШОС могут выполняться различные инициативы. В особенности, если произойдет прорыв в развитии комплексной взаимосвязи Центральной и Южной Азии, то функциональность ШОС будет иметь стратегическое значение.

ШОС как региональный механизм российско-китайского взаимодействия. Хотя, конечно же, основные элементы или механизмы политики баланса сил остались в прошлом, в связи с процессом глобализации, тем не менее, мировая политика все еще, в некоторой степени характеризуется элементами баланса сил. В данном случае, ШОС, и его стратегическая функциональность отображают данный процесс. Так, к примеру, российский эксперт-китаевед Габуев А. указывает на то, что китайско-российский баланс стал центральным элементом в рамках функционирования ШОС, где автор недвусмысленно отмечает, что «учитывая роль, которую играет Россия в Центральной Азии, Пекин не смог бы достигнуть своих целей без сотрудничества с Москвой». Впервые Китай выступил в кондоминиуме «в отдельном регионе в партнерстве с другим крупным игроком» [4].

Обращает на себя внимание два значимых фактора: во-первых, эксперты не принимали в серьез расчет о том, что ШОС в дальнейшем будет расширяться, и, во-вторых, саму природу и механизм баланса сил на тот период. К примеру, эксперт Габуев А. сделал ставку на том, что проблема расширения ШОС заключается в его механистическом расширении, т.е. принятие новых стран-членов не будет способствовать дальнейшему продвижению в росте эффективности ШОС, количество не перейдет в качество, но тем не менее процесс расширения ШОС продолжился.

В данном случае, можно отметить, что данный стратегический кондоминиум между РФ и КНР, это естественное геополитическое явление в плане регионального конструкта безопасности. Само существование ШОС отображает функционирование рационального баланса сил между двумя крупными державами – Россией и Китаем. Существование данного стратегического кондоминиума обеспечивает сохранение мира и стабильности. Разумеется, логика баланса сил, будет утверждать о том, что центральноазиатское объединение в данном случае невозможно, т.к. это будет противоречить интересам двух держав, особенно это наглядно было выражено в рамках противодействия продвижению американского проекта БЦА при администрации Буша-мл. Затем, существование ШОС, заложило один из механизмов системы рационального баланса сил, где Россия отвечает за безопасность, а Китай за экономику. Далее, Габуев А. указывает на то, что ШОС должна была стать площадкой, где Москва и Пекин совместно поддерживали бы механизмы безопасности для Центральной Азии, что выражалось бы в «мягком навязывании своей коллективной воли странам региона» [4].

ШОС, как комплексная организация, отвечает на дух времени, который ее окутывает. Период стабильной однополярной гегемонии, в 1990-х и в 2000-х гг., в целом, на стратегическом уровне, оказал вполне позитивное воздействие на

ШОС, как регионального инструмента Китая. Т.к. наличие данной организации способствовало развитию положительной динамики в регионе [101, с. 103].

Т.е. в данном случае «коллективная воля» указывала бы на существование системы рационального баланса сил между ведущими региональными игроками. Таким образом, геополитические механизмы ШОС установили рациональный баланс в регионе, что однозначно способствовало бы сохранению мира и стабильности, а также создавало бы платформу для полноценного экономического сотрудничества [103, с. 17-27].

Но, здесь сложно отметить о том, что третьи державы, особенно в лице США и Индии, будут согласны на формирование «стратегического кондоминиума» с Китаем в силу того, что после окончания холодной войны, китайско-российские отношения пережили процесс стабилизации, в то время как наоборот китайско-американское стратегическое соперничество стало аксиомой современной системы международной безопасности.

В целом, хотя тезис о кризисе идентичности ШОС стал весьма широко распространенным, но, тем не менее, стоит отметить следующие функции, которое выполняет ШОС:

- кооперация по поддержанию антитеррористической борьбы, т.е. это показывает, насколько данная проблема свойственна региону;

- обеспечение рационального баланса сил между Россией и Китаем. Как отмечает Габуев А., Россия была вполне довольна тем, что китайские интересы охватывали вопросы региональной безопасности, в контексте терроризма (Габуев, 2017);

- ШОС является естественной структурой и частью системы региональной безопасности. Под институциональными паттернами безопасности, мы имеем ввиду не прямые аспекты военного плана, но скорее вопросы дипломатии и геополитического баланса сил;

- Стоит и также отметить и вопрос касательно военной безопасности ШОС, точнее ее потенциальной военной организации. В частности, индийский эксперт, Шрикант Кондапалли отмечает, что ШОС в рамках своих военных учений не проводит тренировку сил с применением конвенциональных средств и авиации, ограничиваясь только антитеррористическими учениями. Поэтому, ШОС изначально не может выполнять функций, приписываемой ей анти-НАТО.

Эти четыре фактора выступают как данность этого процесса, но, нельзя исключать, что усиление экономической составляющей ШОС, будет свидетельствовать о реальных геополитических переменах, в рамках региональной геополитики, о чем будет сказано ниже.

Вопрос заключается в том, что в силу геополитического потенциала обеих сторон, в данном случае, мы имеем ввиду двух ведущих государств – России и Китая, система безопасности в Центральной Азии, в силу его составляющей части постсоветского геополитического пространства, в ней доминирующую роль занимали пророссийские региональные структуры в виде ОДКБ и ЕАЭС. ШОС, в большей степени создавал определенный геополитический механизм,

который позволял учитывать интересы России и Китая соответственно, и это способствовало организации рационального баланса сил [4].

Кризис идентичности ШОС, вызванный геополитическими реалиями однополярного момента, а также формируемой региональной динамикой безопасности, вывел следующие формулы, которые касаются относительной эволюции и формата деятельности ШОС:

– *Первый*, это формирование некоего антизападного альянса, своего рода анти-НАТО. Данная концепция имеет место быть в рамках некогда предложенной идеей Е. Примакова, объединения Индии, Китая и России в евразийский альянс. Но, как известно, данная идея не нашла своей поддержки со стороны Китая, в период правления Цзянь Цзэмина, когда Китай не был занят глобальным институциональным строительством;

– *Второе*, расширение. ШОС обладает потенциалом расширения, принятие в него Монголии, Индии, Афганистана, Ирана и т.д. Ранее, в 2000-х гг., ряд экспертов выдвигали идею, согласно которой дальнейшее расширение ШОС невозможно [227]. Но, как показали события второй половины 2010-х гг. и начала 2020-х гг., расширение ШОС стало отражением новой геополитической реальности;

– *Третье*, оценка вполне приближенная к реальности. ШОС служит комплексным региональным механизмом, который поддерживает существование регионального баланса сил между Россией и Китаем. С одной стороны, данный механизм способствует сохранению российского статус-кво, и с другой стороны, он способствовал в свое время, легитимизации китайского присутствия в регионе, а также выполняет удобную площадку для поддержания всестороннего диалога;

Таким образом, ШОС стал формироваться в качестве региональной организации. Немаловажную роль, в восприятии ШОС в 2000-х гг., сыграла политика республиканской администрации Буша-мл. в рамках его идей поддержания глобального американского доминирования. С одной стороны, как отмечает казахстанский эксперт Лаумулин М.: «однако, многие наблюдатели с недоверием и скепсисом отнеслись к попыткам создателей ШОС представить свою организацию в качестве некоего элемента многополярного мира, центра силы современной геополитики. Для наблюдательных аналитиков при внимательном рассмотрении напрашивается вывод, что ШОС, вероятно, грандиозный геополитический блеф. Дело в том, что «два главных колеса арбы» ШОС, по выражению узбекского президента И. Каримова, - Россия и Китай все эти годы вели свою геополитическую игру, и каждая из сторон пыталась извлечь из своих отношений с США и Западом свою выгоду. В этих условиях ШОС нужен был им просто для «демонстрации своего флага» в Центральной Азии американцам» [5, с.182]. Хотя ШОС и не принято считать организацией, которая отвечает напрямую за аспекты военной безопасности, но ее функциональность помогает поддерживать баланс интересов сторон. Тем более, наступательная политика администрации Буша-мл., вызвала настороженную реакцию у Пекина и Москвы, что только не могло не укрепить ШОС, как многосторонний региональный механизм.

Поэтому, принятие Индии и Пакистана в ШОС, стало естественным и закономерным процессом в рамках эволюции азиатской геополитики. Во-вторых, принятие Ирана в состав ШОС: 17 сентября 2021 г. на саммите в Душанбе было объявлено о начале процедуры приёма Ирана в организацию в качестве полноправного члена и 15 сентября 2022 г. Исламская Республика стала полноправным членом организации [26]. Принятие Ирана в ШОС стало отражением тех геополитических событий, и смены баланса сил, которые имели место быть в ходе двух важных стратегических сдвигов: первое, это усиление китайско-американского стратегического соперничества в период президентства Д. Трампа; и второе, это геополитический конфликт России и Запада вокруг Украины. Стоит отметить, хотя начало кризиса в Украине 2014 г. совпадает во временной линии начала китайско-американского стратегического соперничества, но тем не менее, конфликт 2014 г., вокруг Крыма и Донбасса не имел столь широкого эффекта на динамику международных отношений. К примеру, российский эксперт Тренин Д. указывает на возвращение паттернов безопасности, которые имели место быть во время холодной войны, т.е. нового формата противостояния сверхдержав [230].

Но, тем не менее, усиление китайско-американского стратегического соперничества, а также начало войны в Украине в 2022 г., привели к формированию глобального механизма баланса сил в треугольнике США-Россия-Китай. Данный механизм запустил процесс принятия Ирана в состав ШОС, где уже мнение России и Китая были однозначны. Если в 2000-х гг., стороны не выражали особого согласия в связи с принятием Ирана в состав организации [231], то позиция Москвы и Пекина за полтора десятилетия, эволюционировала значительным образом.

Несмотря на то, что военный компонент не играет существенной роли в обеспечении безопасности Центральной Азии, тем не менее, система региональной безопасности поддерживается посредством баланса сил.

Процесс усиления институционализации китайского влияния в регионе ЦА, начался в предковидный период, т.е. это конец 2010-х гг. К тому времени, сформировался Срединный или Евразийский путь, который соединяет Китай и Европу. Геополитической особенностью китайской региональной стратегии, стало то, что Пекин сумел преобразовать эконому на уровень военно-политического влияния, т.е. китайские геоэкономические механизмы, составили одну из баз, системы региональной безопасности. В политическом плане, период «однополярного момента», характеризовался определенной политической стабильностью, но в период правления Д. Трампа, нарастают конфликтные тенденции в международной системе, что имеет прямое и косвенное влияние на усиление китайского влияния в регионе ЦА.

Постковидный период уже характеризуется наличием серьезных вопросов военной безопасности, усиления элементов военно-политического противостояния в Евразии, и соответственно смены баланса сил на международной политической арене. В данном случае, ключевым моментом выступает российско-украинская война 2022 г. В глобальном отношении, данный

геополитический конфликт, привел к деградации и распаду европейской системы безопасности, которая проходила процесс социализации в течении двух десятилетий после окончания холодной войны. На глобальном уровне, российско-украинская война, привела к относительной биполяризации системы международных отношений, создав условия для российско-западного антагонизма. В тоже время, это привело к усилению российско-китайского взаимодействия, в первую очередь, на уровне глобальных вопросов, в рамках противодействия американской политики. Но, одновременно усиление антагонизма в российско-западных отношениях, привело к формированию новых паттернов безопасности в Центральной Азии, где наоборот, наблюдалось усиление китайско-российских противоречий. Таким образом, второй этап институционализации китайского влияния в регионе, можно отнести к периоду первой половины 2020-х гг.

В рамках первого этапа процесса институционализации китайского влияния, мы наблюдаем усиление элементов китайской дипломатии в регионе. Первой стратегической линией, стало реализация совместных транспортно-логистических проектов, которые связывали бы Китай с Европой. Поэтому, срединный путь Пояса и Пути, получил центральное значение в рамках реализуемой стратегии. Данная тема будет более подробно рассмотрена во второй подглаве третьей главы, т.к. основные технико-экономические моменты рассматриваются в рамках торгово-экономического сотрудничества и инвестиционной деятельности КНР со странами региона. Но, стоит отметить, что первый этап институционализации китайского влияния в регионе, пришелся на политически стабильный период, и на время присутствия российского статуса-кво в регионе.

Стоит отметить, что ряд экспертов, в частности казахстанский эксперт А. Каукенов отмечают, что формируется глобальный биполярный порядок. Основная геополитическая стратегия и динамика отношения в данном случае, формируется в контексте китайско-американского соперничества. Здесь, существует два подхода: первый, стратегический/глобальный, и второй, тактический/локальный. Стратегический подход означает, что Вашингтон видит Китай, и рост его комплексной национальной мощи, как прямую стратегическую угрозу. К примеру, США не рассматривают российский ядерный потенциал в качестве перманентной угрозы, за исключением некоторых кризисных моментов, как российско-украинская война. Китайское строительство Пояса и Пути, формирование Пекином альтернативных международных экономических институтов, рассматривается США, как стратегическая угроза [126]. Поэтому, для политики Белого дома, весьма важно балансировать перед китайской угрозой. Успех китайской геоэкономической стратегии, как на уровне многосторонних отношений (институциональное строительство), так и на уровне двухсторонней дипломатии (средства геоэкономического воздействия), привело к расширению китайского влияния в Евразии и Африке.

Пользуясь своим геоэкономическим потенциалом, Китай, будет заявлять о растущих стратегических возможностях. Для Китая, в его внешней политики,

весьма важно сузить военный потенциал проецирования военной мощи, а также сделать упор на институциональных и экономических возможностях. Хотя, глава КНР – Си Цзиньпин в официальной риторике, обращенной к военным структурам КНР, и призывает быть готовыми к войне, тем не менее, ядро китайских внешнеполитических механизмов, выступает геэкономиком, а также исходя из феномена геэкономии, это институциональное строительство. Здесь возникает ряд исторических аналогий: во время реформ Дэна Сяопина, военная модернизация входила в один из значимых аспектов государственных реформ, но не занимала ведущего значения. Сейчас же, геэкономия и дипломатия являются ведущими элементами китайской стратегии, где военная сила, все еще занимает второстепенную роль, т.к. усиление военных конфликтов вокруг Китая, и в первую очередь в Восточной Азии, будут иметь негативные последствия для самой безопасности Поднебесной.

Дипломатически, Пекин, естественно будет выражать солидарность с Москвой и негодование американской политикой. Но, на уровне стратегического видения, для Китая важно сохранить нынешнюю комбинацию вещей. Китай сможет сформировать альтернативную помощь России, посредством усиления экономической кооперации, а также предложить Москве быть более активным в азиатских экономических структурах, т.е. организациях. Если, в течении 2-3 лет, мы увидим ряд новых инициатив в ШОС, по линии сопряжения ЕАЭС и Пояса и Пути, арктическому развитию китайской политики, в контексте российско-китайского сотрудничества, усиление северного направления Пояса и Пути, то тогда можно отметить, что китайская дипломатия возымела вверх. Если прогнозы экспертов окажутся верными, и российская экономика столкнется с дефолтом и сокращением производства, то тогда увеличится доля китайского сектора в международных экономических связях Казахстана и других стран ЦА. Если доля российского сектора, от общего, сократится до 10%, а доля китайского вырастет от 30 до 50-60%, то это приведет к началу смены геополитического ландшафта региона. Все это требует серьезных экономических расчетов. Данная тематика будет обговорена более подробнее чуть ниже, в подглаве 3.2.

Как вывод, можно отметить, что санкционное давление Запада на Россию, и экономическая изоляция приведут к усилению азиатского вектора российской политики. Также это приведет к росту доли Китая в азиатских странах постсоветского пространства, и сужению экономических элементов российского влияния.

Другой пример геополитической эволюции региона, можно привести на примере Таджикистана, как одного из государств региона. Постсоветское геополитическое пространство, как правило, является продуктом советской системы, где Москва стремится сохранить свое доминирующее положение. Сейчас, постсоветское геополитическое пространство переживает процесс «азиатизации». Китай усиливает свое геэкономическое влияние в регионе, Турция стала играть более активную роль в различных направлениях. Стоит отметить, что система безопасности Центральной Азии, в 1990-х гг. и к периоду начала 2020-х гг. значительным образом эволюционировала. В большей степени,

1990-е и 2000-е гг., характеризовались некоторой однополярностью. Российское влияние сужалось по инерции, и, пожалуй, пик российского влияния в Центральной Азии, пришелся на первую половину 2000-х гг. Это объясняется рядом факторов: во-первых, у власти все еще находились бывшие партийные функционеры; во-вторых, внешние державы, только наращивали свое влияние в регионе; в-третьих, еще только начинался процесс смены поколения. Согласно идее Ч. Краутхаммера, США пережили «однополярный момент», с 1990-х и до начала 2010-х гг. В данном случае, можно отметить, что у России был свой однополярный момент, который пришелся на тот же самый временной отрезок, но в рамках постсоветского пространства.

В целом, фактор «азиатизации» во внешней политике Таджикистана, можно разделить на два направления:

Первое, Иран. Таджикистан и Иран – два этнически родственных государства. Первоначально, в 1990-х и в 2000-х гг., Иран и Таджикистан поддерживали тесные отношения, что выражалось в процессе возрождения таджикского национального самосознания. Но, в сужении таджикско-иранских отношений, немаловажную роль сыграли два фактора: а) Иран – это страна с исламской политической системой. Для Таджикистана, точнее его бывшего коммунистического руководства, поддержка Ираном исламистских политических течений в Таджикистане, представляло угрозу для существования режима; б) фактор исторического разрыва, когда Таджикистан был под влиянием Москвы, т.е. несмотря на общую идентичность, фактор времени и выработанных связей с постсоветским геополитическим пространством, сыграл ключевую роль. В любом случае, социально-культурные нарративы постсоветского пространства все еще оказывают серьезное социально-политическое влияние.

Второе, Китай. С периода конца 2000-х гг., в Таджикистане усиливается китайское влияние. Китай стал ведущим торговым партнером и инвестором. Реализацией природных ископаемых занимаются преимущественно китайские компании. Разумеется, Китай не декларирует каких-либо открытых территориальных претензии к Таджикистану, но передача земель Китаю в 2011 г., а также последующее начало строительства военной инфраструктуры на таджикско-афганской границе (Ваханский коридор), привели к переосмыслению российско-таджикских отношений. По мнению ряда аналитиков, развитие китайских военных баз в Таджикистане входит в программу обеспечения безопасности Пояса и Пути [232]. Ваханский коридор занимает важное и стратегическое положение, в контексте китайской региональной стратегии: Китай намерен связать Афганистан с проектом СПЕС. Как отмечают американские эксперты, цели и задачи Пояса и Пути, это трансформация системы глобальной экономики [153, с. 105]. В данном случае, к примеру, нельзя исключать того, что экономические механизмы Пояса и Пути будут способствовать усилению таджикско-пакистанских экономических связей, и ослаблению российско-таджикских экономических отношений, на долгосрочный период. Здесь, как результат постсоветское пространство, переживает процесс «азиатизации». Геоэкономический потенциал Китая, и институционализация

китайского влияния, приводят к «повороту на Восток». Хотя, конечно же на обозримую перспективу социокультурные связи с Россией сохранятся, но на уровне «жесткой» безопасности, происходит переориентация на Восток, на Китай.

Третий фактор, это возвращение движения Талибан к власти в Афганистане. Талибан представляет с собой серьезную военную силу, которую Душанбе не может не игнорировать, что также вынуждает Таджикистан придерживаться политики балансирования. Таджикистан, в условиях «азиатизации» геополитики региона, наоборот стал тяготеть к России.

Для Таджикистана, ШОС остается приоритетной площадкой в качестве проводника безопасности, о чем заявил глава РТ – Э. Рахмон, на Совете глав государств-членов ШОС в июле 2024 г. [45].

Можно утверждать, что система отношений в ЦА стала носить биполярный характер, где именно Россия и Китай выступают в качестве двух ведущих игроков. Но, современная биполярность, измеряется в рамках процесса секьюритизации. Несмотря на предыдущий тезис о том, что ШОС обеспечивает поддержание рационального баланса сил, это в любом случае существовало в рамках европоцентрической системы российского «однополярного момента», и поэтому это в большей степени вписывается в пророссийскую систему безопасности. Усиление китайских геоэкономических механизмов, и институционализация китайского влияния, привели к тому, что Китай сформировался как полноценный геополитический игрок в регионе, т.е. можно сказать или отметить процесс «созревания».

Особенностью китайской внешней политики, стало то, что Китай сумел экстраполировать свои геоэкономические возможности на уровень военно-политического влияния. К примеру, где на саммите в Сиане, глава КНР – Си Цзиньпин предложил странам региона военно-техническую помощь, что также, по сути, говоря перекраивает систему архитектуры региональной безопасности.

Другой важный элемент, это внешняя политика Китая при Си Цзиньпине, которая характеризуется активным глобальным институциональным строительством. Здесь, можно будет привести два примера: первый, это заседание министров обороны стран ШОС совместно с их коллегами из СНГ. Второе, это расширение БРИКС. Что самое характерное, перспективы основных отношений между великими державами составлял формат двухсторонних отношений, но с момента усиления паттернов китайско-американского стратегического соперничества, это привело к двум ключевым моментам: первое, это глобальное китайское институциональное строительство; и второе, это усиление «процесса» азиатизации России, после 2022 г.

БРИКС как модель выступает в качестве глобального незападного института. Целью БРИКС в данном случае выступает выработка новой модели глобальной экономического порядка. Глава МИДа КНР – Ван И, в ходе своего выступления отметил важность «развития» [39] т.е. это формирование альтернативной модели западных институтов. Геополитическим ядром данного формата выступает российско-китайский механизм стратегического

партнерства, где стороны договорились продвигать незападные многосторонние институты [49].

Самаркандский саммит ШОС 2022 г., сыграл важную роль в укреплении институционализации китайского влияния в ЦА, и данный саммит, можно рассматривать как исторический процесс. Во-первых, в глаза бросается стиль главы КНР, который держался вполне уверенно, чувствуя себя хозяином положения. Во-вторых, на саммите была повторена приверженность, касательно духу ШОС. ШОС, подчеркивает свой статус ненаправленности против третьих стран, и это укрепляет формат региональной безопасности. Политической проблематикой региона стало то, что после весны 2022 г., в регионе усилились дестабилизирующие тенденции, и это не могло не отразиться на китайских интересах. В этом плане, ШОС отобразил значимость, как формата дипломатической платформы. В-третьих, Китай подписал ряд документов с Узбекистаном и Кыргызстаном, согласно которым согласовывались вопросы модернизации ж/д линий, соединяющей Китай-Кыргызстан-Узбекистан, и далее, идущую в Европу [51, с. 68].

Самаркандский саммит стал отражением роста геоэкономической составляющей в регионе. Так, глава РУ – Ш. Мирзиёев, в своем послании участникам церемонии, посвященной запуску строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан отметил следующее: «Ежегодные объёмы грузоперевозок по нашему коридору составят до 15 миллионов тонн. На несколько тысяч километров и почти на неделю сократятся расстояние и сроки доставки грузов из Китая в страны Европы. Появится возможность организации регулярных пассажирских перевозок. В перспективе сопряжение этой железнодорожной линии и Трансафганского коридора позволит эффективно соединить и усилить транспортно-коммуникационную взаимосвязанность Китая, Центральной и Южной Азии» [43].

В целом, сам саммит в Самарканде, стал знаковым событием, т.к. оно не отображает рутинных встреч, а отображает процесс усиления институционализации китайского влияния в регионе ЦА. ШОС зарекомендовала себя как дипломатическая платформа, для поддержания макрорегиональной стабильности. Другой значимый процесс институционализации китайского влияния, это визит главы КНР – Си Цзиньпина, после локдауна, вызванного пандемией КОВИД-19, именно в Центральноазиатский регион, сначала в Казахстан, и затем, в Узбекистан. Все это свидетельствует о том, что Евразия, евразийская стратегия Китая, занимает одно из ведущих положений в его глобальном институциональном строительстве [27].

Но, в целом, исторической значимостью Самаркандского саммита ШОС стало то, что геоэкономика оформилась в качестве ведущего и значимого механизма в рамках системы региональной безопасности в ЦА, в контексте китайского институционального строительства.

Перспективы встречи глав МО ШОС и СНГ, который имел место быть в Москве 9 декабря 2022 г., можно рассмотреть в контексте смены внешнеполитического вектора России на евразийском геополитическом

пространстве. В период существования «однополярного момента», период с 1991 по 2010 гг., Россия проводила институционализацию системы своей безопасности, основным вектором которых выступали ЕС и США, а на уровне институтов, НАТО и ОБСЕ. Пик отношений России и Запада был достигнут при Медведеве-Обаме, во время проведения Лиссабонского саммита НАТО, когда Обама заявил, что Россия более не представляет угрозы альянсу [223, с. 274]. Затем, в период после Евромайдана, процесс институционализации отношений России и Запада, в сфере безопасности затормозился, но тем не менее важные и составляющие элементы данной системы сохранились.

Но, события 2022 г., привели к деградации и распаду системы европейской безопасности, основанной на институтах. В данном случае, особенностью системы безопасности в Азии, заключается в том, что она в меньшей степени прошла процесс институционализации. Для России возникает логическая необходимость в увеличении контактов с азиатскими странами. К тому же, ряд самих российских экспертов утверждают о том, что Россия сама заинтересована в преобразовании ШОС в организацию с большим военно-политическим уклоном. В данном случае, укрепление российско-китайских военных связей, может выступать в качестве наиболее подходящего примера. Геополитической спецификой российско-китайских военных контактов является их механистичность. К примеру, термин «механистичности», можно сравнить с тезисом знаменитого российского синоведа Габуева А. касательно расширения ШОС в 2017 г., где физическое расширение организации, не приводит к ее качественному изменению. Как указывали эксперты, еще в 2000-х гг., изначальный спектр безопасности России и Китая, исходит из различных уровней. Расширение НАТО на Восток, не представляет стратегической угрозы Китаю, а американская политика в Восточной Азии, аналогично, не несет прямой угрозы России, за исключением некоторых косвенных моментов.

Механистичность российско-китайских военных учений заключается не во внешней экспансии, а в поддержании формата стратегического сотрудничества. На этот аргумент, можно сослаться на ряд китайских и российских авторов. Так, Чжао Хуашен, КОРТУНОВ и Тренин. Так, Чжао Хуашен и КОРТУНОВ ссылаются на гибкий формат российско-китайского стратегического партнерства. Тренин отмечает то, что Россия должна придерживаться политики равновесия.

В пользу данных доводов, можно привести ряд аргументов. Так, после войны 2022 г., и распада системы европейской безопасности, Россия занята реальным «поворотом на Восток», что требует от российского внешнеполитического руководства усиления контактов с азиатскими странами, в частности АСЕАН. Так, Министерство экономического развития РФ сообщает, что Россия и АСЕАН намерены подписать стратегическое партнерство до 2035 г. [233]. В данном случае, хотя Россия и Китай объявили о стратегическом партнерстве, но, тем не менее, Россия не высказывала каких-либо прямых прокитайских настроений касательно территориальных споров в Южно-Китайском море. Особенностью Южно-Китайского моря, в его геополитическом значении, выступает плюрализм участников. Для России, потеря экономических

связей с Европой, которые были наработаны за три десятилетия после окончания холодной войны, возникает необходимость в компенсации рынков сбыта, и соответственно в обновлении глобальных экономических связей. Особенностью российско-европейского регионализма, ключевую роль сыграл географический фактор, где географическая близость сыграла положительную роль в рамках становления российско-европейского энергетического сотрудничества. В рамках сотрудничества с АСЕАН, Россия сталкивается с географическими ограничениями. Поэтому, исходя из данного тезиса, у РФ существуют два варианта, осуществления торговли с со странами Юго-Восточной Азии. Первый, это через океан. Но тогда, Москва должна будет занять пропекинскую позицию касательно территориальных споров в ЮВА. Второе, это реализация торговых маршрутов через Китай, в рамках связки Дальнего Востока с ЮВА, через ВСИМ.

Но, в тоже время, участие российских ВМФ в совместных с НОАК ВМФ в Южно-Китайском море, может свидетельствовать о нарастании стратегического партнерства между сторонами. К примеру, в Южно-китайском море завершились совместные российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие – 2024» [46]. Целью совместных учений стало укрепление сотрудничества РФ и КНР, а также поддержание мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Всего было выполнено около 30 боевых упражнений, в том числе совместные артиллерийские стрельбы по морским, береговым и воздушным целям. Также военные отработали противолодочные действия, ведение морского боя, организацию противовоздушной обороны отряда кораблей, конвоирование судов и действия по поиску и спасению на море.

Поэтому, принимая во внимание специфичность китайско-российских военных отношений, а также текущей ситуации в Южно-Китайском море, то позиция России будет строиться на принципах «подстраивания», чем прямого балансирования. Таким образом, и дипломатически, и геополитически, российско-китайские военные учения сфокусированы преимущественно на Восточноазиатском направлении, т.е. они охватывают Корейский полуостров и Японию. Специфика безопасности в Восточной Азии, носит более гомогенный характер, т.к. и Япония и Южная Корея выступают в роли традиционных союзников США. Поэтому, основной спектр российско-китайских военно-морских учений будет приходиться на Восточную Азию.

Таким образом, для России возникает необходимость в усилении своей геополитической «социализации» в Азии, посредством расширения военно-политического и военно-технического сотрудничества. Военно-техническое сотрудничество является естественным продолжением геополитики, российско-индийские отношения выступают классическим примером. По мнению ряда российских экспертов, усиление индийско-американского партнерства в рамках QUAD, привело, к увеличению индийско-американского военно-технического сотрудничества, с переходом Индии на западные стандарты вооружений. Поэтому, для России еще раз актуализируется сфера военно-технического сотрудничества с Ираном и Китаем, а также другими азиатскими странами.

Саммит ШОС в Дели: перспективы и прогнозы. Лидеры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в июле 2023 г. провели онлайн-саммит, организованный Индией, чтобы расширить влияние евразийской группы за счет включения Ирана и открыть путь к членству для Беларуси.

На этом саммите ШОС, ожидалось принятие Ирана, как полноценной страны-члены организации. В данном случае, принятие Ирана играет важную роль, т.к. это поможет и России, и Китаю совместные либо по отдельности реализовывать экономические проекты. Стратегическая значимость Ирана, лежит в плоскости Каспийского моря и его стратегического выхода на Ближний Восток. Перспективы России будут заключаться в укреплении военно-политических отношений с Ираном, которые проявили свою актуальность еще в период кризиса начала января 2020г. Китайские перспективы лежат больше в плоскости реализации торгово-экономических и транспортно-логистических проектов с Ираном, и его дальнейшего выхода на Турцию. Поэтому, здесь цели Москвы и Пекина, почти что схожи друг с другом, где они могут оценивать потенциал ШОС вполне позитивно. Поэтому, нельзя исключать того, что на кратко и среднесрочную перспективы будут реализованы ряд проектов стратегического плана. Хотя эксперты скептически относятся к техническому расширению ШОС, но тем не менее, организация может стать локомотивом для дальнейшего экономического расширения КНР во внутренней Евразии, хотя данная прерогатива закреплена за ИПП.

Для Китая, актуальность членства Беларуси в ШОС, заключается в расширении незападных институтов, которым является ШОС. К примеру, ИПП преимущественно реализует проекты технико-экономического плана, в плане инвестиций и проектов, вокруг транспорта и логистики. Значимость расширения ШОС, можно рассматривать в контексте китайско-российско-американского баланса сил, а именно в то, что для Китая расширение ШОС, играет важную геополитически имиджевую роль. Так, в июле 2024 г., прошли китайско-белорусские военные учения, которые как некоторые эксперты рассматривают как сигнал для НАТО. Что самое примечательное, еще в 2000-х гг., Москва и Пекин были не согласны с принятием Минска в ШОС. Членство Беларуси в ШОС, отображает реальный стратегический сдвиг в евразийской динамике безопасности, аналогичной, которая была и с Ираном.

Поэтому, одновременно, можно отметить и институционализацию китайского влияния в Восточной Европе, в частности в Беларуси, и отчасти в некоторых бывших странах социалистического блока. Для таких участников, как Индия, Китай и Россия, ШОС остается площадкой, где стороны могут балансировать. Для Индии весьма важно сохранять дружеские и стабильные отношения, т.к. Россия тоже опасается Китая, даже если это будет на долгосрочную перспективу. Поэтому формат ШОС останется гибким, где актуальность военно-политических вопросов, поможет государствам-членам прибегать к ШОС как к дипломатической платформе. В контексте, таких малых стран как государства региона ЦА, или как Беларусь, или государство среднего уровня, как Иран, может идти процесс институционализации, но государства

уровня региональных держав, будут сохранять с собой политику и механизмы балансирования [28].

Для В. Путина саммит ШОС не играет столь значимой роли. Да, он получил некоторый имиджевый урон, но тем не менее, как политическая фигура, он принял участие. Для Индии и Китая, все-таки персона Путина останется важным фактором в плане принятия решений.

Как вывод, можно отметить, что принятие Ирана в ШОС, приведет к усилению китайского влияния на Ближнем Востоке, и начало принятия Беларуси в состав ШОС, должно затормозить процесс волны цветных революций.

Перспективы астанинского саммита ШОС, 3-4 июля 2024 г. Саммит мира по Украине, скрепил российско-китайский альянс. Это говорит о том, что стороны будут поддерживать общую внешнеполитическую линию по ряду вопросов. Несмотря на то, что в КПК присутствует доля определено проамерикански настроенных лиц, т.е. тех фигур, которые выступают против явной конфронтации с США, то создание российско-китайского альянса, это уже победа сторонников жесткой линий. Т.е. если раньше, Китай придерживался политики лавирования, то на данный момент, идет формирование российско-китайского альянса, идея, которая даже не находила поддержки со стороны самих китайских и российских политико-академических кругов.

Для Китая, существует другая инициатива, в виде вступления Беларуси в ШОС. Вступление Беларуси в ШОС, играет для Китая, важную роль, т.к. усиливает «присутствие» Китая на европейском континенте. На это также повлияло усиление конфронтационных тенденций, в данном случае, это усиление военного компонента в Индо-Тихоокеанском регионе. Для Китая, вступление Беларуси в ШОС, будет играть важную идейную роль. Технически, это должно закрепить функциональность Пояса и Пути, т.е. здесь, можно наблюдать корреляцию между ШОС и Поясом и Пути. Идеологически, географическое расположение Беларуси в Европе, будет отображать для Китая его имперский статус. Т.е. вступление Беларуси в ШОС, это не просто событие административно-бюрократического плана, но и оно может быть воспринято, как своеобразное «окно» в Европу. Актуальность, вступления Беларуси в Европу, заключается в том, что Пекин может бросить вызов европо-центрическому порядку.

Саммит ШОС, также отображает процесс институционализации китайского влияния в регионе. Психологической, а также медийной особенностью саммита, стало то, что саммит можно воспринимать как больше казахстанско-китайский двухсторонний саммит, т.к. в медийном формате отображается большое количество китайских или совместных проектов. В данном случае, обращает на себя два фактора: первый, это то, что в медийном пространстве идет яркое освещение совместных казахстанско-китайских проектов, второе, это освещение визита Си в Казахстан. По сути говоря, визит главы КНР находился в центре внимания, чем глав других государств [97].

ШОС выступает в качестве проводника институционализации китайского влияния, но на идейно-идеологическом уровне. Принятие новых 26 документов,

показывает формирование новых норм в международных отношениях, т.е. в данном случае, региональных. Пояс и Путь, выступает как технический фактор институционализации китайского влияния, ШОС же, выводит идеологическую платформу. Это говорит о том, что организация сохранит свое гибкое состояние в качестве определения региональных повесток [97].

Вступление Беларуси в ШОС, также подчеркивает идентичность организации. В данном случае, членство Беларуси в ШОС, может быть воспринято, как будущий опыт для Афганистана. И по своим размерам, обе страны, как раз подпадают под определение «средних держав». «Державами» их назвать нельзя, но, они обладают определенным геостратегическим потенциалом для формирования региональной геополитики и стратегии. В случае с Беларусью, ситуация проходит гладко, т.к. нет возражений со стороны Москвы и Пекина. В случае, с Афганистаном, ситуация, может носить весьма специфический характер, т.к. Афганистан вовлечен в стратегический треугольник противостояния Кабул-Дели-Исламабад. Но, в любом случае, вступление Беларуси в ШОС, начинает подчеркивать ее универсалистский характер [29].

Однако, несмотря на усиление геополитической составляющей в рамках, к примеру, глава Узбекистана – Ш. Мирзиёев отметил важность реализации экономических проектов внутри ШОС, в ходе своего выступления на саммите организации в июле 2024 г. [44].

Другое значимое событие, это визит Генсека ООН играет важную роль, т.к. в данном отношении, ШОС продвигает повестку «демократического мира», т.е. новой формы многополярности. В этом плане, ШОС будет поддерживать ООН, как значимый международный институт. Присутствие и участие Генсека ООН, как видной политической фигуры, хотя и формального характера, подчеркивает значимость политического процесса, и его участников. Для К.Ж. Токаева, это процесс его политической легитимации, реальной легитимации, а не формальной, которая была после отставки первого президента РК – Н. Назарбаева. Для динамики политических процессов, это признание того, что политические процессы в Азии, носят серьезный характер и имеют широкое влияние на международной арене. Такое было сложно представить еще в 2000-х гг., но с учетом секьюритизации Азии в мировых делах, визит главы ООН, только подтверждает данный процесс [97].

3.2 Роль Инициативы «Пояс и Путь» в процессе секьюритизации и институционализации китайского влияния

Инициатива Китая «Один пояс, один путь» (ОПОП). Инициатива организации международного сотрудничества «Шелковый путь» выдвинутое в 2010 годах Китайской Народной Республикой (КНР) призвана стать возрождением Великого Шёлкового пути в современных реалиях и соединить разные концы Евразии транспортными коридорами.

Новый шёлковый путь (НШП, также Евразийский сухопутный мост) — концепция новой пан евразийской (в перспективе — межконтинентальной) транспортной системы, продвигаемой Китаем, в

сотрудничестве с Казахстаном, Россией и другими странами, для перемещения грузов и пассажиров по суше из Китая в страны Европы.

Транспортный маршрут включает трансконтинентальную железную дорогу — Транссибирскую магистраль, которая проходит через Россию и второй Евразийский континентальный мост, проходящий через Казахстан. Поезда по этому самому длинному в мире грузовому железнодорожному маршруту из Китая в Германию будут идти 15 дней, что в 2 раза быстрее, чем по морскому маршруту через Суэцкий канал.

Китай продвигает проект «Нового шёлкового пути» как масштабное преобразование всей торгово-экономической модели Евразии, и в первую очередь — Центральной и Средней Азии. Китайцы называют эту концепцию — «один пояс — один путь». Она включает в себя множество инфраструктурных проектов, которые должны в итоге опоясать всю планету. Проект всемирной системы транспортных коридоров соединяет Австралию и Индонезию, всю Центральную и Восточную Азию, Ближний Восток, Европу, Африку и через Латинскую Америку выходит к США. Среди проектов в рамках НШП планируются железные дороги и шоссе, морские и воздушные пути, трубопроводы и линии электропередач, и вся сопутствующая инфраструктура. По самым скромным оценкам, НШП втянет в свою орбиту 4,4 миллиарда человек — более половины населения Земли.

Эта глобальная стратегия, включающая проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века», предполагает создание обширной инфраструктурной сети по пути от западных границ Китая через страны Центральной Азии и Иран в Европу.

Реализация проекта строительства транспортной инфраструктуры (железных и автодорог, трубопроводов, портов) должна привести к существенному росту внутри евразийской торговли и к интенсификации экономического развития огромных внутренних территорий Евразии, а также и стран Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки, куда должен будет дойти «Новый шёлковый путь» (хотя бы в его морской составляющей).

В рамках проекта «Экономического пояса Шёлкового пути» рассматривается создание трёх транс евразийских экономических коридоров: северного (Китай — Центральная Азия — Россия — Европа), центрального (Китай — Центральная и Передняя Азия — Персидский залив и Средиземное море) и южного (Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия — Индийский океан). Морской Шёлковый путь XXI века» включает в себя создание двух морских маршрутов: один маршрут ведёт из побережья Китая через Южно-Китайское море в Южно-Тихоокеанский регион; другой предусматривает соединение приморских районов Китая и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан.

Весной 2015 года для реализации проекта был создан инвестиционный фонд Silk Road Company, и было выделено 40 млрд. долларов. В дальнейшем предполагается многократное увеличение этой суммы и участие в финансировании проекта исламских и европейских стран. Ранее, в октябре 2014

года, китайцами был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) — международный инвестиционный банк, который в СМИ называют конкурентом МВФ и Всемирного банка. К маю 2015 года в АБИИ уже состояли почти 60 стран — большинство стран Азии и все ключевые страны Европы.

Предполагаемое расширение Евразийского сухопутного моста включает в себя строительство железнодорожных путей от трансконтинентальных линий в Иран, Индию, Мьянму, Таиланд, Пакистан, Непал, Афганистан и Малайзию, в другие регионы Юго-Восточной Азии и Закавказья (Азербайджан, Грузия). Маршрут включает тоннель Мармарай под проливом Босфор, паромные переправы через Каспийское море (Азербайджан-Иран-Туркменистан-Казахстан) и коридор Север-Юг. Организация Объединённых Наций предложила дальнейшее расширение Евразийского сухопутного моста, в том числе проекта *Трансазиатской железной дороги* (фактически существует уже в 2 вариантах). Для развития инфраструктурных проектов в странах вдоль Нового шёлкового пути и Морского Шёлкового пути и с целью содействия сбыту китайской продукции в декабре 2014 года был создан инвестиционный Фонд Шёлкового пути.

8 мая 2015 года было подписано совместное заявление Президента РФ В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина о сотрудничестве России и Китая, в рамках ЕАЭС и транс евразийского торгово-инфраструктурного проекта экономического пояса «Шёлковый путь». 13 июня 2015 года был запущен самый длинный в мире грузовой железнодорожный маршрут Харбин — Гамбург (Германия), через территорию России. Автомобильный транзит грузов через Иран демонстрирует значительный рост с 2021 года [44].

Спустя почти 10 лет со дня объявления Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином о создании инициативы «Один пояс и один путь», она стала грандиозным проектом, охватывающим большую часть Евразии. Сегодня «Один пояс и один путь», как когда-то в древности Великий Шёлковый путь, объединяет 148 стран и 31 международную организацию, таким образом, соединяя как развитые и развивающиеся страны, так и страны с «новой экономикой».

На территории этого мега проекта проживает 63% населения планеты, здесь сосредоточены богатые запасы ресурсов, а предположительный экономический масштаб составляет 21 трлн. долларов США.

Суть концепции «Один пояс и один путь» заключается в "пяти связующих элементах" - политическое согласование, единая инфраструктурная сеть, беспрепятственные торговые связи, свободные валютно-финансовые потоки, дружба и взаимопонимание между народами. На этой основе предполагается продвижение делового сотрудничества, способствование политическому взаимодоверию, экономической интеграции, культурной толерантности.

С политической точки зрения проект «Один пояс и один путь» несомненно, является выгодным как для КНР, так и для стран Европейского союза. В нынешней мировой политической обстановке Китай выступает гарантом

стабильности и процветания, в связи с чем данный проект встречает сопротивление со стороны США и их союзников в Азии: Японии, Южной Кореи и Филиппин. Новая политика США по отношению к КНР, включая повышения пошлин на ввозимые в США товары китайского производства, вызывают контрмеры от Китайского правительства в виде ответного повышения пошлин на американские товары. В этой ситуации данный проект Нового Шелкового пути поможет Китаю нарастить преимущества на евразийском рынке и вытеснить оттуда США и их стратегических партнеров [99, с. 22-31]. «Один пояс, один путь» — это глобальный экономический проект Китая.

Казахстан в проекте «Один пояс, один путь» занимает одну из ключевых позиций. Казахстан, как государство, через которое проходят основные артерии «Нового шёлкового пути» преследует следующие интересы:

Казахстану важно встроиться в транс евразийские транспортные коридоры, таким образом, упрочив своё положение как основной транзитной страны. Казахстан должен стать основным «евразийским мостом» между странами Востока и Запада.

Участие Казахстана в транзитных перевозках позволяет поддерживать и развивать малонаселённые и удалённые регионы страны.

Участие Казахстана в таком международном проекте, в котором принимают участие множество стран и крупных зарубежных инвесторов увеличивает их заинтересованность в территориальной целостности и устойчивости транзитной страны, тем самым повышая безопасность Казахстана от потенциальных внешних угроз.

Географическое положение Казахстана является одним из ключевых факторов, повлиявших на определение направления, в котором страна движется в области экономики и политики. Находясь в самом центре Евразийского континента, Казахстан имеет большой потенциал для становления континентальным мостом между Европой и Азией, западом и востоком. Казахстан, находясь в среднеазиатском регионе, исторически имел связи с крупными евразийскими империями: Россией, Китаем и с ведущими странами Южной Азии и Ближнего Востока. Также, благодаря большой площади страны, общей границы с Китаем и Россией, а также благодаря доступу к Каспийскому морю, Казахстан на сегодняшний день является ведущим игроком в Центральной Азии.

Для Казахстана данный проект является выгодным как с экономической, так и с геополитической точки зрения. Не имея выхода к морю, наша страна должна наращивать сотрудничество с соседями - Россией, Китаем и Ираном, которые являются ведущими экономиками мира. Именно поэтому Казахстан столь заинтересован в проекте «Один пояс и один путь». На данный момент наша страна уже находится в Евразийском экономическом союзе. Китайская сторона также выразила интерес в сотрудничестве между уже существующими евразийскими проектами. Это позволит иметь менее затратный выход китайских товаров на рынок Евросоюза [100, с. 52-61].

В этой связи перед Казахстаном стоит цель максимальной оптимизации транспортной инфраструктуры страны. На данный момент через территорию Казахстана проходят несколько международных автомобильных, железнодорожных и трубопроводных коридоров (ТРАСЕКА, Западная Европа-Западный Китай). По программе Экономического пояса Шелкового пути планируется состыковка данных коридоров с магистралями и железными дорогами Китая. Для Казахстана это, несомненно, важнейший проект, который в долгосрочной перспективе позволит модернизировать экономику и политические отношения с соседними странами, а также стать главным транспортно-логистическим хабом Евразии.

Это потребует от Казахстана наличия современной транспортной инфраструктуры. Разработка и улучшение транспортной инфраструктуры страны является одной из главных задач, стоящих перед Казахстаном. Для Казахстана выделяется ряд преимуществ этой стратегии, к ним можно отнести:

- преимущество концепции развития. Подразумевается, что в отличие от российских и американских геополитических проектов, китайский открыт для большого количества стран и несет существенные выгоды;

- географическое преимущество, поскольку сам Казахстан в силу соседства нуждается в развитии транспортно-логистической инфраструктуры;

- преимущество традиций, так как Шелковый путь в силу исторических аналогий воспринимается руководством страны положительно;

- помощь стран Кавказского региона, которые также надеются на реализацию китайского проекта с их участием. Прежде всего, имеются в виду ожидания по «морской ветке» Экономического пояса Шелкового пути через порт Актау, с которым уже соединена качественная сухопутная инфраструктура, а также идет активное строительство веток для расширения возможностей.

- финансовое преимущество, за счет которого Китай сможет активно участвовать в транспортных проектах, вкладывая средства, тем самым закрепляя свою долю во владении. Здесь, собственно, важно даже не само наличие финансов, а создание ситуации, когда Казахстан будет зависеть от новых потоков финансирования [99].

Китайское участие в Казахстане. КНР активно инвестирует в экономику Казахстана и по-прежнему является главным стратегическим партнером страны, наряду с Российской Федерацией. В период с 2015 по 2018 годы были реализованы 12 совместных казахстанско-китайских проектов на общую сумму в \$3,8 млрд. Китайская сторона заинтересована в реализации данного проекта в Казахстане. Отношения Казахстана и Китая носят стратегический характер, что подтверждено рядом соглашений: Совместной декларацией о развитии всестороннего стратегического партнерства между Китайской Народной республикой и Республикой Казахстан от 13 июня 2011 года и Совместной декларацией Китайской Народной Республики и Республики Казахстан о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства от 7 сентября 2013 года [17].

Страны поддерживают инициативы друг друга на всех международных площадках, в числе которых СБ ООН, ШОС, СВМДА. Казахстан первым поддержал инициативу китайского лидера по налаживанию Экономического пояса Шелкового пути, а также создание новых политических и экономических институтов взаимодействия и трансформации международного порядка. Казахстан одним из первых инициировал собственную национальную программу «Нурлы Жол» для состыковки ее с инициативой Экономического пояса Шелкового пути.

В Казахстане проводятся практические мероприятия по реализации инициативы «Один пояс – Один путь». Завершено строительство автомобильной магистрали «Западный Китай - Западная Европа», построены и введены в эксплуатацию современные ТЛЦ класса А, идет работа по созданию крупного регионального хаба по консолидации и дистрибуции грузопотоков между Азией и Европой, на Каспии функционируют морской порт Актау и порт Курык, на границе Казахстана и Китая работает контрольно-пропускной пункт «Нур Жолы» нового формата.

В декабре 2015 года главы Правительств Республики Казахстан и Китайской Народной Республики подписали Совместное коммюнике, в котором была отмечена необходимость начала работы по составлению Плана сотрудничества по сопряжению Новой Экономической Политики «Нурлы жол» и строительства ЭПШП. За минувшие годы Казахстан и Китай проделали огромную работу по разработке и практической реализации этого Совместного плана.

Важным этапом на пути сопряжения Нурлы жол и ЭПШП стал государственный визит Президента Н.А.Назарбаева в Китайскую Народную Республику, а также его участие в 18-м Саммите глав государств Шанхайской Организации Сотрудничества в г. Циндао (9-10 июня 2018 г.).

В целом, по данным Президента Н.А.Назарбаева, за годы независимости РК Китай инвестировал в казахстанскую экономику более \$16 млрд. В Казахстане успешно развивают свой бизнес такие известные китайские компании, как CNPC, CGNPC, CITIC. В Казахстане работает также более 1200 компаний с участием китайского капитала (55).

Всего с 2013 по 2020 год в рамках инициативы One Belt One Road Китай инвестировал в Казахстан порядка \$18,5 млрд, из которых \$3,8 млрд были направлены в транспортный сектор. По данным некоторых источников, инвестиции в Казахстан составили более \$70 млрд или около 80% от всех китайских инвестиций в регион [45].

В Казахстане на сегодня внедрен транспортно-логистический сервис с открытием железнодорожных регулярных контейнерных линий Китай-Европа-Китай на международных маршрутах с основных точек консолидации грузопотоков Китая. В целях развития торгово-экономического сотрудничества в регионе, а также транспортно-логистического потенциала страны на границе с Китаем создана СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота», состоящая из казахстанской и китайской частей, расположенных на приграничных сопредельных территориях двух государств. В инфраструктуру СЭЗ наряду с индустриальной

и логистической зонами также входит Сухой порт, который был запущен в 2015 году для консолидации и дистрибуции грузов на востоке страны. В 2014 году в порту Ляньюньган был создан совместный с китайскими партнерами логистический терминал, который на сегодняшний день является основным пунктом консолидации грузопотоков в/из Казахстана. Казахстан привлекателен и выгоден для транзита, государством делается все возможное для эффективного и быстрого прохождения груза через нашу инфраструктуру, а именно ее модернизация, строительство новых линии и дорог, внедрение новых технологии и повышение качества предоставляемых услуг. Для решения проблемных вопросов в транспортно-логистической сфере СТК «KAZLOGISTICS» предлагает ускорить вопрос по переходу на электронные бланки разрешения, увеличить транзитно-транспортный грузопоток, организовать логистические центры для развития судоходства на трансграничной реке Иртыш, содействовать возврату простаивающих казахстанских вагонов и вступлению в силу Соглашения о судоходстве [232].

Строительство Экономического пояса Шелкового пути предполагается не только в транспортно-логистической отрасли, но и в несырьевых отраслях экономики. Главная задача этого проекта, заявляемая Китаем - организовать слияние региональных экономик на политическом и юридическом уровне. Пассажирские перевозки также считаются важной отраслью для китайской стороны. Так, планируется создать железнодорожную инфраструктуру, позволяющую запускать пассажирские линии от г. Урумчи до городов Алматы, Бишкек, Нур-Султан. В планах китайской стороны также запустить пассажирские поезда, соединяющие западные районы Российской Федерации с западными районами КНР.

Еще одно направление, которое также может поспособствовать расширению сотрудничества между Казахстаном и Китаем в рамках реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути - крупные водные и экологические проекты, необходимость в которых ощущается как в Китае, так и в центральноазиатском регионе. Кроме того, именно в области экологии открываются перспективы для создания механизма научно-технических достижений в производство. Здесь же в качестве отдельного направления можно говорить и о практической реализации идеи создания энергетического клуба, а в перспективе - формирования единого энергетического пространства в Азиатском регионе [99, с. 22-31].

Помимо этого, идет активная работа по сопряжению «Одного пояса и одного пути» и Евразийского экономического союза, которая стартовала после подписания «Совместного заявления от 8 мая 2015 года о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса проекта Шелкового пути.

Через территорию Казахстана проходят несколько маршрутов Нового Шелкового пути. Центральный коридор Экономического пояса Шелкового пути: Ляньюньгань - Урумчи - Достык/Хоргос - Астана - Актобе - Казань - Москва - Минск -Брест. На сегодня данная сухопутная магистраль считается самой

короткой магистралью, соединяющей Китай и Европу. Преимуществом данного коридора, помимо уменьшенного времени составов в пути, является прохождение большей части пути в одной транзитной зоне - Евразийском Экономическом союзе. Наличие современного перегрузочного пункта с большой пропускной способностью на границе Казахстана и Китая - станции Хоргос позволит уменьшить затрачиваемое время на перестановку вагонов на другую колею. Далее состав проходит через территорию Казахстана, России и Беларуси в одной таможенной зоне. Маршрут продолжается до перегрузочного пункта в городе Брест, на границе с Польшей, где состав переставляется на европейскую колею и попадает на европейский рынок. На данный момент этот маршрут рассматривается как самый оптимальный маршрут в проекте Нового Шелкового Пути;

- Южный коридор Экономического пояса Шелкового пути: Ляньюньгань - Урумчи - Хоргос - Алматы - Бишкек - Шымкент - Ташкент - Тегеран -

Стамбул. Данный маршрут позволяет соединить портовые города восточного Китая и города Средней Азии с последующим выходом к Черному морю. Данный маршрут считается более быстрым для прохождения составов с конечным пунктом в Черном и Средиземном море, по сравнению с традиционным маршрутом через Индийский океан и Суэцкий канал. Также данный путь расширит сотрудничество Ирана и Китая в сфере добычи и распределения энергоресурсов в регионе, что позволит обеспечить слаборазвитый запад Китая необходимыми сырьевыми ресурсами из Центральной Азии и энергетическими ресурсами из Ирана;

- проект ТРАСЕКА, который объединяет страны Центральной Азии, Закавказья и Восточной Европы планируется интегрировать в Экономический пояс Шелкового пути. Железнодорожная магистраль из Западного Китая, проходя через Хоргос, до Морского порта Актау на данный момент практически введена в эксплуатацию. Далее, в порту Актау составы перегружаются на суда, откуда они плывут в азербайджанский порт Баку. Из Баку состав движется к побережью Черного моря в Грузии. В портах Грузии (Батуми, Потри) суда плывут к турецким портам, откуда они далее могут направляться в Европу по скоростным магистралям, а также в украинские порты на Черном море; Проект ТРАСЕКА изначально встречал сопротивление России, так как шел в обход ее территории. Однако к проекту присоединились, помимо стран Закавказья и Центральной Азии, также, Молдавия, Украина, Монголия, Турция, Румыния, Болгария и Иран. Данный проект считается одним из крупнейших проектов в сфере взаимодействия видов транспорта. Высокие логистические издержки интермодальных перевозок по плану должны быть устранены путем использования одного провозного документа на всем пути маршрута.

- скоростная автомагистраль «Западная Европа - Западный Китай». Данный транспортный коридор проходит через территорию Казахстана, соединяя Санкт-Петербург на северо-западе и порт Ляньюньгань на востоке. Протяженность данной магистрали составляет 8445 км. Китайская часть дороги уже построена. Казахстанская часть готова к эксплуатации и ожидается ее открытие в начале

2020-х гг. Однако Российская сторона все еще не закончила свою часть пути, и ожидается запуск данной автомагистрали до 2030 года;

- также к прочим проектам и маршрутам можно отнести проект «Север-Юг», который выступает альтернативным маршрутом для прохождения грузов из Северной и Западной Европы в страны Южной Азии. В данном проекте принимают участие Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран. Суть его заключается в организации маршрута из Санкт-Петербурга до Тегерана и дальше к персидским портам в Индийском океане. Планируется активное использование Каспийских портов. Согласно плану, этот маршрут позволит значительно сократить время в пути, по сравнению с нынешним маршрутом, проходящим через Суэцкий канал.

Данные сухопутные маршруты являются принципиальными магистралями, соединяющими Евросоюз и высокоразвитые районы Китая. Это связано с особенностями географического района Центральной Азии, политическими и экономическими составляющими стран данного региона, а также сокращение времени перевозки грузов в Евразии по направлению Восток-Запад и наоборот. Благодаря данным особенностям Казахстан является главной транзитной областью между Китаем и Европой, также благодаря стабильной политической ситуации в стране и партнерских отношениях Казахстана, как с Китаем, так и с другими соседями (Россия, Закавказье, Центральная Азия). Возможность экономического сотрудничества и расширения на территории Казахстана, существующая транспортная база и логистическая сеть в стране, также положительно влияют на развитие проекта «Один пояс и один путь» в Казахстане [107].

Особенностью Пояса и Пути стало сопряжение внешней и внутренней политики, виде ИПП и государственной программы «Нурлы Жол». Развитие данной программы позволило включить такие аспекты как развитие двусторонней торговли; ускоренное расширение и модернизация инфраструктуры; развитие сотрудничества в сфере производственной деятельности; углубление взаимодействия в финансовой сфере.

Революционная сущность Пояса и Пути заключается в его континентальной ориентированности. Сухопутные страны, не имеющие выхода к морю, в той или иной степени испытывали проблемы с экономическим ростом, который географически ориентирован на «внутренний полумесяц». Введение Пояса и Пути, должно наоборот стимулировать экономический рост в ЦА [107].

Как заключение можно отметить, что проект «Один пояс и один путь» является глобальным экономическим и политическим проектом. В нем участвуют более 120 стран мира. При этом Казахстану отводится важная роль в данной инициативе. Играя главную роль в проекте Экономического пояса Шелкового пути, Казахстан четко отслеживает вероятные положительные и отрицательные эффекты данного проекта для Республики Казахстан.

Главным положительным результатом реализации проекта «Один пояс и один путь» для Казахстана является превращение страны в крупный транспортно-логистический хаб на Евразийском континенте. В рамках этого

можно заявить, что все дороги ведут в Казахстан. Через территорию страны проходят три коридора Нового Шелкового пути, а также коридор ТРАСЕКА, маршрут проекта «Север-Юг». Уникальное географическое положение и разумная политика позволят Казахстану занять важную нишу в области международной логистики. Активное развитие транспортной инфраструктуры и способствование оптимизации технического обеспечения объектов инфраструктуры позволяет Казахстану встать на путь расширения экономики в мировом масштабе.

Несмотря на невозможность реализации подобного проекта без значительных рисков, Казахстан уверенно чувствует себя в этой новой экономической реальности. Наша страна является ключевым участником данного проекта, положительные эффекты значительно перевешивают негативные, а возможность реализации огромного транзитного потенциала Казахстана позволяет считать проект «Один пояс и один путь» важнейшим проектом для современной истории Республики Казахстан.

Активизацию сотрудничества с Китаем по программе «Один пояс — один путь» предлагает Казахстан. Об этом заявил президент республики Касым-Жомарт Токаев на онлайн-саммите глав государств Центральной Азии и КНР 25 января 2022 года.

«В условиях затяжной пандемии свою высокую востребованность показала инициатива „Пояса и пути“ („Один пояс — один путь“). Весь мир почувствовал на себе практическую отдачу от этого грандиозного проекта. Считаю важным активизировать совместную работу по дальнейшему строительству „Пояса и пути“, в том числе через реализацию крупных проектов с высокой добавленной стоимостью», — заявил Токаев [41].

Президент республики пояснил, что главным образом это касается сфер цифровизации, зеленых технологий и инноваций, отметив отрасли, где успехи Китая наиболее очевидны. Он также подчеркнул значимую роль Казахстана в реализации китайского транспортно-логистического проекта.

«При этом Казахстан, являющийся ключевым звеном „Пояса и пути“, всецело поддерживает заявленные лидером Китая обновленные критерии сотрудничества — высокие стандарты проектов, долгосрочность и социальную направленность» отметил президент Республики Казахстан К.Токаев [41].

Если говорить о последних итогах реализации инициативы «Один пояс и один путь», то можно выделить следующее. К концу прошлого года Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве в рамках «пояса и пути» со 147 странами и 32 международными организациями. В 2021 году товарооборот Китая со странами, поддерживающими инициативу, составил \$1,823 трлн. (рост, по сравнению с предыдущим годом, 23,6%), что составляет 29,7% от общего объема внешней торговли Китая. Реализация инициативы подразумевает создание новых форматов внешней торговли, в частности трансграничной электронной торговли, для чего в прошлом году была создана интеллектуальная логистическая платформа «Зарубежный складской онлайн-сервис». Число грузовых железнодорожных перевозок по маршруту Китай — ЕС в 2021 году

составило 15 тыс. раз (рост — 22%), объем грузопотока достиг 1,46 млн. 20-футовых контейнеров (рост — 29%). В течение года китайские прямые инвестиции в страны, входящие в «пояс», составили \$21,8 млрд (рост за год — 7,9%). Компании из этих стран также наращивали прямые инвестиции в Китай, их общий объем достиг \$11,25 млрд. Строительство инфраструктурных объектов активно продвигалось — китайские компании оказали подрядные услуги на сумму \$91 млрд, что составляет 57,9% от общего объема подрядных проектов, реализованных Китаем за рубежом в прошлом году [235].

Был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов, построены железная дорога в Кении по маршруту Найроби — Момбаса, железная дорога из Китая в Лаос, железная дорога из Эфиопии в Джибути и Международный логистический порт Китай — Казахстан.

Созданы восемь новых рабочих групп по упрощению процедур торговли по двустороннему инвестиционному сотрудничеству с соответствующими странами, подписаны меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области электронной торговли с Сенегалом, меморандум о взаимопонимании по инвестиционному сотрудничеству в области экологии и цифровой экономики с Венгрией, Россией и другими странами.

Успешно проведен ряд крупных выставок: Китайская международная торговая ярмарка, Гуанчжоуская ярмарка, Ярмарка услуг и торговли, Выставка «Китай — АСЕАН», Торгово-экономическая выставка «Китай — Африка» и другие мероприятия. Китай будет стимулировать сопряжение стратегий и программ развития с зарубежными странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Об этом на открывшейся первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва заявил Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян [236].

Политические аспекты институционализации в рамках ИПП. Хотя Пояс и Путь выступают в качестве технического средства институционализации влияния, тем не менее ИПП играет немаловажную роль в политическом становлении китайского влияния, особенно в мире. Основным направлением Пояса и Пути выступает Евразия и Африка, как отметил американский исследователь Китая, Роберт Дэйли, обозначив ИПП в качестве «афро-евразийского проекта» [237]. Но, из-за глобального смещения баланса сил, это привело к усилению китайско-российского взаимодействия, и большего вовлечения России в дела Азии, после 2022 г. Данные стратегические трансформации были отображены на традиционном Третьем Форуме Пояса и Пути, который проходил в октябре 2023 г., где российско-китайские контакты стали центральным моментом, или одним из центральных моментов Форума.

Таким образом, мы видим, что сужение поля для дипломатических маневров, привели к тому, что для России, начался процесс «азиатизации», т.е. усиления российско-китайского стратегического взаимодействия. На полях саммита в Пекине, прошла встреча глав КНР и РФ, Си Цзиньпина и В. Путина, 17 октября. Помимо встреч со своим китайским коллегой, В. Путин встретился с президентами Монголии, Лаоса, Вьетнама и премьер-министрами Таиланда и

Пакистана, что также указывает на процесс «азиатизации» в российской внешней политике и геополитике. В целом, сам форум обозначил формирование новых тенденций, в рамках российско-китайского стратегического взаимодействия:

– В рамках региона Центральной Азии, которая Россия считает своей традиционной орбитой влияния, можно отметить, что китайская сторона, не будет открыто заявлять о своих правах на регион. Усиление китайского влияния на регион ЦА, может быть осуществлено посредством скрытой военной помощи Китая России. Это может стать частью кулуарных договоренностей, о поддержке Москвой региональных инициатив Пекина.

В данном случае, мы можем наблюдать, процесс снижения российского влияния в регионе, по мере принятия Москвой условия Пекина;

– Другой стратегический момент, обращает на себя внимание тот факт, что Путин встречается с главами Монголии, Лаоса, Вьетнама, Таиланда и Пакистана. С одной стороны, это является отражением дипломатической изоляции РФ, на фоне российско-украинской войны, с другой стороны, это возможность встретиться с главами других государств. Но, в тоже время, обращает на себя внимание то, что Путин проводит встречу с главами таких стран как Вьетнам и Пакистан. В случае с Вьетнамом, как давний союзник России, в случае с Пакистаном, это носит несколько иной характер. На данный момент, мы наблюдаем усиление сотрудничества Казахстана, Узбекистана, и России с Пакистаном. Это, может свидетельствовать о долгосрочной китайской стратегии по изменению системы региональной торговли. В случае, двухсторонних встреч, вне Форума Инициативы Пояса и Пути, это может подорвать имидж стран, где будет проходить встреча Путина с главами других государств, но встреча на нейтральной территории, служит смягчающим фактором. В данном случае, это может быть определенным дипломатическим козырем Пекина перед Москвой, что ставит Москву в зависимое положение от Пекина;

– В случае успешной реализации, торгово-экономических проектов технического плана, в рамках Пояса и Пути, то Пакистан может стать торговым хабом между южной и северными частями глобального Юга. Хотя эксперты и отмечают, что в данном случае, пакистанская экономика, наоборот, сталкивается с серьезными проблемами, тем не менее, это не умоляет стратегической значимости этой страны;

Институциональные особенности. Как отмечалось выше, особенностью данного форума стало то, что нынешняя встреча проходит в условиях возросшей геостратегической неопределенности. В данном случае, стоит отметить, что это имеет определенный эффект воздействия на процесс институционализации китайского влияния. Процесс институционализации китайского влияния, можно сравнить с историческим примером, формирования американской гегемонии. Процесс институционализации китайского влияния, имеет также и свои важные стратегические аспекты, которые можно оценивать в историческом контексте. В данном случае, можно провести параллели с формированием американской гегемонии во время холодной войны. Формирование американской гегемонии шло в трех основных географических областях: Северная Америка, Западная

Европа и Восточная Азия. Система альянсов создала предпосылки к экономической кооперации, скрепленной системой внешнеполитических союзов и внутривластной организацией демократических институтов. Институционализация китайского влияния происходит несколько в иных стратегических условиях. Институционализацию китайского влияния, в целом, можно разделить по трем основным географическим направлениям:

- Южная Азия
- Центральная Азия
- Россия

В данном случае, институционализация китайского влияния в каждом из данных регионов, происходила в трех временных измерениях, где для Южной Азии* (Южная Азия, или шире регион Индийского океана выступает как классический пример институционализации китайского влияния), характерен период 1990-х и 2000-х гг. Для Центральной Азии, это 2000-е и 2010-е гг., и Россия уже в пост-ковидный период.

Основной особенностью политики Китая, при двух предыдущих председателях КПК – Цзянь Цзэмине и Ху Цзиньтао стало то, что Китай проводил более сбалансированную политику, и аспекты военного, а также институционального плана не играли в ней существенной роли. Хотя эксперты акцентируют внимание на периоде Си Цзиньпина, где Китай занялся активным институциональным строительством, но, тем не менее, реальные сдвиги начались еще в период Ху Цзиньтао [238], когда Китай аккумулировал значительную национальную мощь.

В 2000-е гг., Китай значительным образом аккумулировал экономический вес, что способствовало преобразованию экономики в геоэкономику, в рамках глобального институционального строительства. В данном случае, особенностью китайской институциональной политики, стало то, что она носит сугубо или преимущественно декларативный характер. Согласно неолиберализму, институты характеризуются тем, что обладают четкой или определенной административно-бюрократической базой или институтами, но у Китая в его проводимой институциональной политике, нет таких особенностей, поэтому декларативный характер стал одной из черт в глобальном институциональном строительстве Пекина.

Мы видим, что в период 2010-х гг., Пекин значительным образом нарастил свое влияние в Центральной Азии, что выражается в активном участии стран региона в прокитайских инициативах Пояса и Пути, и соответственно в усилении китайского экономического присутствия в регионе, что выражается в росте торгового оборота: усиление торговли с КНР, в ковидный период 2020 г., между ЦА и Китаем составил 20 млрд. долларов; в 2021 г., 47 млрд. долларов и в 2022 г. 72 млрд. долларов [239]. Но, тем не менее, центральным звеном в данном случае, стал фактор географии, где от эффективной функциональности Пояса и Пути, зависит процесс глобального институционального строительства Китая. В Центральной Азии, мы видим, что Китай сумел экстраполировать свое геоэкономическое влияние на уровень военно-политического воздействия.

И другой значимый фактор, это усиление воздействия на Россию. Россия, из-за войны в Украине, лишилась стратегического поля для маневров, что привело к «азиатизации» России. Стоит отметить, что в свою очередь, приводит к усилению китайского влияния на Россию, и как результат институционализации китайского влияния в северной Евразии. Это, в свою очередь приводит к усилению и упрочнению российско-китайских контактов [47].

Декларативно, обе страны подвергли критике, существующий миропорядок в виде американского доминирования. Технически, что обращает на себя внимание это возросшая роль премьера-министра РФ – Мишустина, который, как представитель правительства РФ, будет вовлечен в реализацию широкомасштабных экономических проектов* (по итогам визита в КНР В. Путин заявил о скором подписании Плана российско-китайского взаимодействия до 2030 г., который впервые был представлен премьер-министром РФ М. Мишустиним в марте 2023 г.) и реализации совместных крупномасштабных проектов на сумму в 20 трлн рублей [57].

Другим важной динамикой российско-китайских отношений, выступает развитие взаимозависимости. Так, после победы Трампа и анонсированием им восстановления российско-американских отношений, Белый дом предлагает сформировать антикитайский альянс [240], но в силу развития двухсторонних отношений, которые усилились в конце 2010-х и в начале 2020-х гг., то это представляется маловероятным [48], так как формат российско-китайских отношений подразумевает многосторонность.

Как отмечалось выше, спектр российско-китайского стратегического взаимодействия носил декларативный характер, и не отображал реальных стратегических перемен, до 2022 г. Хотя сторонами и было заявлено о сотрудничестве и сопряжении между ЕАЭС и ИПП, в рамках «Большой Евразии», но каких-либо реальных перемен не последовало. Скорее всего, в случае реальной активизации сотрудничества между сторонами, стоит отметить, что, приоритетом сотрудничества будет экономический пояс «Север-Юг», а также освоение Северного морского пути.

Другой аспект формирования стратегических отношений, это усиление микроэкономической составляющей. Если раньше, в период Цзяня-Ху, основной приоритет торговли между КНР и азиатскими странами постсоветского пространства было сосредоточено вокруг сферы энергетики, то сейчас идет усиление в области микроэкономического сотрудничества. Так, стороны договорились о значительном увеличении экспорта росс. сельхозпродукции в Китай – в течение ближайших восьми лет этот экспорт должен выйти на уровень в 25 млрд долл. [241]. Между прочим, стоит отметить, что усиление микроэкономической составляющей, стало явной тенденцией в постковидный период.

Во время визита было понятно, что и лично В. Путин, и вся российская делегация являются центральными гостями этого форума. Это заметно отличается от форума 2017 и 2019 гг. (I-го и II-го форумов), где Россия была важным, но не центральным гостем. Теперь все внимание было приковано

именно к Путину, к России, что, в общем, конечно, показывает изменение внешней политики Китая [242].

Поэтому, можно утверждать, что форум обозначает сферы тактического и стратегического характеров.

В тактическом плане, можно выделить особенности китайской дипломатии. В этом случае, Китай формирует ни сколько формат административно-бюрократических норм, а в большей степени придерживается гибкого подхода: его мероприятия проходят в помпезном характере, что формулирует стратегическую повестку дня.

В другом плане, для Китая, в рамках новой геостратегической ситуации, формируется новая стратегическая ипостась: институционализация китайского влияния происходит по трем направлениям в Евразии: Север (Россия), Центр (ЦА), Юг (Южная Азия). Это сможет привести к формулированию новых институциональных платформ сотрудничества, в данном случае, мы имеем ввиду новых форматов отношений, таких как Сианьский саммит [35].

Можно выделить особое значение Центральной Азии. Центральная Азия занимает на данный момент важное геостратегическое положение, по сравнению как в администрации Буша-мл., в рамках доктрины Большой Центральной Азии. Как отмечают ряд экспертов, казахстанско-китайский товарооборот бьет рекорды достигнув за 2022 г. \$31 млрд (по данным китайской таможни), что на 31% больше, чем годом ранее. Вся Центральная Азия практически удвоила товарооборот с Китаем с \$41,9 до \$70,2 млрд [51, с. 68].

В этом отношении, Центральная Азия занимает важное геостратегическое положение в рамках реализации ИПП, в плане глобального институционального строительства КНР. Особенностью третьего Форума Пояса и Пути, прошедшего в октябре 2023 г., в Пекине, стало обозначение пересмотренных стратегических направлений или сфера в рамках ИПП [30].

Практически, это ведет к тому, что на данный момент оформился казахстанско-китайский баланс сил. В другом плане, казахстанско-китайский баланс сил, должен положить начало усилению институционализации китайского влияния в регионе ЦА. Это выражается в том, что серьезным политическим прорывом казахстанской дипломатии стало подписание соглашения Китаем отмены виз для граждан РК. В свою очередь, отмена визового режима, должна дать стимул для усиления микроэкономического сотрудничества между странами региона и Китаем. Стоит отметить, что туризм, хотя и может показаться паттерном не стратегического значения, но, тем не менее, он будет играть важную роль в плане усиления центральноазиатско-китайского взаимодействия. Ряд экспертов-синологов, подчеркивают стратегическую значимость туризма [78].

В любом случае, можно отметить, что работа над транспортной инфраструктурой, позволила добиться того, что к сегодняшнему дню контейнерные перевозки между Китаем и ЕС через Казахстан выросли почти в 104 раза, как указывает эксперт Каукенов А. [93]. Таким образом, мы видим, что секьюритизация китайских национальных интересов составила основной

геоэкономический механизм в рамках системы региональной безопасности в ЦА. В свою очередь, Казахстан получил ряд гарантий со стороны КНР: в ходе встреч председатель КНР Си Цзиньпин в очередной раз подчеркнул, что Китай полностью поддерживает суверенитет и территориальную целостность Казахстана, а также масштабные реформы, проводимые К.-Ж. Токаевым.

В военно-политическом отношении, форум не затрагивает острые вопросы стратегических аспектов, но молчание Пекина на фоне обострения палестинско-израильского конфликта, говорит о стратегических намерениях Пекина по включению Ирана в плане реализации проектов Пояса и Пути. В плане России, то Пекин, возможно будет оказывать, но ограниченную помощь России. Задачей Пекина может быть, «включение» России в орбиту своего влияния, но, необходимо понимать, что китайская геоэкономика периода глобализации, отличается от советской стратегии периода холодной войны. Пекин будет поддерживать Москву по военно-техническим моментам в Украине.

Тем не менее, форум выявил новые аспекты формирования стратегической ситуации в российско-китайских отношениях. Раньше, в период до начала войны, 2010-х гг., Россия обладала широким полем маневра, сейчас из-за войны, и изоляции России, что сыграло на руку Пекину, Россия входит в орбиту китайского влияния. Так, Путин сделал ряд заявлений. На идеологическом уровне, Россия и Китай стремятся к равноправному сотрудничеству при уважении права каждой страны на собственную модель развития. На технико-экономическом уровне, российский лидер заявил, что Москва приглашает все заинтересованные страны поучаствовать в развитии Северного морского пути. Также, идет усиление торгового оборота между РФ и КНР, который должен превысить 200 млрд. долларов. В свою очередь, глава Китая отметил, что Китай намерен развивать зеленую экономику в рамках Пояса и Пути, что включает в себя новые технологии, а следовательно, и институционализацию китайского влияния, политизации технологических процессов. КНР будет работать с Россией, чтобы защитить международную справедливость и содействовать общему развитию мира. Т.е. мы видим удовлетворение важных идеологических моментов, что свидетельствует о сужении баланса между странами и институционализации китайско-российских отношений.

В целом, форум Пояса и Пути, показывает процесс усиления китайского влияния в регионе Евразии. В данном случае, Пекину будут невыгодны какие-либо прямые военно-политические перипетий с Тайванем, т.к. вопрос войны поставит вопрос существования КПК. Сейчас идет процесс институционализации китайского влияния в Евразии, и поэтому ставки в данном случае неравнозначны друг перед другом. Если, для Китая возникнут новые перспективы по усилению своего влияния в Евразии, то это отложит вопрос с Тайванем на средне и долгосрочную перспективы. И поэтому, в данном случае, можно говорить о том, что Китай будет стремиться сохранить статус-кво в международных делах. И исходя из этого, это приведет к де-эскалации конфликта вокруг Газы, где Пекин может повлиять на Иран, но не допустит Западной интервенции в Иран.

Контент анализ выступления главы КНР – Си Цзиньпина, позволяет понять стратегические устремления КНР, на новом этапе. Первая — повестка взаимосвязанности проходила красной нитью через всю церемонию открытия и переговоры с зарубежными партнерами. Только во время вступительной речи Си Цзиньпина это слово прозвучало шесть раз, а также нашло отражение в названии программного выступления. Примечательно, что данный термин употреблялся в широком контексте и имел политическую, экономическую, транспортно-логистическую и цивилизационную нагрузку.

Вторая — по словам китайского лидера, ИПП «стоит на правильной стороне истории» [33]. Выражение главы КНР можно интерпретировать следующим образом: Китай занял важное экономическое положение в мире, и геоэкономика составляет ядро современного международного порядка, это говорит об актуальности китайской политико-экономической модели, в контексте глобальной геоэкономики.

Третья — география присутствия глав государств на Форуме и риторика Си Цзиньпина демонстрируют приверженность КНР развитию взаимодействия с государствами глобального Юга и одновременно позиционирование себя неотъемлемой частью этого геополитического пространства. На полях Форума китайский лидер провел двусторонние переговоры с лидерами Индонезии, Аргентины, Эфиопии, Шри-Ланки, Таиланда, Конго и ряда других государств. Таким образом, именно развивающимся странам были направлены основные идеи относительно китайского видения будущего мироустройства и во многом под них была «заточена» повестка. На этом фоне символичным выглядит практически полное игнорирование Форума со стороны коллективного Запада, в частности ЕС. Единственным его представителем стал премьер-министр Венгрии Орбан, который был жестко раскритикован на Западе за поездку в Пекин и проведение двусторонних переговоров на полях Форума с президентом РФ Путиным.

Особенностью предыдущей ситуации вокруг Пояса и Пути, было то, что Россия обладала определенной геополитической и геоэкономической самодостаточностью. Российские официальные лица подчеркивают, что позиция России в данном случае носит независимый характер, и она в большей степени занимает независимое положение. Но, как отмечают американские эксперты, особенностью российско-китайской документации в плане, как и формата двусторонних отношений, как и многосторонних было то, что стороны не отмечают достижений реальных перспектив. На данный момент, учитывая геополитическую изоляцию России и принципиальность путинского режима, по отношению к Западу, то можно отметить, что это приведет к уже к более продуктивным результатам сотрудничества. Так, российские эксперты отмечают, что, президент РФ Путин выступил сразу вслед за Си, а также удостоился стоять в первом ряду с китайским лидером во время группового фото.

Помимо прочего, на полях форума, глава РФ также анонсировал повестку российского председательства в БРИКС в 2024 г., в частности предложил учредить в расширенном формате БРИКС+ постоянно действующую комиссию

по транспортной логистике, ответственную за развитие международных транспортных коридоров.

Таким образом, можно заявить о том, что геоэкономика становится одним из центральных механизмов азиатско-центрических паттернов безопасности.

Историко-геополитической особенностью центральноазиатского региона, стало то, что в первые десятилетия после распада Советского Союза, в нем доминирующую роль играла Россия, и соответственно система безопасности в регионе носила европо-центрический характер. В данном случае, мы можем выделить два существенных фактора или механизма. Во-первых, после окончания холодной войны, основу баланса сил, составил российско-американский баланс сил, где Вашингтон признавал за Россией сферу влияния в регионе. Во-вторых, это классические пророссийские организации, такие как ОДКБ и ЕАЭС. Но, геополитический подъем Китая и его институциональное строительство оказали существенное воздействие на эволюцию системы региональной безопасности. Начиная с 2010-х гг., можно обозначить то, что происходит «азиатизация» паттернов безопасности. Европо-центрические паттерны безопасности, в большей степени базировались на балансе сил наций-государств, к примеру, можно привести США и ШОС, в первой половине 2000-х гг. Особенностью азиатско-центрических паттернов безопасности, выступает то, что они основаны на нетрадиционных аспектах безопасности, таких как геоэкономика, исламизация и влияние экологии. Нетрадиционные аспекты безопасности начинают играть ведущую роль в поддержании системы региональной безопасности. На великодержавном уровне, это выражается в рамках китайского и турецкого институционального строительства. Геоэкономике, можно отнести к нетрадиционным аспектам безопасности, в частности, т.к. ее влияние не носит перманентный характер. Хотя, геополитический потенциал Турции существенным образом уступает Китаю, тем не менее, из-за потенциала мягкой силы, он обладает весьма перспективным потенциалом воздействия.

Другой фактор, это исламизация. В данном случае, регион ЦА воспринимается как естественная и органическая часть Большого Ближнего Востока. Исламизация может выступать как альтернатива существующим режимам. С одной стороны, ее можно рассматривать как естественное социальное явление, но, с другой, у нее есть потенциал политического воздействия.

Как политическое явление, процесс исламизации сформировался еще в конце 1990-х гг. Главной движущей политической силой выступило ИДУ (Исламское движение Узбекистана). Что самое примечательное, процесс исламизации первоначально проистекал в политической плоскости, а точнее он был представлен исламистскими организациями, такими как ИДУ, исламскими частями ОТО (Объединенной таджикской оппозиции) и косвенно Талибаном, а также чеченскими сепаратистами. В социальной плоскости, процесс исламизации стал усиливаться в конце 2000-х и в начале 2010-х гг. Приток боевиков и симпатантов в Сирию, является тому классическим примером.

Исламизация, как социальный феномен, это нормальный и естественный процесс социокультурного возрождения местных сообществ, который произошел после распада СССР. Исламизация, с точки зрения идентичности, показывает серьезный вызов Москве, со стороны незападных структур, с точки зрения идентичности и социально-конструируемых конструктов. Но, ее политическая часть выступает серьезным элементом, который в будущем, может составить базу или основу для новой политической силы. Ислам, как религия, которая доминирует в Азии, является продуктом азиатской социокультурной базы, и поэтому, процесс исламизации, можно отнести к процессу «азиатизации».

И экология. Влияние изменения климата на регион становится очевидным. В данном случае, это выражается в таянии ледников, и уменьшение водных ресурсов. В частности, с этой проблемой сталкиваются напрямую Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Водная проблема для Узбекистана и Туркменистана, также политизируется в рамках их общего дипломатического взаимодействия с Афганистаном. После возвращения к власти, Талибан принялся за полномасштабную модернизацию страны, и развитие сельского хозяйства является одним из показателей данного процесса. Для развития сельского хозяйства необходима модернизация энергетики. Север Афганистана страдает от нехватки воды, и поэтому это потребует перенаправления потока реки Амур-Дарья, истоки которой берут свое начало в горах Памира, находящихся в Афганистане. Таким образом, Талибан поставил задачу модернизации системы орошения, для поддержки местных декханов. Но, как утверждают центральноазиатские эксперты, все это будет иметь колоссальные последствия для водной и экологической безопасности Узбекистана и Туркменистана, где тысячи хозяйств останутся без воды. Соответственно, для Узбекистана и Туркменистана, будут серьезные социальные и социально-политические последствия, и в целом, для самого региона. Правительство Узбекистана, напрямую озабочено развитием канала Кош-Тева, модернизация и эксплуатация которого, может иметь серьезные стратегические последствия.

Другой существенный фактор, в рамках экологического измерения процесса «азиатизации», это введение ядерной энергетики. Данная тема стала жертвой спекуляции на идеи укрепления российского влияния в регионе, в частности в Казахстане и в Узбекистане. Но, суть проблематики, носит куда более прагматичный и приземленный характер. Введение ядерной энергетики, а именно строительство АЭС в Узбекистане, и в Казахстане, являются нормальной реакцией на новые вызовы. Еще в 2000-х гг., первый президент РК – Н. Назарбаев предсказывал, что нефтяной век не будет долгосрочным. Так, по мнению ряда экспертов, Узбекистан уже через пару десятилетий лишится газовых запасов, в Казахстан нефти, уже в 2050-60-х гг. Это нанесет существенный экономический, и соответственно, социальный урон. Поэтому, требуется внедрение системы АЭС. Но, в тоже время, повышается фактор ядерной безопасности. Примеры Чернобыля и Фукусимы, в данном случае, служат наиболее ярким примером, что в некоторой степени будоражит общественность данных стран.

Суть экологического измерения «азиатизации» в том, что оно будет иметь серьезный социальный и социально-политический эффект.

Таким образом, процесс «азиатизации» выступает в качестве новой модели безопасности в Центральной Азии, и процесс китайского институционального строительства вписывается в него. В данном случае, накопление такого рода проблем, может создать платформу, для их решения. В случае потенциальной исламизации, Китай заинтересован в стабильном политическом и экономическом развитии стран региона, для сохранности социального контракта. В случае экологии, то это может привести к тому, что экономико-экологический, или даже отдельно экологический фактор, станет одним из важных моментов, политико-дипломатического сотрудничества между странами региона, где китайские институты, могут предложить свой вариант сотрудничества, т.к. экологический фактор будет играть возрастающую роль в определении нетрадиционных аспектов безопасности.

3.3 Геоэкономические трансформации в ЦА в контексте китайско-центральноазиатских отношений

Саммит ЦА-КНР в Сиане, обозначил развитие и формирование новых тенденций в рамках формирования региональной политики. Так, ряд источников сообщают, что проведение саммита не играло какой-либо значимой и стратегической роли в плане развития региональной политики и геополитики. Так, к примеру, знаменитый итальянский эксперт Рафаэлло Пантуччи отметил, что проведение саммита не играло какой-либо значимой роли в плане развития и формирования региональных процессов. В целом, видение данного автора вписывается в уже устоявшуюся модель видения системы статуса-кво, которая существует в академической среде, где Россия отвечает за функции безопасности, а Китай за функции экономики. Но, пожалуй, стоит отметить, что видение данного автора несколько устарело. Особенностью китайской политики в Центральной Азии, стало то, что Пекин сумел экстраполировать свою (гео)экономическую мощь на уровень военно-политического влияния, и, конечно, немаловажную роль в данном отношении, сыграл процесс секьюритизации китайских экономических интересов.

Здесь, мы можем уловить различия, а если быть точнее то, трансформацию в рамках китайской региональной стратегии, в особенности в области безопасности. Если в 1990-х гг. и в первой половине 2000-х гг., в рамках основного спектра безопасности, доминировали вопросы терроризма и поддержания стабильности в СУАР, то к периоду начала 2010-х гг. возрастает актуальность вопросов секьюритизации в рамках глобального институционального строительства. Разумеется, вопросы безопасности в данном случае подразумевают с собой военные аспекты, т.е. как отмечают эксперты, государство обладает монополией на насилие, и поэтому вопросы безопасности, прежде всего ассоциируются с военными факторами. Но, можно отметить, что приход к власти Си и продвижение идей секьюритизации китайских национальных интересов, привели уже к экономизации вопросов безопасности,

и к усилению геоэкономической составляющей. Кратко, эволюцию китайской политики, можно охарактеризовать как, при Ху доминировали вопросы сепаратизма, при Си – секьюритизация экономических интересов, одновременно с институциональным строительством.

Сианьский саммит, необходимо рассматривать в контексте эволюции дипломатических подходов Пекина к региону ЦА. В данном случае, стоит отметить, что первоначально ШОС выполняла технико-экономические функций, что способствовало развитию региональной торговли, но с момента усиления китайско-индийского стратегического соперничества во второй половине 2000-х гг., а также увеличению геополитической составляющей в ШОС, возникла необходимость в развитии формата смешанного двухсторонне-многостороннего формата отношения, в виде С5 плюс 1. Узбекистанский эксперт, Толипов Ф. отмечает, что развитие данного формата контактов, вполне стало нормальной составляющей системы региональных отношений [87]. Другая составляющая саммита, это этапы региональной трансформации. Так, казахстанский эксперт А. Каукенов отмечает присутствие в ШОС противоборствующих сторон, Китая, Индии и Пакистана. Сианьский саммит в данном случае, становится более удобной площадкой для реализации совместных проектов [93].

В общем для китайской дипломатии, становится нормальным проводить политику форумов. Так, глава МИДа КНР, Ван И в своем интервью отметил проведение ширококомасштабных форумов Глобального Юга, Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества и Форум сотрудничества Китая и арабских государств. Логика проведения Сианьского саммита, также может быть объяснена в данном формате отношения [37].

Саммит в Сиане, в любом случае, можно рассматривать в контексте геоэкономической стратегии Китая, которая формирует новую архитектуру безопасности, усиливая процесс «азиатизации» постсоветского геополитического пространства. В данном случае, саммит в Сиане 2023 г., необходимо прежде всего, рассматривать в контексте глобальных преобразований. Ранее, когда Россия являлась частью однополярной системы, и Кремль был вполне удовлетворен своим положением в рамках существенного геополитического паттерна, это поддерживало стабильность и рациональный баланс в регионе ЦА, между Россией и Китаем. Особенностью китайской дипломатии на первоначальном этапе, была именно легитимизация своего присутствия и образование рационального баланса с Россией. Но, война в Украине, как мощный геополитический механизм, привела к значительной трансформации системы региональной безопасности. Проблема академического, а также интеллектуального видения политики, в рамках постсоветских исследований заключается в том, что экономика не рассматривается как значительная часть политики. Политика трактуется как явление преимущественно идеологического плана, к примеру, где российские паттерны безопасности опираются на социокультурные институты, которые генерируют вопросы военной безопасности. Но, геоэкономический фактор, как значимый элемент не находит своего должного объяснения. Поэтому, ряд авторов, несмотря

на геополитический потенциал, весьма скептически относятся к проецированию Китаем своего влияния. К примеру, эксперты склонны видеть ситуацию на краткосрочную и среднесрочную перспективы, упуская историческое и геостратегическое значение саммита. Единственная идея, была предложена Профессором Шрикантом Кондапалли, который утверждает, что усиление сотрудничества после саммита, приведет к доминированию Китая, как новой державы, на региональном уровне [79].

Важным дипломатическим моментом, в казахстанской дипломатии стало выступление главы РК – К.Ж. Токаева на Боаосом азиатском форуме, в марте 2024 г., где глава государства признал все растущее влияние Азии в мировой экономической системе, и где он подчеркнул важность казахстанско-китайских торговых отношений [42].

Теперь, для полноты картины, нам необходимо рассмотреть те экономические и институциональные трансформаций, которые последовали после принятия ряда соглашений в рамках саммита.

Геоэкономика подразумевает с собой, прежде всего, доминирование макроэкономического сотрудничества, что означает поддержание межгосударственной торговли, либо сотрудничества между ТНК. Особенностью китайской геоэкономической стратегии, при саммите в Сиане, стало то, что уже идет усиление сотрудничества по микроэкономическим вопросам. В период, перед ковидом и в пост-ковидный период, стала формироваться тенденция, при которой идет усиление межрегионального сотрудничества, т.е. между регионами или областями КНР и стран Центральной Азии. Ранее, по сравнению с периодом конца 90-х гг. и в 00-х гг., китайские инвестиции были преимущественно сосредоточены в области макроэкономического сотрудничества, т.е. первоначально Китай ставил своей задачей обеспечение своей энергетической безопасности, что продиктовано активностью Пекина на нефтегазовом рынке в странах ЦА, и реализации проектов «Западный Казахстан-Западный Китай», трубопровод Туркменистан-Китай и т.д. Рост торгового оборота и усиление торгово-экономического сотрудничества, это естественный процесс в рамках глобализации, и соответственно регионализации экономического партнерства. Т.е. в 1990-х и в первой половине 2000-х гг. Китай «легализируется» как нормальное государство в регионе [5, с. 279]. И поэтому, если рассуждать в контексте геоэкономики, то его основной стратегией было обеспечение энергетической безопасности. Данные шаги вполне логично вписывались в норму логики политики Ху, который был приверженцем политики Дэна Сяопина, избегания участия Китая в политике великих держав и баланса сил. Затем, в период 2010-х гг. при реализации стратегии Си, Китай актуализирует вопрос развития транспортно-логистических маршрутов, а также инвестиций, которые направлены в эту сферу. Этап 2010-х гг., можно обозначить как первоначальный этап технико-экономической институционализации китайского влияния в ЦА. В это время Китай провозглашает стратегию Пояса и Пути, что оказывает влияние на трансформацию международного порядка.

Стратегической особенностью саммита в Сиане, стало то, что происходит усиление сотрудничества по микроэкономической составляющей. Т.е. это будет свидетельствовать о том, что доля Китая в общем торгово-экономическом обороте со странами региона, будет расти. Так, к примеру, в своем программном выступлении на полях саммита, глава КНР – Си Цзиньпин заявил о следующих двух важных пунктах:

«Первое, усиливать работу по становлению формата. Уже созданы механизмы встречи глав МИД, торгово-экономических ведомств и таможенных служб, а также Деловой совет. Нами еще инициировано создание механизмов встречи и диалога в сферах индустриализации и инвестиций, сельского хозяйства, транспорта, реагирования на ЧП, образования, межпартийного сотрудничества с целью иметь универсальные платформы для развития многопланового взаимовыгодного сотрудничества шестерки.

Второе, расширять торгово-экономические связи. Китайская сторона намерена принимать дополнительные шаги для упрощения процедур торговли, актуализации соглашений о сотрудничестве в области инвестиций, распространять практику "зеленый коридор" для таможенного оформления сельскохозяйственной и пищевой продукции на всех пограничных переходах, проводить тематическую онлайн-презентацию товаров стран ЦА, создать торговый центр биржевых товаров, поднять объем торговли на новый уровень».

Здесь, необходимо привести ряд примеров: в Китае, компаниям из Казахстана разрешили поставлять 23 вида сельхозпродукции. Минсельхоз РК и Главное таможенное управление КНР подписали три протокола по поставкам в Китай таких культур как горох, чечевица, шрот жмыха подсолнечника, сои, сафлора, льна и рыбы. Также 1718 казахстанским с/х производителям разрешено поставлять также пшеницу, семена льна, ячмень, люцерну, кукурузу, мёд, шерсть, молочную продукцию, говядину, баранину и свинину [51, с. 68]. Другая сфера сотрудничества включает в себя автопром, так Казахстанская компания «Астана Моторс» заключила соглашение на поставку высокотехнологичного оборудования с Automotive Engineering Corporation (Китай) для оснащения нового мультибрендового завода [56]. Документ подписан в рамках круглого стола с представителями деловых кругов КНР в Сиане, который открыл президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев. Общая сумма инвестиций в оснащение строящегося мультибрендового завода составит свыше 250 млн долларов, из них на высокотехнологичное оборудование – 110 млн долларов [45].

Китайское институциональное строительство выражается в особенностях его дипломатической стратегии. Так, Китай формирует дипломатическую стратегию в рамках дипломатии саммитов. Здесь, естественно могут возникнуть противоречия, т.к. сама по себе дипломатия, это и есть саммиты, форумы и встречи. Но, для в китайской дипломатической стратегии, важно подчеркнуть сам формат встречи, поэтому они носят такой грандиозный характер. Если для таких акторов, как США, Россия, ЕС, НАТО, проведение саммитов — это обыденная дипломатическая практика, то Китай превращает проведение саммитов в некий формат праздника. Это, в свою очередь, может быть связана с

рядом вещей и системы восприятия: первое, культурно, Китай всегда воспринимал себя как часть центра мира, и поэтому Китай в китайско-центричной модели мира, видит себя как часть центра вселенной. К примеру, в начале 2000-х гг., Китай только начинал расширять свое стратегическое присутствие в Африке, и организация Форума Китай-Африка в данном случае наиболее яркий пример, где Пекин организовал красочные подходы, по приезду африканских лидеров. Хотя, конечно же, проведение праздничных мероприятий – это нормальное продолжение протокольного дела, но, тем не менее, стоит отметить, что это весьма важный элемент в китайской стратегии. К примеру, несмотря на потенциал синофобии в Казахстане, ряд экспертов утверждают, что в отличие от России, у Китая нет проблем с историческим восприятием, что однозначно укрепляет его потенциал мягкой силы. В данном случае, стоит обратить внимание на основные стратегические и геополитические нарративы, которые формировались вокруг саммита. Россия, в ее модели советско-евразийской идентичности, не признает право существования постсоветских стран, и поэтому на морально-психологическом уровне, это создает соответствующее отношение. Пост бывшего президента РФ в социальной сети «ВК», в отношении Казахстана и Грузии, выражал данное политико-психологическое состояние, «никаких парадов суверенитетов больше никогда не будет». Китай, напротив, на фоне России пытался выстроить свою стратегию поведения, и организация теплого приема, дипломатически, возможно, как скрытый язык, можно выражать в качестве гарантий безопасности странам региона. Другой фактор, который обращает на себя внимание, это первый приезд Токаева на саммит в Сиане. Т.е. это также, дипломатически может свидетельствовать об укреплении механизма баланса сил между Казахстаном и Китаем.

Данный формат дипломатического взаимодействия, скрытно, ложится в формат российско-китайско-казахстанского баланса сил в Центральной Азии. Тема возможных кулуарных переговоров, между Китаем и Россией на фоне январских событий, как явления геополитического плана, а также на фоне российско-украинской войны, Китай создал имидж надежного партнера. Разумеется, Китай формирует свой глобальный миропорядок, где займет место гегемона. Но, в Китае понимают важность и необходимость перехвата дипломатической инициативы от Москвы. Поэтому, таким образом можно объяснить грандиозность проходящего саммита в Сиане.

Саммит позволил Китаю провести и продвинуть ряд стратегических инициатив. И наращивание торгового оборота, а также укрепление торгово-экономического сотрудничества между Китаем и странами региона, нельзя назвать процессом естественной глобализации или регионализации экономических отношений. Нельзя исключать того, что цели Пекина в данном отношении носят весьма стратегический характер: так, увеличение торгового оборота, на среднесрочную и долгосрочную перспективы, должно будет привести к усилению китайского влияния в регионе. То есть, как отмечено выше, при Ху Цзиньтао это был естественный процесс регионализации экономических

отношений либо экономизации региональных отношений, при Си, скорее всего, это уже целенаправленная экономическая стратегия Пекина, по институционализации своего влияния в регионе. Так, в ходе саммита в Сиане, между КНР и странами региона ЦА, были достигнуты ряд комплексных договоренностей, отдельно по странам.

Казахстан. Президент Касым-Жомарт Токаев планирует довести взаимную торговлю Казахстана и Китая до \$40 млрд к 2030 году.

По словам президента, по итогам прошлого года казахстанско-китайская торговля составила \$31 млрд. Как отметил глава РК, «полагаю, такими темпами, в ближайшее время мы сможем достичь цели по доведению товарооборота до \$35 млрд. Казахстан заинтересован в расширении экспорта сельхозпродукции в Китай. Только за прошлый год объем взаимной торговли сельхозпродукцией составил более \$780 млн. Казахстан готов поставлять бобовые культуры, высококачественное экологически чистое охлажденное мясо говядины, баранины», - добавил он [34].

В ходе саммита КНР-ЦА в Сиане, главы РК и КНР подписали 23 документа, в том числе соглашение о развитии транскаспийского транспортного маршрута.

Казахстан целится на увеличение экспорта нефти в Китай. По словам Токаева, посетившего на этой неделе Пекин, прорабатывается увеличение пропускной способности действующих веток нефтепроводов Атырау-Кенкияк и Кенкияк-Кумколь. В «КазМунайГаз» оценили стоимость расширения нефтепровода Казахстан-Китай на сумму в \$200 млн. Ожидается, что к работе приступят с 2024 года, а закончат через два-три года. Глава «КазМунайГаза» уверяет, что Казахстан сможет увеличить поставки нефти в КНР с 2 млн до 20 млн т. Есть перспективы и в газовой сфере, правда, это не касается экспорта. "КазМунайГаз" и CNPC работают над проектами газопереработки и постройке завода на месторождении Кашаган мощностью 4 млрд кубометров в год. Импорт товаров из Китая в Кыргызстан в январе-апреле вырос на 45% — до \$5,2 млрд. Импорт товаров из Китая в Кыргызстан в январе-апреле 2023 года вырос на 45% (на \$1,6 млрд – прим.). Такая статистика содержится в базе данных Главного таможенного управления КНР [34].

Президент был проинформирован о планах CNPC по укреплению взаимодействия с казахстанской стороной. В частности, рассматриваются возможности расширения производственных мощностей Шымкентского НПЗ, увеличения пропускной способности нефтепровода Казахстан–Китай и др. Касым-Жомарт Токаев отметил, что компания CNPC является давним стратегическим партнером Казахстана в энергетической сфере.

Объем импорта за 4 месяца составил \$5,2 млрд. За январь-апрель 2022 года поставки товаров из Китая отмечены на сумму \$3,6 млрд. Импорт в апреле 2023 года по сравнению с апрелем предыдущего года вырос в 2 раза — до \$1,6 млрд. В ходе встречи были обсуждены вопросы сотрудничества в энергетической сфере, транспортировки, а также переработки нефти и газа [243].

Также в ходе прошедшего саммита были приняты соглашения, согласно которым китайская сторона намерена профинансировать несколько проектов в

Казахстане. В этом году в Казахстане запланирован ввод шести проектов с участием инвесторов из Китая.

На стадии реализации находится девять проектов на \$2,3 млрд. По предварительным данным, шесть объектов уже могут запустить в этом году. Общая стоимость этих проектов составляет \$362,5 млн. При этом в министерстве не озвучили сроки, когда планируют открыть остальные три объекта. Однако в ведомстве добавили, что также прорабатывается еще 18 предложений [244].

«В целом, перечень казахстанско-китайских проектов индустриально-инвестиционного сотрудничества включает 52 проекта с общей стоимостью свыше \$21 млрд», - напомнили в МИДе. Так, с 2015 года в Казахстане запущены 25 проектов на \$7,3 млрд из этого списка. Между тем, по данным общенационального пула, новые объекты запустят с участием компаний из Поднебесной в 11 регионах страны.

Таджикистан. Результатом переговоров президента Таджикистана Эмомали Рахмона и председателя Китая Си Цзиньпина стало подписание 25 документов. Государства договорились:

- проведении совместных антитеррористических учений;
- приеме оборудования для судебно-медицинской экспертизы для идентификации ДНК;
- об оказании безвозмездной помощи;
- о поиске и спасении гражданских самолетов;
- о сотрудничестве в области использования спутниковых снимков;
- о фитосанитарных требованиях при экспорте свежего винограда;
- о научно-техническом сотрудничестве в области геологии;
- о создании совместного Института в рамках инициативы "Один пояс - один путь" по вопросам биологических ресурсов;

17 мая в Пекине в рамках государственного визита президент Таджикистана Эмомали Рахмон встретился с премьер-министром Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Цяном, сообщает пресс-служба президента РТ. На встрече был обсуждён широкий комплекс вопросов сотрудничества Таджикистана и Китая. В ходе встречи было названо важным привлечение современных китайских технологий в сферу переработки сельскохозяйственной продукции, особенно хлопка, овощей и фруктов, а также развитие сотрудничества в области шелководства и фармацевтики. В этом контексте было сочтено необходимым в кратчайшие сроки решить вопрос предоставления разрешения на экспорт сельхоз продукции Таджикистана в Китай [245].

Также, на полях саммита было согласованы действия, по оказанию финансовой помощи Таджикистану со стороны КНР: Китай выделит Таджикистану 57 миллионов долларов на безвозмездной основе.

Правительство Китая предоставит Таджикистану безвозмездную помощь в размере 400 млн юаней (около \$57 млн), говорится в проекте соответствующего соглашения, опубликованного на портале правовой информации Минюста РТ. Данное соглашение, наряду с 12 другими договоренностями о двустороннем

сотрудничестве, было подписано в минувший четверг в Пекине по итогам встреч и переговоров на высоком уровне между Таджикистаном и Китаем. В проекте отмечается, что помощь предоставляется по просьбе правительства Таджикистана «для реализации проектов, согласованных сторонами». «Конкретные условия по проектам будут предусмотрены в дополнительных договорах, подлежащих подписанию сторонами», — подчеркивается в проекте соглашения. В нем говорится, что Национальный банк Таджикистана и Государственный банк развития Китая взаимно открывают беспроцентные и безрасходные счета по оказанию финансовой безвозмездной помощи. «Во время использования средств безвозмездной финансовой помощи порядок ведения счетов осуществляется в соответствии с порядком и правилами АО Государственного банка развития Китая и банки будут отчитываться перед сторонами о состоянии счетов», — заключается в проекте соглашения [245].

Также на полях саммита, глава Таджикистана – Эмомали Рахмон пригласил Си Цзиньпина посетить Таджикистан. Последний раз руководитель Китая был в Душанбе в июне 2019 года, где Рахмон наградил его орденом «Зарринтоҷ» - высшей государственной наградой

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон пригласил председателя КНР Си Цзиньпина посетить Таджикистан в любое удобное для него время, сообщает пресс-служба главы государства. Китайский лидер принял приглашение лично во время их двусторонних переговоров в Сиане. Дата поездки будет согласована по дипломатическим каналам.

Помимо этого, в ходе встречи на высшем уровне лидеры обсудили развитие партнерства в сельском хозяйстве, энергетике, инфраструктуре. Рахмон поблагодарил председателя КНР за приглашение на участие в первом заседании глав государств на саммите высокого уровня «Центральная Азия – Китай» [46].

В ходе переговоров также были обсуждены вопросы восстановления авиалинии Душанбе - Пекин, связей в направлении развития туристической инфраструктуры Таджикистана, использования мощностей для расширения гуманитарного сотрудничества, в частности в науке и образовании. Напомним, что Си Цзиньпин должен был приехать в Таджикистан в сентябре 2021-го, но принял участие в саммитах ШОС и ОДКБ удаленно.

Узбекистан. Результатом переговоров глав РУ и КНР стало обсуждение ряда совместных проектов:

- развитие глубокой переработки меди, литья и редкоземельных металлов;
- создание высокотехнологичного кластера по производству электротехнической продукции;
- производство пластмасс, химической продукции, изделий из металлов, продовольственных товаров, строительных материалов, готового текстиля и других товаров;
- создание современных промышленных мощностей, инвестиционных и высокотехнологичных предприятий;

- сотрудничество в сфере образования и туризма, проведение взаимных дней культуры, искусства и кино;
- расширение программ в области медицины, производства вакцин и фармацевтических препаратов.
- Кроме того, лидеры обсудили строительство железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан» [58].

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев и Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин подписали Совместное заявление и приняли Программу развития всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой на 2023-2027 годы. Экономические соглашения, включают в себя следующие проекты:

- финансирование проекта строительства линий электропередач и подстанций;
- создание мультимодального логистического центра;
- обновление и модернизации парка локомотивов на базе АО «Узбекистон темир йуллари»;
- строительство Узбекско-Китайского агропромышленного парка;
- создание Агроинновационного парка;
- создание Узбекско-Китайского биотехнологического кластера;
- расширение телекоммуникационной инфраструктуры АК «Узбектелеком»;
- производство современных автомобилей совместно с компанией «EXEED»;
- производство электрических и гибридных автомобилей совместно с компанией «BYD Auto Industry»;
- привлечение кредитной линии между АО «НБУ» и «Эксимбанк Китая»;
- привлечение кредитной линии между АО «НБУ» и «ГБРК»;
- сотрудничество с «China Export & Credit Insurance Corporation»;
- подготовка ТЭО проектов «Строительство каскада Нарынской ГЭС в Наманганской области» и «Строительство каскада Айгаин ГЭС в Бостанлыкском районе Ташкентской области»;
- сотрудничество в области развития телекоммуникационных сетей [59].

Кыргызстан. Как отмечалось выше, Кыргызстан занимает центральное положение в рамках реализуемой Китаем стратегии по секьюритизации транспортно-логистических путей. Хотя, Си Цзиньпин анонсировал Инициативу Пояса и Пути в Казахстане, в 2013 г., его сухопутный путь, но центральное значение в реализации данной стратегии, впоследствии отошло к Кыргызстану и Узбекистану. Здесь, безусловно существуют политические и экономические соображения, а именно то, что южный фланк Центральной Азии, более безопасен и в меньшей степени подвержен каким-либо геополитическим пертурбациям.

Но, забегая наперед стоит отметить и некоторую специфику, которая существует в контексте китайско-кыргызских стратегических отношениях. Как

отмечают кыргызские эксперты, именно наибольшее количество инвестиций получили такие страны как Казахстан и Узбекистан, разумеется, в силу своих размеров. Здесь, также напрашивается аналогия с ситуацией в регионе Индийского океана, где для Китая существуют две группы стран: первая, Австралия, Саудовская Аравия, Иран Оман, которые имеют большое положительное сальдо торгового баланса с Китаем. И вторая группа стран, таких как Эритрея, Шри-Ланка, Джибути, Пакистан у которых большой торговый дефицит с Китаем. И особенностью китайского торгово-экономического партнерства является то, что Китай инвестирует преимущественно в сферу транспорта и логистики. Поэтому, в данном случае, Кыргызстан сталкивается с аналогичной проблемой.

В ходе прошедшего саммита в Сиане, президент Садыр Жапаров 18 мая в рамках государственного визита в Китай в городе Сиань встретился с председателем КНР Си Цзиньпином. Об этом сообщила пресс-служба президента. Стороны обсуждали актуальные вопросы кыргызско-китайского двустороннего и многостороннего сотрудничества, повестка предстоящего Саммита «Центральная Азия — Китай», ход реализации договоренностей на высшем уровне и совместных проектов в различных сферах [245].

Председатель КНР Си Цзиньпин поблагодарил президента Садыра Жапарова за принятие приглашения, отметив, что его государственный визит в Китай подтверждает высокий уровень двустороннего сотрудничества. Председатель КНР напомнил о предыдущих встречах с Садыром Жапаровым, по итогам которых были достигнуты договоренности и в настоящее время последовательно реализуется ряд важных проектов двустороннего сотрудничества.

Си Цзиньпин выразил уверенность в том, что реализуемые проекты придадут мощный импульс всему комплексу китайско-кыргызского взаимодействия. Вместе с тем он отметил, что президент Садыр Жапаров получил высокую оценку со стороны кыргызского народа, подчеркнув, что под руководством главы государства Кыргызстан добивается высоких социально-экономических результатов. Говоря о Саммите «Китай- Центральная Азия», председатель КНР отметил, что он станет важной вехой и откроет новую эру сотрудничества. «Мы должны укреплять этот формат взаимодействия», - отметил Си Цзиньпин [32].

В рамках китайской стратегии развития сети транспортно-логистических коммуникаций, Китай придает важное значение таким странам как Кыргызстан и Узбекистан. Стороны обсудили значимость железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан.

Мы нацелены на укрепление политических контактов, ускоренное развитие торгово-экономических связей, объединение усилий в противодействии традиционным и новым угрозам и вызовам миру, безопасности, стабильности и развития в регионе. Об этом сегодня, 19 мая, заявил президент Садыр Жапаров на Саммите «Центральная Азия—Китай» в г. Сиань, в работе которого он принял участие в рамках своего государственного визита в Китайскую Народную

Республику (КНР). В своем выступлении Садыр Жапаров подчеркнул символичность проведения первого Саммита Центральная Азия—Китай» в древней столице – городе Сиане. Именно в этом старейшем городе берет свое начало Великий Шелковый Путь. Также глава Кыргызстана отметил, что «в этой связи хотел бы отметить, что в этом году исполняется 10 лет со момента провозглашения председателем Си Цзиньпином инициативы «Один пояс—один путь», которая приобрела глобальный охват и измерение. Эта инициатива особенно актуальна и востребована в наши дни. Убежден, что сегодняшний Саммит придаст новую динамику углублению и расширению традиционно дружественных отношений между нашими странами и Китаем» [32].

Туркменистан. Туркменистан в силу своего географического положения, а также внешнеполитического курса страны, не занимал центральную позицию в региональной стратегии КНР. Политика страны, в большей степени была направлена на поддержание изоляционистского направления, которое тесно коррелировалось со спецификой внутривосточной системы. Однако, с момента запуска Пояса и Пути, как важного элемента секьюритизации китайских национальных интересов, начинается активизация китайской политики в Туркменистане. Первоначально, фактор энергетики и энергетического сотрудничества, играл ключевую роль в рамках двухсторонних отношений. Данный формат отношений был характерен до конца 2010-х гг. Развитие Пояса и Пути как грандиозной китайской стратегии придал новый импульс развитию отношений. Туркменистан занимает важное стратегическое положение в Прикаспийском регионе. Туркменистан связывает Центральную Азию с Закавказьем и Ираном, и это представляет для Китая, важный интерес. В данном случае, визит Сердара Бердымухамедова в Пекин, и его личная встреча с Си Цзиньпином придало импульс для отношений между двумя странами. Также, Сианьский саммит от мая 2023 г., сыграл ключевую роль в развитии формата, как и двухсторонних, так и многосторонних отношений.

В ходе Сианьского саммита, были подписаны следующие документы:

– Протокол о внесении дополнений в Соглашение между Правительством Туркменистана и Правительством Китайской Народной Республики о создании Туркмено-китайского комитета по сотрудничеству от 29 августа 2008 года;

– Соглашение между Правительством Туркменистана и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах;

– Меморандум о взаимопонимании в отношении карантина при ввозе и вывозе животных между Министерством сельского хозяйства и охраны окружающей среды Туркменистана и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики;

– Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере средств массовой информации между Государственным комитетом Туркменистана по телевидению, радиовещанию и кинематографии и Пресс-канцелярией Государственного совета Китайской Народной Республики;

– Меморандум о сотрудничестве и взаимобмене между Демократической партией Туркменистана и Китайской Коммунистической партией.

Туркменистан, в общей китайской геостратегии, стоит рассматривать в следующих стратегических ключах. Во-первых, Туркменистан сохраняет для Китая актуальность в плане поддержания его энергетической безопасности. Во-вторых, значимость Туркменистана усилилась в рамках реализации транспортно-логистических проектов, в рамках Пояса и Пути значительным образом возросла. На это влияет ряд факторов. Во-первых, Туркменистан находится в южном фланке Центральной Азии. Во-вторых, возвращение к власти движения Талибан в Афганистане, а также активное китайское институциональное строительство, привело к актуализации развития коммуникаций между Центральной и Южной Азией. В-третьих, Туркменистан обладает выходом к Каспийскому морю, что повышает его значимость в контексте Срединного пути.

К примеру, можно привести ряд примеров, которые ложатся в реализации данного проекта. В Туркменистане планируют построить скоростную автотрассу за \$2 млрд. Китайская компания Sinohydro Bureau 12 и туркменская Ojar Aziya подписали рамочное соглашение по проекту строительства автомагистрали «Серахс – Мары – Серхетабат», сообщил Международный информационный центр Туркменистана. Стоимость строительства восьмиполосной скоростной автотрассы протяженностью 450 километров и шириной в 50 метров оценивается в более чем \$2 млрд [60].

Туркменистан и Афганистан готовы приступить к совместной работе по проекту ТАПИ. В ходе онлайн-встречи с заместителем премьер-министра Афганистана по экономическим вопросам Абдулом Гани Барадаром министр иностранных дел Туркменистана Рашид Мередов заявил, что его страна готова начать работу над проектом газопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) непосредственно на территории Афганистана [61].

Строительство газопровода ТАПИ мощностью 33 млрд кубометров газа в год в Афганистане рассматривают в качестве одного из важнейших проектов для экономического развития страны. Наряду с созданием тысяч дополнительных рабочих мест это обеспечит Кабулу существенную прибыль от транзита.

Накануне в Ашхабаде прошла встреча заместителя министра иностранных дел Туркменистана Ахмеда Гурбанова со Специальным посланником МИД КНР по делам Афганистан Юэ Сяююном. Как сообщает МИД Туркменистана, стороны обсудили состояние и перспективы развития туркмено-китайского взаимодействия. Были рассмотрены ключевые аспекты международной и региональной повестки дня. Был обсужден ход подготовки к проведению 5-й встречи министров иностранных дел соседних с Афганистаном государств, которая пройдет в Туркменистане в этом году. В завершение стороны подтвердили, что Туркменистан и Китай продолжают оказывать всемерную поддержку для экономического восстановления Афганистана, придерживаясь принципов дружбы и добрососедства, отмечает источник. Афганистан, Казахстан и Туркменистан построят логистический хаб. В афганской провинции Герат планируется построить логистический хаб на пересечении торговых

маршрутов коридора "Север - Южная Азия". Сообщается, что через хаб Россия сможет доставлять нефть в Пакистан и другие южноазиатские страны [246].

В данном случае, мы наблюдаем то, что формат туркменско-китайских отношений, более не ограничивается исключительно фактором энергетики. Внешнеполитическое воздействие, может также обладать позитивным воздействием на Туркменистан и его внутриполитическую систему. Здесь, можно рассмотреть эволюцию геополитики Туркменистана. Китайское институциональное строительство, оказывает позитивное воздействие на развитие и модернизацию страны. Туркменистан, более не государство, с изолированной политической системой, целью которой является сохранность политического режима. С учетом относительной стабильности, Туркменистан становится вратами между Южной и Центральной Азией, особенно учитывая важное стратегическое положение восточной части страны.

Рисунок 1 – Товарооборот КНР со странами ЦА в млрд долларов

Таблица 1 – Торговый оборот за 2023 г. между КНР и странами ЦА

Торговый оборот за 2023 г.			
	Общий торговый оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	41 млрд	16.3 млрд	24.7 млрд
Узбекистан	14 млрд	1.6	12.4
Кыргызстан	19.8 млрд	80 млн	19.7
Таджикистан	3.9 млрд	250 млн	3.7 млрд
Туркменистан	10.6 млрд	9.6 млрд	1 млрд
Торговый оборот за 2022 г.			
	Общий торговый оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	29,6 млрд	16.2 млрд	13.4 млрд
Узбекистан	9, 24 млрд	1.98 млрд	7.26 млрд
Кыргызстан	2 210 700 000	86.7 млн	13.5 млрд
Таджикистан		404 млн	2.15 млрд
Туркменистан		8.88 млрд	868 млн
Торговый оборот за 2021 г.			
	Общий торговый оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	18.2 млрд	9.85 млрд	13.2 млрд
Узбекистан	7,44 млрд. долларов	1.94 млрд	5.58 млрд
Кыргызстан	\$1 млрд 527.9 млн	6.41 млрд	111 млн
Таджикистан	1.4 млрд долларов	159 млн	1.6 млрд
Туркменистан	\$7,35 млрд	5.98 млрд	509 млн
Торговый оборот за 2020 г.			
	Общий торговый оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	15.4 млрд долларов	9.54 млрд	11 млрд
Узбекистан	5 млрд 129,6 млн долларов	1.29 млрд	5.07 млрд
Кыргызстан		2.78 млрд	47 млн
Таджикистан		37.4 млн	1 млрд
Туркменистан		7.46 млрд	443 млн
Источник: Главное таможенное управление КНР.			

Главное таможенное управление (ГТУ) КНР опубликовало данные торговли с другими странами за 2023 год. Товарооборот с государствами Центральной Азии вырос за этот период на 27% до 89,4 млрд долларов, против 70,2 млрд в 2022 году. При этом торговый баланс сложился в пользу Китая: он продал в регионе товаров и услуг на 61,4 млрд долларов, а купил всего на 28 млрд [52].

Казахстан, по данным ГТУ КНР, наторговал с Китаем на 41 млрд долларов, нарастив товарооборот за год на 32,2%. Из РК в КНР было экспортировано товаров и услуг на 16,3 млрд долларов, а импортировано на 24,7 млрд долларов. Кыргызстан увеличил товарооборот с Китаем на 28,8% до 19,8 млрд долларов, при этом практически весь объем пришелся на импорт товаров из КНР – 19,7 млрд долларов, а экспорт в Китай составил лишь мизерную сумму – чуть более 80 млн долларов [52].

Узбекистан нарастил товарооборот с КНР на 44,9% до 14 млрд долларов, включая поставки в КНР на 1,6 млрд, а в обратном направлении – на 12,4 млрд долларов. (Кстати, в целом схожие данные опубликовало и Агентством статистики при президенте Узбекистана: рост на 52,2% до 13,7 млрд долларов, из которых на экспорт в КНР пришлось 2,5 млрд, а на импорт – 11,2 млрд) [52]. Таджикистан добился максимального среди стран ЦА роста товарооборота с КНР в процентном соотношении – на 53,5% до 3,9 млрд долларов, из которых почти 3,7 млрд составил импорт из Китая, а экспорт – всего 250 млн долларов [52]. Туркменистан стал единственной страной, товарооборот которой с КНР упал – на 5,2% до 10,6 млрд долларов, в основном за счет падения экспорта в Китай (–6,6%). Но туркменский экспорт (в основном природный газ) все равно составил львиную долю оборота – 9,6 млрд долларов, а поставки в обратном направлении – чуть менее 1 млрд долларов (рост на 11,3), и таким образом Туркменистан также стал единственным государством ЦА, у которого сложился положительный баланс в торговле с КНР [52].

Таким образом, мы наблюдаем, с конца 2010-х гг., усиление китайского влияния в Центральной Азии. Особенностью при Си Цзиньпине стало введение новых институтов, таких как Пояс и Путь, которые формируют новый институциональный порядок. Особенностью китайской политики в регионе, за период двух десятилетий, с 2000 по 2020 г., стало то, что Китай существенным образом нарастил свой потенциал в регионе.

Далее, в 2010-х гг., благодаря реализации проектов в рамках ИПП, Китай создал геоэкономические рычаги воздействия. После событий 2022 г., произошло смещение глобального баланса сил, что положительным образом сказалось на усилении китайского влияния в регионе. Актуальность ШОС заключается в том, что организация отобразила развитие комплексных процессов в регионе, которые в историческом плане, можно перечислить в следующем порядке: демаркация и делимитация границ, вторая половина 1990-х гг., затем, терроризм и баланс сил, первая половина 2000-х гг., после кризис идентичности и расширение, вторая половина 2000-х и первая половина 2010-х гг., и затем уже институционализация китайского влияния во второй половине 2010-х гг., и в первой половине 2020-х гг.

Особенностью китайской экономической политики, за период с начала 2000-х гг., и до конца 2010-х гг., т.е. за два десятилетия, стало то, что в китайско-центральноазиатских экономических отношениях, доминировал макроэкономический фактор, т.е. реализация крупных сначала энергетических, и затем уже транспортно-логистических проектов. Затем, с периода начала 2020-х гг., происходит усиление микроэкономической составляющей. Это неизбежный процесс, усиления китайского влияния в регионе. Целью Сианьского саммита, в данном случае, выступает ускорение торгово-экономического сотрудничества между сторонами, что укрепляет влияние Китая, геоэкономическими методами. К примеру, уже в 2023 г., товарооборот между КНР и странами ЦА, достиг 89.4 млрд. долларов США. Другая цифра, которая отображает геоэкономический фактор региона, это то, что в 2023 году общий объем транзитных перевозок через Казахстан грузов из Китая превысил 12,57 млн тонн [93].

Стратегическая значимость Центральной Азии для Китая, выражается в следующих плоскостях: первое, это секьюритизация транспортно-логистических путей. На данный момент, формируется новый экономический пояс «Север-Юг», который связывает ЦА с Пакистаном. Второе, это увеличение торгового оборота Китая с ЦА, что закрепляет китайские геоэкономические механизмы. Таким образом, секьюритизация китайских национальных экономических интересов, привела к институционализации его влияния.

3.4 Вызовы и риски институционализации: пример синофобии

Китайская дипломатическая стратегия в Центральной Азии строится как на двухсторонней, так и на многосторонних форматах сотрудничества. Хотя, конечно же, Китай и обозначает сотрудничество со странами региона, как линию стратегического партнерства, в целом это привело к позитивным изменениям в рамках региональной геополитики, где дипломатические усилия Пекина, привели к легитимизации его присутствия в регионе.

Но несмотря на то, что у сторон нет прямых аспектов секьюритизации («прямые аспекты секьюритизации» имеется в виду наличие вопросов военного и военного-политического плана или характера), и китайское влияние осуществляется преимущественно механизмами геоэкономического влияния, а правительство Китая разрабатывает различные варианты «мягкой силы», Китай как участник системы региональных отношений, как и политический образ, столкнулись с рядом стратегических проблем, которые выражаются в виде социокультурного и социально-политического феномена синофобии. Синофобия, как социальный феномен, стала выразителем стабильных и укоренившихся социальных стереотипов и подозрений, в той или иной степени, связанных с китайской политикой.

Синофобию стоит рассматривать как социальный феномен, и механизм психологического или социально-психологического восприятия. Основной посыл синофобии заключается или ссылается на «тихую экспансию» Китая, как некоего геополитического актора, с вполне агрессивными намерениями, поэтому часто в синофобских текстах можно усмотреть слово «экспансия». Здесь, важно

рассматривать и теоретические основания: элементы политического видения синофобии включают в себя, как и политический реализм, так и неолиберализм. Главный элемент синофобского видения, это те механизмы и средства, которые, якобы, может использовать Китай для реализации своей стратегии. В данном случае, элементы политического реализма выражаются в стратегическом поведении Китая, а неолиберализм в виде средств, т.е. форм экономического сотрудничества и кооперации. Поэтому, часто сторонники синофобии видят экспансию не в виде форм военно-политического противостояния, которое имело место быть в XX столетии, но в виде «тихой экспансии», выражаемой в усилении форм экономического взаимодействия.

Особенностью синофобского восприятия Китая лежит в призма экономического взаимодействия, с вытекающими отсюда последствиями, т.е. миграции, контроля над энергетическими ресурсами, осуществление экономического воздействия и т.д. Сторонники синофобии также склонны к утрированному восприятию своих объектов стереотипов.

Проблема происхождения синофобии как социально-политического феномена обладает своей спецификой. В целом, можно разделить два исторических подхода, которые оказали немаловажное влияние и воздействие на формирование синофобских или антикитайских паттернов мышления. Первое видение, можно отнести к школе евразийства Л. Гумилева, и здесь, также ситуацию, можно рассмотреть в контексте школы социального конструктивизма Б. Бузана и О. Вэйвэра, а именно эволюции геополитических кластеров безопасности, в контексте глобальных исторических процессов. В рамках исследования Гумилева, можно отметить, что предки современных казахов и кыргызов, тюркские, а также прототюркские племена, т.е. хунну вели вековое взаимодействие с древним Китаем. Данная форма геополитического взаимодействия касалась не только военных, но и торговых, культурных и социальных аспектов. В некоторой степени, это выражалось в таких процессах, как китаизация прото-тюркских и прото-монгольских племен, или других этносов.

Но, культурный фактор играл немаловажную роль в формировании данных процессов. Это, с одной стороны, оказало немаловажное воздействие, возможно, выраженное на уровне культурного и коллективного бессознательного у казахов и кыргызов. С одной стороны, что самое интересное, в Центральной Азии, у персидских народов, синофобские настроения встречаются намного реже. Конечно, узбеков нельзя относить к ираноязычным народам, но тем не менее, узбеки испытали колоссальное воздействие персидской культуры. Уровень осведомленности о ситуации в СУАР, среди рядовых граждан Таджикистана и Узбекистана, носит крайне дозированный характер, в отличие от ситуации в соседних Казахстане и в Кыргызстане.

Это также может иметь и исторические корни. Другой немаловажный фактор, это казахско-джунгарская война и далее разгром Джунгарии Цинской империей, что сыграло также немаловажную роль в восприятии Китая, как потенциального противника.

Стоит отметить, что со времени расширения Российской империи в Центральной Азии, и далее с образованием Советского Союза, происходит формирование советско-евразийского кластера безопасности с центром в Москве. На тот момент, Китай, как исторический игрок выпадает из естественной геополитической среды центральноазиатского региона, и поэтому, исходя из этого можно понять первоначальную китайскую стратегию по легитимизации своего присутствия в регионе, в контексте создания ШОС. Вторая версия синофобии, ее нельзя назвать культурной или культурологической, в большей степени ее корни и само концептуальное видение имеют геополитический характер, и берут свой корни в период советско-китайского противостояния.

Как отмечает казахстанский исследователь А. Каукенов, проблема синофобии в большей степени коренится в формате советско-китайских отношений, которые имели место быть в период 60-х гг., с расколом соцблока. Для Советского Союза, был необходим образ врага, в виде ревизионистского и в тоже время коммунистического Китая. Поэтому, как результат синофобия является продуктом советской пропагандистской машины [94]. Также автор склонен отмечать, что для советской общественности на тот момент возникла необходимость в поиске такой далекой и экзотичной страны как Китай. Таким образом, можно сказать, что «китайская угроза», является продуктом советской идеологической машины, и синофобия – это социальный паттерн культурно-ментального пространства бывшего СССР.

Таким образом, постсоветская синофобия, в отличие от этнической синофобии казахов и кыргызов, является продуктом советско-китайского конфликта. Что самое примечательное, по собственным наблюдениям, пользователи интернета отмечают, что якобы пророчества монахов о российско-китайском противостоянии или войне были оформлены или приобрели популярность в период 1970-х гг. Поэтому, постсоветская синофобия охватывает такие страны как Россию, Казахстан и Кыргызстан, где мифы и стереотипное мышление о Китае стали частью общего культурно-ментального пространства. Данный фактор оформил основные послы или паттерны синофобского мышления, которые носят явный и открытый геополитический характер, как миграция, гипотетическая война, «тихая экспансия» и т.д.

В данном случае, существование макрорегионального кластера безопасности, в рамках концепции ТКРБ, можно рассматривать не в призме политического реализма, а в рамках цивилизационно-культурного пространства. Так, согласно, результатам некоторых исследований, которые были проведены в доковидный период, в целом доминирует положительное представление сначала о России, затем идет Китай и США [247]. В целом это может быть объяснено тем, что Казахстан входит в общее с Россией геополитическое пространство, которое образовалось после распада Советского Союза. Казахстан и Россия разделяют общее культурно-ментальное пространство, язык, и человеческие связи. Помимо, этого можно также отметить, и российское информационное поле. Исследователи данного социологического проекта, также отметили, что отношение к Китаю строится на сумме 50/50. В ходе исследования, авторы

ссылаются на такие социальные сферы, как образование и работа за рубежом. Важность данных факторов, заключается в том, что они формируют определенный имидж у страны. В целом, согласно результатам исследования, авторы пришли к заключению, что отношение к Китаю строится на сумме 50% положительного отношения и 50% негативного. В плане восприятия дружественной державы, Китай занимает второе место (15%), уступая значительно России (81%), но опережая США (4%) [247].

Это отражает видение казахстанского социума, который все еще является частью постсоветского геополитического пространства. Немаловажную роль играет и фактор социального конструктивизма. В данном случае, результаты исследования показывают, негативное видение Америки, что может быть обусловлено двумя факторами: первое, это естественные советские социокультурные паттерны, второе, это влияние российских СМИ. В данном случае, стоит учитывать немаловажный фактор социальной, а также социально-политической и социокультурной социализации старшего поколения, которые в своем видении более политизированы и социализировались в период холодной войны. Вообще вопрос политизации играет важную роль в плане формирования видения мира. Здесь, старшее поколение в большей степени увлечено политикой, чем молодежь, возможно в силу двух факторов: первый фактор, это уровень развития цивилизации, и исторических эпох. Для модерна характерна преимущественно форма политического реализма, с его войнами, балансом сил, национальным интересом и геополитикой; в то время, как для молодого поколения, выросшего и прошедшего социализацию в условиях глобализации технологии, экономики и общества потребления, это привело к формированию иной палитры ценностей периода постиндустриального общества и постмодерна.

Если, мы будем оценивать Китай, в рамках общего видения, постсоветского геополитического пространства, то в данном случае, можно будет выделить ряд групп:

– Часть россиян, казахстанцев и кыргызстанцев придерживаются определенного градуса антикитайских настроений. Для них Китай выступает в качестве потенциальной угрозы, и соответственно существует определенная опасность со стороны КНР, в рамках его реализуемой стратегии «тихой экспансии»;

– Другая часть из вышеотмеченных групп, наоборот придерживается нейтрального видения по отношению к Китаю. В данном случае, это преимущественно такие социальные группы, как студенты, специалисты, бизнесмены, т.е. это представители среднего класса и выше. Они, в той или иной степени посещали Китай и знают специфику страны. К примеру, как отмечает ряд экспертов, кыргызские, а также казахстанские студенты вполне позитивно воспринимают Китай, после визита в эту страну. Здесь, можно рассмотреть психологические механизмы формирования антикитайских настроений: у самих рядовых граждан Китая, нет четкого видения и представления о странах Центральной Азии. Для Китая, исторически, регион Восточной Азии, является родным, где в древности, Китай оказал широкое культурное воздействие на

страны региона: Корея, Вьетнам и Япония испытали влияние конфуцианской культуры. Для рядового китайского обывателя, постсоветские страны или СНГ, также представляет с собой экзотический мир, поэтому у рядовых китайцев совсем нет, каких-либо колониальных устремлений захватить эти страны, или оправдать свое влияние абстрактным прошлым. Для них, они чужды, и нужно признать в плане «мягкой силы», это конечно дает Пекину ряд стратегических преимуществ;

– И наименее антикитайский настроенная часть из постсоветского геополитического пространства – это Таджикистан и Узбекистан. Про Туркменистан, мы не будем упоминать, так как страна закрытая, как и в силу природы политического режима, так и в силу географической удаленности. В отношении Таджикистана и Узбекистана, то в данном случае, можно отметить ряд факторов: исторический, персидский мир* (Узбекистан – тюркоязычная страна, но исторически испытывавшая сильное влияние персидской культуры), взаимодействовал с Китаем, посредством торговли, что обогатило культуру Средней Азии. Другой фактор, это закрытость политических систем. Конечно, узбекские и таджикские диаспоры малочисленны в Китае, и, возможно это не оказывает столь сильного воздействия на медийное восприятие Китая, в отличие от Казахстана и Кыргызстана;

– Стоит отметить, что социальный фактор играет немаловажную и определяющую роль в видении синофобии, т.е. мы видим, что уровень образования и глобальной мобильности играет не последнюю роль.

Здесь, данная тематика в большей степени освещена российским исследователем И. Зуенко. Автор разделяет три группы, которые видят Китай в том или ином разрезе: алармисты (синофобы), прагматики (реалисты) и оптимисты [248]. На каждую группу, можно обрисовать социальный портрет: алармисты – это преимущественно рядовые обыватели, которые не обладают личным опытом, либо специализированными знаниями о Китае, прагматики – это преимущественно эксперты, бизнесмены, и люди, знающие специфику страны, и оптимисты – это государственные служащие, разумеется, в силу государственной этики и своего профессионального статуса, они не могут открыто выражать свои мысли.

Здесь, мы можем рассмотреть те социально-психологические и психологические предпосылки, которые существуют у тех или иных социальных групп: алармисты, в большей степени видят мир вполне ограниченным. Проблема синофобии в том, что она создает искаженное восприятие реальности, в некоем утрированном образе, где для рядового жителя Алматы, мир «китаизируется», для рядового жителя Аризоны мир «мексиканизируется», а для рядового жителя Подмосковья «таджикизируется». Таким образом, это приводит к некоторому искаженному восприятию, что не в меньшей степени обусловлено ограниченными познаниями [249].

Т.е. у группы алармистов создается вполне упрощенная картина мира, где они видят мир, фактически в узко стереотипных и рефлексивных обзорах. Группа прагматиков, в большей степени обладает либо специализированными знаниями,

либо навыками т.е. опытом. К примеру, как было отмечено выше, студенты из стран ЦА, видят, что рядовые китайцы не обладают ясным и четким видением о Казахстане или об Узбекистане. Для бизнесменов, к примеру, это их опыт торговли с Китаем. Здесь, также может быть и влияние или воздействие психологического фактора. Он может выражаться в том, что бизнесмены зарабатывают на торговле с Китаем, и соответственно их «позитивное» видение Китая, как политического объекта, связано с тем, что их благосостояние зависит от уровня развития китайской экономики и глобальной политической стабильности. Для другой группы прагматиков, к примеру специалистов по Китаю, Китай, как политический субъект представляется неоднородной структурой. С одной стороны, у Китая есть свой лимиты, но с другой стороны, его внешняя политика также подвержена изменениям и трансформациям. И последняя группа, в лице оптимистов, их можно обозначить как госслужащие. Госслужащие в силу профессионального этикета, не могут открыто выражать свой взгляды, поэтому их можно отнести к группе оптимистов.

Как вывод, по постсоветскому пространству, можно отметить две группы: алармисты в виде России, Казахстана и Кыргызстана, и более умеренные страны в виде Таджикистана и Узбекистана.

Причины синофобских настроений в казахстанском социуме, могут исходить из следующих факторов:

- Исторический контекст, в виде исторического взаимодействия с Китаем;
- Психологический контекст, в виде геополитических объемов Китая, с его демографическими, военными и экономическими возможностями;

Синофобские настроения являются частью казахстанского социально-политического процесса, и преимущественно они связаны с демографическим потенциалом КНР, который может его использовать в политических целях.

В данном случае, синофобию можно рассматривать как совокупность идей либо как социальный конструкт, который имеет свою логическую взаимосвязь. Учитывая особенности антикитайских настроений в азиатских постсоветских странах, и наличие тех или иных схожих параметров мышления, то за основу синофобских паттернов мышления, либо идей, можно взять или рассмотреть взгляды российского публициста Храмчихина А.

Автор приводит ряд доводов в пользу теории китайской экспансии, обосновывая это рядом факторов влияния, как во внутренней, так и во внешней политике Китая. Т.е. внутреннее развитие Китая, учитывая совокупность его демографических, социальных и экономических процессов, приведет к неизбежной экспансии, которая будет выражаться прежде всего в демографических и миграционных параметрах.

Основной довод автора сводится к тому, что «Китай испытывает ряд серьезных экономических и социальных проблем, которые в обозримом будущем могут поставить под угрозу внутреннюю стабильность в стране, если не само ее существование, и которые достаточно сложно решить без ведения внешней экспансии» [250].

Так, автор указывает, что «если Китай к 2031 г. по доходу на душу населения догонит США, то он будет съедать 2/3 мирового урожая зерна, потребление им нефти поднимется на 500% по сравнению с 2006 г., что приведет к нехватке 800 млн т в год мировой добычи, спрос на бумагу вдвое превзойдет мировое ее производство [251]. Китайский политолог Цзинь Цаньчжун задает риторический вопрос: «Начиная индустриализацию, Англия имела население 10 млн чел., но создала «империю незаходящего солнца». США, располагая 100-миллионным населением, создали миф о единственной сверхдержаве. Что же будет означать для мира индустриализация, которую осуществляет Китай с населением 1,3 млрд человек?» [252]. Т.е. потребление ресурсов, в данном плане, выступает в качестве одного из аргументов в пользу неизбежности китайского экспансионизма.

Другой не менее важный элемент, который играет роль в формировании общественного мнения, это утверждения рядом китайских СМИ, где часть России и Казахстана рассматриваются как «территории», утраченные империей Цин в результате «неравноправных договоров», заключенных в XIX столетии [251, с. 327].

На XVI съезде КПК (2002 г.) была выдвинута установка «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», что было названо стратегической задачей и, более того, условием, необходимым для самого выживания китайской нации, а следовательно, и китайского государства. При этом официальный статус получает концепция «чжунхуа миньцзу» — единой китайской нации. Она подразумевает формирование у граждан страны надэтнической государственной идентичности.

Хотя в основе китайской государственности и лежит история и социокультурный код ханьского этноса, как центра китайской нации, в китайской историографии признается немаловажное значение, которое сыграли неханьские династии в исторических территориальных приобретениях Китая, к примеру, где Чингисхан признается национальным героем Китая. Монгольская империя, простиравшаяся в XIII–XV вв. на значительную часть Евразии, сегодня объявляется китайским государством (тем более что формально монголы действительно основали в Китае свою династию Юань, свергнутую китайцами в 1368 г.) [253].

В целом сторонники «тихой экспансии» видят Китай, как государство, которое способно сформулировать долгосрочную стратегию. Обычно сторонники теорий «тихой экспансии» рассматривают Китай, как государство, чьи стратегические интересы и устремления проработаны на долгосрочную перспективу, и упрек, постсоветских режимов, в том, что правительства стран ЦА преследуют частные интересы, забывая об общих интересах. Так, некоторые эксперты указывают, что под влияние политического соперничества, правительства замалчивают проблемы или мало обращают на них внимание, например, такие как неравноправные зарплаты у отечественных рабочих и последствия экономической политики иностранных компаний.

Другой немаловажный психологический аспект «тихой экспансии» заключается в том, что Китай воспринимается как государство, которое формирует долгосрочную стратегию. Суть концепции «тихой экспансии» заключается в том, что китайские стратегические интересы проработаны на долгосрочную перспективу, и поэтому, здесь, мы видим, что синофобия, как социальный феномен тесно связана с футуризмом, с неким и абстрактным видением будущего.

Несмотря на то, что военные аспекты, точнее аспекты угрозы военного характера, также свойственны синофобским паттернам мышления, тем не менее, главной психологической особенностью паттернов антикитайских взглядов стало то, что китайская стратегия рассматривается как минимум на среднесрочную, и как максимум на долгосрочную перспективы. Хотя военные элементы также составляют один из мифов «китайской экспансии», наличие ядерного оружия у России сводит на нет данные домыслы, и исходя из этой парадигмы, военный фактор в данном случае играет не столь значительную роль. Элементы или механизмы мягкой силы, в виде формата экономического взаимодействия, выступают в качестве основного рычага якобы китайской политики экспансии.

Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, один из наиболее известных специалистов по проблемам китайской миграции Ларин А. называет цифру чистого миграционного прироста китайцев в России за 1999–2008 гг. в 205,9 тыс. чел., однако сам же отмечает, что неизвестно, сколько китайцев въехало в Россию до и после этого [254]. Кроме того, эти данные основываются лишь на сведениях о легальном пересечении российско-китайской границы. Не учитывается фактор нелегального перехода границы. При этом на границе между РФ и Казахстаном не ведется, по сути, вообще никакого учета въезда и выезда. Следует отметить, что российско-казахстанская граница является самой длинной в мире границей между двумя государствами, вся она проходит по степи и равнине, где беспрепятственный проход людей и движение автомобильного транспорта возможны в любом направлении не только по дорогам, но и без таковых. Тем более, что даже приблизительно неизвестно количество китайцев в Казахстане, данная проблема в этой стране изучена еще хуже, чем в России. Не более 5% въезжающих в Казахстан китайцев приезжают в него по трудовым контрактам [98].

Ряд российских экспертов не согласны с тем, что китайская миграция представляет собой опасность для РФ. Одно из основных возражений состоит в том, что масштаб миграции преувеличивается. Например, можно привести слова руководителя Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН Э. А. Паина: «Количество китайцев, проживающих сегодня в Сибири и на Дальнем Востоке, просто несопоставимо с количеством китайцев, населяющих такие города, как, например, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж, Лондон» [253, с. 46-59]. Как отмечает сторонник теорий китайской экспансии Храмчихин А.: «по данному поводу следует заметить, что число китайцев в РФ, как было сказано выше, неизвестно даже приблизительно, потому и сравнение со

странами Запада является некорректным. Кроме того, страны Европы и, тем более, Северной Америки не имеют с Китаем общей границы, что делает отторжение их территорий в пользу Китая невозможным» [250, с. 49]. Исходя из суждений автора, можно заключить то, что у китайской диаспоры есть представление о развитых странах Европы и Северной Америки, поэтому китайцев там и больше. Но, фактор географической близости РФ с КНР, а также наличие общей границы, играет ключевую роль в определении секьюритизации Китая, и формирования синофобских нарративов. Здесь, китайская диаспора на Западе, выступает как элемент мягкой силы Китая, особенно это было заметно в период политики экономических реформ, что на социальном уровне «интегрировало» Китай в глобальную экономику, сближая его с «центром», т.е. с Западом. В видении Храмчихина А., демографические и миграционные проблемы могут перейти в плоскость «жесткой силы».

Для Китая, конечно же и открываются новые стратегические перспективы, но, тем не менее, Пекину придется учитывать особенности местного восприятия Китая. Учитывая то, что правительства Казахстана и Китая подписали соглашение о безвизе 17 мая 2023 г., то Китаю придется выработать специальную стратегию во избежание ситуации с усилением антикитайских настроений в Казахстане. Важность данной ситуации, заключается в том, что антикитайские настроения могут привести к «цветной революции». Поэтому, это будет требовать от Пекина особого подхода в региональных делах.

И экономическая политика или торгово-экономическое взаимодействие с Китаем нельзя обозначать исключительно как экономику, потому что в ходе процесса институционализации влияния, она будет неизбежно иметь последствия на иные форматы сотрудничества: безопасность, дипломатия и т.д. Следующее утверждение нельзя назвать в полной мере синофобским, но, тем не менее, его можно классифицировать как опасения насчет роста китайского влияния: по мере усиления Китая, будет идти рост экзистенциальной фобии казахстанского социума по отношению к своему восточному соседу.

Особенностью институционализации китайского влияния в Центральной Азии, за последние два десятилетия стало то, что Китай стал ведущим торгово-экономическим партнером стран региона. Другой важной чертой, стало то, что Сианьский саммит 2023 г. обозначил новые линии сотрудничества, которые выражаются преимущественно в усилении микроэкономической составляющей, т.е. идет усиление сотрудничества между регионами. Целью внедрения безвиза, являются вопросы именно экономического характера. Соответственно, можно предположить то, что приток большей китайской рабочей силы, либо туристов или студентов, может привести к относительному росту антикитайских настроений в социуме.

Здесь, напрашивается вопрос: каким образом Китай может проводить свою политику в регионе, если у населения сильны данные паттерны синофобского мышления? Ведь в рамках китайско-американского стратегического противостояния, нельзя исключать того, что антикитайские элементы, могут стать составной частью «цветных революций». Поэтому, это потребует от Китая

выработки специальной политики. Что самое парадоксальное, то после 2022 г., а именно роста торгово-экономических отношений между КНР и ЦА, происходит постепенное улучшения видения Китая. Хотя, тем не менее, ряд экспертов, склонны отмечать рост антикитайских настроений в Таджикистане. Поэтому, синофобия – это сложный продукт сочетания различных, социальных, социально-культурных и геополитических, экономических факторов.

Контраргументы синофобии в контексте мягкой силы КНР. Китайская мягкая сила сталкивается с двумя противоречиями в Казахстане. С одной стороны, мягкую силу КНР, в плане образования, можно рассматривать в качестве ее экономического продолжения. В данном случае, экономический подъем Китая, открывает экономические, а также образовательные перспективы перед гражданами РК, но, с другой стороны, это служит для усиления некоторых антикитайских настроений в обществе.

Внешняя политика Китая основана на том, что страна декларирует невмешательство во внутреннюю политику других стран и предлагает альтернативный центр экономического и политического развития. Власти Китая продвигают свои ценности через культуру, медицину, СМИ. Особо важную роль играют образовательные проекты Китая. Динамика интереса казахстанцев к получению образования в Китае впечатляет: с 2003 года по 2020 количество студентов из РК в КНР выросло в 750 раз [255].

В чем положительные моменты для китайской мягкой силы в Казахстане. Здесь, аспекты и механизмы китайской мягкой силы, вполне можно сравнить с турецкими. Конечно, Китай и Казахстан, это разносторонние культурно-цивилизационные общности, но что ставит Китай наравне с Турцией, и в чем им существенно проигрывает Россия, это работа с молодежью. Как указывалось выше, основную категорию сторонников синофобии, составляет население ниже среднего класса, которое мыслит в узких и шаблонных фразах. В Казахстане, распространены антикитайские настроения, но посетив Китай, они отходят у студентов. Во-первых, студенты, учащиеся зарубежом, это в основной массе представители среднего класса, преимущественно зажиточного. Во-вторых, их будущая деятельность, она будет в той или иной степени связана с Китаем. К примеру, ведущий казахстанский специалист по Китаю, Адиль Каукенов, не может позволить себе рассматривать острые моменты в политике современного Китая, т.к. его политологическая деятельность связана с Китаем, т.е. с работой в нем. В-третьих, другой стратегический фактор, психологического плана. В Китае, само население, за исключением Синьцзяна не обладает представлением об Казахстане или Центральной Азии. Для рядовых китайцев существуют их соседи, с кем они исторически разделяют общую конфуцианскую культуру – Северная и Южная Корей, Япония и страны ЮВА, а также великие державы – США, Франция, Россия и т.д. Представление о внешнем мире, у рядовых китайцев весьма ограниченное, и это, на подсознательном уровне, снижает градус антикитайских настроений.

Доцент Высшей школы государственной службы Назарбаев Университета Жанибек Арынов провел исследование о влиянии китайского образования на

Казахстан. Он рассказал SABAR.asia, что люди, которые какое-то время учились и работали в Китае, положительно относятся к этой стране.

«По приезду они больше знают про Китай, у них нет односторонних стереотипных восприятий, что Китай — это угроза, что от него нужно отдаляться, отгораживаться. У этих студентов более комплексное восприятие Китая и это хорошо», — считает политолог

Казахстан входит в десятку стран, которые отправляют самое большое количество студентов в Китай — сейчас там обучаются около 12 тысяч студентов из РК. По словам Арынова Ж., институты Конфуция, стипендии в китайских вузах — это сильный инструмент мягкой силы Китая, но не долгосрочный [256].

Здесь, необходимо понимать ту взаимосвязь, которая возникает между жесткой и мягкой силой. Развитие торгово-экономических отношений, приводит к увеличению параметров мягкой силы. Хотя, такие страны, как Казахстан и Кыргызстан обладают весьма сильным потенциалом синофобии, тем не менее, у Пекина есть серьезные контрмеры в виде продвижения паттернов мягкой силы, в виде институтов Конфуция, и далее тех экономических перспектив, которые они открывают [105].

Таким образом, можно подытожить о том, что перспективы синофобии в Казахстане ограничены. Основная категория населения склонна к антикитайским настроениям, но в целом, власть займут люди, из средних и выше слоев населения, которые связаны с Китаем. В данном случае, это вполне логично то, что Китай использует образование в качестве не просто инструмента мягкой силы, но и даже можно отметить стратегической мягкой силы. Для Запада, модель образования, это продукт постиндустриальной экономики, где кандидат должен быть фактически совершенным, идеальным, со стопроцентным знанием английского, французского или со знанием математики высшей школы в социальных науках. Для Китая, модель образования, это продвижение его стратегических нарративов в развивающихся странах, где китайская стратегия обладает долгосрочным видением.

Исходя из теории социальной страты, где потенциал синофобских настроений рассматривается через призму класса, то, тогда образование можно рассматривать как стратегическое ответвление мягкой силы Китая. В будущем, даже можно предположить о том, что образование может стать мостом для формирования более расширенных социальных связей, как потенциал. Особенностью постсоветского геополитического пространства является наличие социальных связей между странами макрорегиона. Но, время идет, и происходит демографическое и поколенческое сдвиг. В этом плане, происходит деградация и распад социальных связей. Поэтому, для Китая, образование, это рычаг для «синизации» элит, т.е. их китаизации. В этом плане, Россия и Индия, будут серьезно проигрывать Китаю.

Основной характеристикой постсоветского геополитического пространства, является то, что связующим звеном выступает формат социально-культурных связей, ориентированных на Москву. Одним из важных социальных механизмов России в Центральной Азии выступает фактор социализации

(пост)советских элит, что играет немаловажную роль в плане существования постсоветского геополитического пространства. В этом случае, для Китая возникает необходимость в создании условий, для работы с молодым поколением. В плане элиты, наиболее подходящими примерами могут выступать две страны: Таджикистан и Туркменистан.

В этом плане, Китай, благодаря своей мягкой силе, может переориентировать эти контакты на себя. Пример Таджикистана, а именно, сына президента РТ, Эмомали Рахмона, Рустама Рахмона, в данном случае, выступает наиболее подходящим примером, «синизации», т.е. китаизации элит. Поэтому, китайская стратегия мягкой силы, в данном случае, обладает отработанной стратегией, рассчитанной на долгосрочный период. Рустам Рахмон, в качестве мэра Душанбе, активно принимает участие в реализации общих экономических проектов с Китаем, что способствует его прокитайской «социализации» [67]. Другой пример, это визит Си Цзиньпина в Туркменистан, который состоялся в 2024 г. В данном случае, с точки зрения процесса социализации, это может говорить о том, что Китай придает легитимность тому или иному правителю в регионе, и поэтому то влияет на процесс личного взаимодействия между Си и Бердымухамедовым, так визит главы Туркменистана в Пекин, в начале 2023 г., где стороны подписали множество документов, касательно вопросов торгово-экономического сотрудничества.

Таким образом, несмотря на активную дискуссию о том, что синофобские нарративы сильны в регионе, тем не менее, нельзя преуменьшать потенциал мягкой силы Китая, которая сосредоточена в сфере образования, и исходя из этого, входит уже в сферу будущих бизнес-интересов и развития деловых кругов. Это, в свою очередь приводит к «синизации» элит, что указывает на то, что мягкая сила Китая имеет долгосрочную стратегию.

Здесь, напрашивается вопрос: каким образом Китай может проводить свою политику в регионе, если у населения сильны данные паттерны синофобского мышления? Ведь в рамках китайско-американского стратегического противостояния, нельзя исключать того, что антикитайские элементы, могут стать составной частью «цветных революций». Поэтому, это потребует от Китая выработки специальной политики. В данном случае, также показателен пример Таджикистана. Хотя синофобские паттерны мышления избежали влияния в Таджикистане, как в России, и в Казахстане, но с усилением торгово-экономического сотрудничества с Китаем, это ведет к росту антикитайских настроений в стране. Если в случае с Россией или с Казахстаном, синофобия имеет исторические предпосылки, то в случае с Таджикистаном, это является продуктом усиления китайского присутствия в стране.

Но, с другой стороны, нельзя оценивать синофобию однобоко, т.к. мягкая сила Китая в сфере образования тесно взаимосвязана с перспективами экономического развития, и карьерного роста. Хотя, ряд экспертов и утверждают о том, что пик актуальности учебы в КНР прошел, тем не менее, учеба в Китае открывает возможности для студентов, тем более это имеет косвенное, но сильное влияние на поддержание бизнес-связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль Китая в современной системе международных отношений имеет тенденцию к усилению и большей частью это проявляется в геологических и геоэкономических аспектах в контексте новой стратегической реальности и баланса сил. Особенностью геополитики в начале 21 столетия, стало то, что геополитический подъем Китая, стал генерировать основные тренды мирового развития, а вопросы безопасности преимущественно сместились в сторону Азии.

Центральная Азия как регион все больше становится одним из основных фокусов китайской внешней политики в Евразии и это имеет свои тенденции и последствия. Институционализация китайского влияния в Центральной Азии, выражается в усилении его влияния.

Анализ внешней политики и дипломатической стратегии Китая показывает действенность модернистских подходов теорий международных отношений.

Неолиберализм объясняет базовые нарративы в китайской внешней политике. Хотя, первоначально может показаться то, что внешняя политика КНР формируется в рамках политического реализма, тем не менее, подходы, выработанные неолиберальной школой, дают большее объяснение. В данном случае, примечателен пример Пояса и Пути, который можно объяснить через призму теории международных режимов. Международные режимы не обладают какой-либо четкой административно-бюрократической организацией, или идентичностью. Это, весьма важный момент в китайском институциональном строительстве. Другой фактор, который также исходит из неолиберальной теории международных отношений, это транснационализм и взаимозависимость, т.к. это создала основу для развития геоэкономики, где геоэкономика выступает в качестве основного механизма внешней политики КНР.

Стратегическое поведение Китая, формируется в рамках политического реализма, куда относятся вопросы дипломатии, военного строительства и геополитики. Неоклассический реализм объясняет достижение максимальной гегемонии, для выживания государства. Данный нарратив Дж. Миршаймера, можно увидеть на примере военной модернизации НОАК и дилеммы безопасности в ИТР.

Теория комплекса региональной безопасности (ТКРБ) применима к тем геополитическим трансформациям, которые происходят в ЦА. Теория комплекса региональной безопасности дает объяснение формированию новых паттернов безопасности, где можно выделить процесс «азиатизации», т.е. уже формирования азиатско-центрической модели безопасности.

В существующих международных и региональных реалиях именно геоэкономика выступает базовым механизмом китайской внешней политики. Геоэкономика, это формула, согласно которой государство достигает своих политических целей посредством экономического влияния или воздействия. Кеохейн Р. отмечает то, что в транснационализации международных отношений, экономическое сотрудничество и институты, тесно взаимосвязаны.

Измерение геоэкономических механизмов КНР важно рассматривать через призму различных микрорегиональных кластеров, в контексте макрорегионального кластера безопасности Индо-Тихоокеанского региона, где геоэкономика выступает в качестве проводника прокитайских институтов. Восточноазиатский кластер безопасности, характеризуется наличием стран, с сильной армией и высоким уровнем экономического развития. В данном случае, китайская геоэкономика, выступает в качестве средства политико-дипломатического давления на Японию, временами на Южную Корею и т.д. Кластер безопасности в Юго-Восточной Азии, определяется следующими аспектами: слабой армией, но сильной экономикой. Хотя в регионе, имеются политические конфликты с Китаем, однако, Пекин искусно применяет средства геоэкономического характера. Таким образом, перспективы институционализации китайского влияния носят средний уровень. В Южной Азии, за исключением Индии, и в некоторой степени Пакистана, слабые экономики и военный потенциал государств региона. Перспективы институционализации выступают в высокой степени. Секьюритизация китайских национальных экономических интересов, привела к росту институционализации китайского влияния в регионе.

И другой, не менее важный фактор, это рост стратегической взаимосвязи между Центральной и Южной Азией. Особенностью Южной Азии, в методологии исследования, выступает тот факт то, что она может служить классическим примером институционализации китайского влияния в регионе, т.к. существует множество схожих моментов.

Уже к началу 2010-х гг., Китай стал ведущим торгово-экономическим партнером для Кыргызстана и Таджикистана. Затем, в 2010-х гг., формируется новый процесс, в виде развития континентальной транспортно-логистической сети Пояса и Пути, провозглашенной Си Цзиньпином, в 2013 г. Геополитическая/геостратегическая особенность Инициативы Пояса и Пути, выступает в двух плоскостях: первое, это то, что геоэкономика становится составной частью механизма региональной безопасности. Геоэкономика, как правило обладает политическими последствиями или эффектом. Другой, не менее важный момент, это географическое переформатирование экономики, т.к. ИПП направлен на формирование континентальных путей. Все это будет, в той или иной степени, способствовать усилению китайского влияния.

Эволюция ШОС, в данном случае выступает наиболее наглядным примером. ШОС, как было отмечено выше, первоначально было ориентировано на сохранность рационального российско-китайского баланса. В новых условиях, функциональность ШОС значительным образом изменилась. Во-первых, это фактор усиления Южной Азии.

В 2017 г., Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС, что подчеркнуло процесс секьюритизации индийско-китайского противостояния. Во-вторых, усиление российско-западных конфронтаций после 2022 г., привело к смещению глобального баланса сил. Россия, до этого, более-менее придерживающееся сдержанного баланса с Китаем, полностью переключилась

на Азию. Распад европейской системы безопасности, усилил биполяризацию системы международных отношений, основанной на китайско-американском противостоянии.

Значительное возрастание китайского влияния в ЦА, привело к формированию нового китайско-центральноазиатского формата взаимодействия, в виде формата Сианьского саммита, т.е. С5 плюс 1, т.к. ШОС, чисто технически в силу присутствия конфликтных Индии и Пакистана, уже не может выполнять прежние функции. Поэтому, мы видим формирование новых дипломатических механизмов.

В целом, в связи с геополитическим усилением Китая, можно отметить, что регион, как в целом, в виде ЦА, как и часть более обширного Евразийского геополитического пространства, переживает процесс «азиатизации», который будет характеризоваться и традиционными, и нетрадиционными аспектами безопасности. Прежде, система региональной безопасности в ЦА носила европоцентрический характер, как и во время холодной войны, так и после, но усиление Китая, создает новые азиатско-центрические паттерны безопасности, где секьюритизация китайских национальных экономических интересов привело к институционализации китайского влияния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Tellis A. The Return of U.S.-China Strategic Competition. US-China competition for Global Influence. National Bureau of Asian Research. – Washington D.C. 2020 –15 p.

2 Zhiqun Zh. China`s New Diplomacy. Rationale, Strategies and Significance. Second Edition // Ashgate Publishing Limited. - 2013 — 230 p.

3 Rollan N. China`s Eurasian century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. National Bureau of Asian Research. – Washington D.C. - 2017 –76 p.

4 Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов // Центр Карнеги. <https://carnegieendowment.org/posts/2017/06/bigger-not-better-russia-makes-the-sco-a-useless-club?lang=ru>. 29.06.2022

5 Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – Т.5. - 279 с.

6 Най Дж. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 69 с.

7 Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of the International Security // Cambridge University Press, 2003 –308 p.

8 Mearsheimer Jh. The Tragedy of Great Power Politics. - New York: W.W. Norton & Company, 2014. - P. – 370-371

9 Keohane R., Nye Js. Power and Interdependence. Pearson; 4th edition. – 2011. –144 p.

10 State Council of PRC. Constitution of the People's Republic of China. Constitution of the People's Republic of China – https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html. 30.10.2024

11 Chinese Communist Party. Official White Papers Issued under the 18th Central Committee of the Communist Party of China, November 2012 – October 2017. China`s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation, 2017.

12. Communique of the Sixth Plenary Session of the 19th Central Committee of the Communist Party of China: http://en.cpcpc.gov.cn/2021-11/12/c_681008.htm

13 The Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs Was Held in Beijing // Ministry of Foreign Affairs of the People`s Republic of China, 2014.

14 Visions and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road // NDRC, People`s Republic of China, 2015. http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html. 25.10.2024

15 A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions
https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html 24.10.2024

16 Договор между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой о дружбе и сотрудничестве, от 9 сентября 2013 г.
<https://lex.uz/acts/2510798> . 30.10.2024

17 Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000420> . 30.10.2024

18 Декларация о создании "Шанхайской организации сотрудничества" от 2001 г. – URL: <https://rus.sectesco.org/20010615/1608450.html> .

19 О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 1996 г.

20 Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 1997.

21 Совместное Заявление участников Алматинской встречи. Документ закрепил договоренность «О созыве по мере необходимости встреч на уровне экспертов, министров иностранных дел, глав правительств и глав государств, для рассмотрения вопросов обеспечения безопасности и расширения сотрудничества в Центральной Азии и на Азиатском континенте в целом» от 1998.

22 Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 25 августа 1999.
<https://cbd.minjust.gov.kg/17529/edition/297581/ru> . 01.11.2024

23. Декларация о создании "Шанхайской организации сотрудничества" от 2001 г. <https://rus.sectesco.org/20010615/1608450.html>. 02.11.2024

24 Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 2002. <https://rus.sectesco.org/20020607/1608507.html>. 02.11.2024

25 Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. - Астана, 2005. <https://rus.sectesco.org/20050705/1609017.html>. 03.11.2024

26. Информационное сообщение о внеочередном заседании Совета министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества <https://rus.sectesco.org/politics/?year=2017>. 03.11.2024

27 Самаркандская декларация совета глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества. – 2022. – 66 р. <https://rus.sectsco.org/politics/?year=2022>. 05.11.2024

28 Нью-делийская декларация совета глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества. <https://rus.sectsco.org/politics/?year=2023>. 05.11.2024

29. Астанинская Декларация Совета Глав Государств-Членов Шанхайской Организации Сотрудничества. <https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html>. 05.11.2024

30 Заявление председателя Третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь». https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202310/t20231018_11163400.shtml. 05.11.2024

31 Полный текст Сианьской декларации саммита "Китай — Центральная Азия" <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html>. 06.11.2024

32 Full text of Xi Jinping's keynote speech at 3rd Belt and Road Forum for Int'l Cooperation https://english.news.cn/20231018/7bfc16ac5_1d443c6a7a00ce25c972104/c.html. 06.11.2024

33 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите "Китай - Центральная Азия" <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html>. 06.11.2024

34 Полный текст выступления Си Цзиньпина на собрании по случаю 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования <https://russian.news.cn/20240628/43cb542793f8467bb5224090974a2c53/c.html>. 06.11.2024

35 Полный текст программного выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия 3-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках "Пояса и пути" <https://russian.news.cn/20231018/ad2207aaf51d4b53b4c51639a21db6ef/c.html>. 06.11.2024

36 Full Text of Foreign Minister Wang Yi's Speech on China's Diplomacy in 2014 // Xinhua News, "New Asian Security Concept for New Progress in Security Cooperation," Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2014.

37 Эксклюзив: Полный текст ответов Ван И на вопросы китайских и зарубежных журналистов о внешней политике Китая <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/354360-eksklyuziv-polnyy-tekst-otvetov-van-i-na-voprosy>. 07.11.2024

38 Joint Statement Third Quadrilateral Meeting of Foreign Ministers of China, Iran, Pakistan, and Russia https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/20241_2/t20241218_11497600.html. 07.11.2024

39 Working Together for Peace, Development and a Brighter Future for BRICS
https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202412/t20241218_11497613.html.

07.11.2024

40 Implementing the Global Security Initiative to Solve the Security Challenges Facing Humanity https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202405/t20240527_11312271.html. 07.11.2024

41 Начался саммит «Центральная Азия - КНР» с участием Касым-Жомарта Токаева. https://www.inform.kz/ru/nachalsya-sammit-central-naya-aziya-knr-s-uchastiem-kasym-zhomarta-tokaeva_a3890492. 02.02.2023

42 Глава государства выступил на пленарной сессии Боаского азиатского форума: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-plenarnoy-sessii-boaskogo-aziatskogo-foruma-2825350>. 09.04.2024

43 Послание Президента Шавката Мирзиёева участникам церемонии, посвященной запуску строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан: <https://president.uz/ru/lists/view/7791>. 10.04.2024

44 Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/7372>. 12.10.2024

45 Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на заседании Совета глав государств-членов ШОС. - Астана. – 2024. <https://rus.sectesco.org/20240705/1427556.html>. 12.10.2024

46 Участие в первом Саммите глав государств «Китай -Центральная Азия»: <https://mfa.tj/ru/main/view/12683/uchastie-v-pervom-sammite-glav-gosudarstv-kitai-tsentralnaya-aziya>. 12.10.2024

47 Российско-китайские переговоры. Владимир Путин по приглашению Председателя КНР Си Цзиньпина прибыл в Китайскую Народную Республику с двухдневным государственным визитом. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74045>. 12.10.2024

48 Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином В формате видеоконференции состоялись переговоры Владимира Путина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. <http://kremlin.ru/events/president/news/76137>. 12.10.2024

49 О переговорах Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в Китайской Народной Республике. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1943289/ 12.10.2024

50 Встреча Михаила Мишустина с Председателем КНР Си Цзиньпином . <http://government.ru/news/50461>. 12.10.2024

51 China's Foreign Affairs. Department of Policy Planning. Ministry of Foreign Affairs. People's Republic of China, 2019. - 68 p.

- 52 General Administration of Custom's PRC. <http://english.customs.gov.cn/Statics/57de06a8-279a-4ee7-952c-d4ce287404e1.html>. 12.10.2024
- 53 The Observatory of Economic Complexity .<https://oec.world/en>. 01.09.2024
- 54 Евразийская экономическая комиссия. <https://eec.eaeunion.org/news/ea-es-kitay-obsuzhdeny-perspektivy-sotrudnichestva-v-tamozhennoy-sfere>. 02.09.2024
- 55 Xinhua. Lizhu Zhoubian, Moupiian Quanqiu “To Gain a Foothold on the Periphery, We Must Look for Opportunities around the Globe” // Xinhua News. - 2015. – 2 p.
- 56 Первый международный транспортный форум ШОС прошел в Ташкенте. <https://www.inform.kz/ru/perviy-mezhdunarodniy-transportniy-forum-shos-proshel-v-tashkente-1b8734>. 03.09.2024
- 57 Ведомости. Мишустин оценил совместные с Китаем проекты в 20 трлн рублей. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/20/1011978-mishustin-otsenil-sovmestnie-s-kitaem-proekti>. 03.09.2024
- 58 Узбекистан и Китай подписали более 15 документов о сотрудничестве. Список. <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-podpisali-bolee-15-dokumentov-o-sotrudnichestve-spisok>. 12.08.2023
- 59 Узбекистан и Китай подписали контракты и соглашения на 25 миллиардов долларов. <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-podpisali-kontrakty-i-soglasheniya-na-25-milliardov-dollarov/>. 14.05.2024
- 60 В Туркменистане построят высокоскоростную автомагистраль длиной 450 км. <https://vestiabad.ru/news/7091/v-turkmenistane-postroyat-vysokoskorostnuyu-avtomagistral-dlinoi-450-km>. 14.09.2024
- 61 Президент Туркменистана поручил ускорить строительство газопровода ТАПИ. <https://www.vestiabad.ru/news/9768/prezident-turkmenistana-poruchil-uskorit-stroitelstvo-gazoprovoda-tapi>. 14.09.2024
- 62 Kaufman D., Parker J., Howell P., Doty G. Understanding International Relations. Fifth Edition. The Value of Alternative Lenses. Russett B. Democratic and Peace Theory? Learning Solutions // US Military Academy, 2004 – 341 p.
- 63 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ Москва, 2007. – 160 с.
- 64 Бжезинский Зб. Великая шахматная доска / пер. О. Уральской. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 151 с.
- 65 Бжезинский Зб. Выбор; Стратегический взгляд / пер. О. Колесникова, М. Десятовой. – М.: Издательство АСТ, 2023 – 299 с.
- 66 Ли С. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства. Валдайский клуб. <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitayskiy-vzglyad-evraziyskogoe-prostranstvo/> 22.02.2022

67 Чжао Х. Создавать ли Китаю и России союз?
<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sozdavat-li-kitayu-i-rossii-soyuz/> 18.01.2021.

68 Пэн Д. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии Китая.
<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-shos-vovneshnepoliticheskoj-strategii-kitaya/>. 01.10.2020.

69 Юй Чж. Политика Китая в отношении Центральной Азии / Юй Чжаочао, А.В. Грозин. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Алетейя, 2020 – 30 с.

70 Kamphausen R. China's Land Forces: New Priorities and Capabilities. China's Military Challenge. Strategic Asia 2012–13 // National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2012. - 28 p.

71 Andrew E. China's Modernization of Its Naval and Air Power Capabilities. Military Challenge. Strategic Asia 2012–13. National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2012. - P. – 30-33.

72 Miller Ch. U.S.-China Competition in the Post-Soviet Space. US-China Competition for Global Influence. Strategic Asia // National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2020. -179 p.

73 Bruster D. The Red Flag Follows Trade: China's Future as an Indian Ocean Power. China's Expanding Strategic Ambitions. National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 177 p.

74 Small E. The China - Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics Paperback. Random House India // Latest edition, 2015. – 110 p.

75 Grare Fr. Managing U.S.-China Rivalry: India's Non-escalatory Reinforcement. US-China Competition for Global Influence // National Bureau of Asian Research. - Washington D.C. – 112 p.

76 Ghiselli A. Protecting China's Interests Overseas. Securitization and Foreign Policy // Oxford University Press, 2021 – 21 p.

77 Блэквилл Р. и Харрис Дж. Война иными средствами / Роберт Блэквилл, Дженнифер М. Харрис / пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2017 – 142 с.

78 Кондапалли Ш., интервью. 27.05.2022.

79 Кондапалли Ш., интервью. 12.06.2022.

80 Кондапалли Ш., интервью. 29.06.2023.

81 Шах А. Russia Loosens Its Belt'', Foreign Policy. - 2020. <https://foreignpolicy.com/2020/07/16/russiachina-belt-and-road-initiative/>.

82 Виноградов А. Россия и Китай: модели развития для Евразии. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы: монография / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 41 с.

83 Кортуннов А. Новая биполярность и последствия ее становления: взгляды Китая и России. РСМД <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/novaya-bipolyarnost-i-posledstviya-ee-stanovleniya-vzglyady-kitaya-i-rossii/>. 07.12.2020 .

84 Кулинцев Ю. ШОС во внешнеполитической стратегии России. 2 октября 2020. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments /analytcs /shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/>. 02.07.2022

85 Истомина И. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России. 28 июня 2019. РСМД. <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/politika-ssha-v-indo-tikhookeanskom -regione-posledstviya-dlya-rossii/>. 08.09.2024

86 Хасанов У. О некоторых моделях региональных взаимосвязей – на примере Центральной и Южной Азии. Валдайский клуб. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-nekotorykh-modelyakh-regionalnykh-vzaimosvyazey/> 16.05.2023.

87 Толипов Ф. Геополитическая арифметика «5+1» в Центральной Азии. САВАР.Asia:<https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii/>. 16.05.2023.

88 Гафаров И. Стратегические подходы России и Китая по вопросу процессов интеграции Центральной и Южной Азии // САВАР.- Asia. <https://cabar.asia/ru/strategicheskie-podhody-rossii-i-kitaya-po-voprosu-protsessov-integratsii-tsentralnoj-i-yuzhnoj-azii/>. 16.05.2023.

89 Умарова Н. Что дает Центральной Азии транспортное развитие Афганистана .САВАР.Asia: <https://cabar.asia/ru/chto-daet-tsentralnoj-azii-transportnoe-razvitie-afganistana/>. 16.05.2023.

90 Салимов Ф.Н., Набиева А. Основные направления деятельности ШОС в современном мире // Молодой исследователь. Таджикский национальный университет. - 2024. №5. – С.314-317

91 Рахимов К. Азицентризм: Россия в поисках новой идентичности . Валдай.<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziatsentrizm-rossiya-v-poiskakh-identichnosti/>. 16.05.2023.

92 Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП. Россия и новые государства Евразии, 2016. - № 2. - С. 37-55

93 Каукенов А., Телеграмм канал, «Записки казахского китаевода», от 18.04.2024 .

94 Как в КНР реагируют на проявления антикитайских настроений в Казахстане?. <https://camonitor.kz/31400-kak-v-knr-reagiruyut-na-proyavleniya-antikitayskih-nastroeniy-v-kazahstane.html>. 16.05.2023.

- 95 Нечаева Е., Кожирова С., Синьцзян как ключевой регион инициативы пояса и пути // Адам Элеми. - 2023. - №1 (95). –
- 96 Нурша А. Путинская Россия: геополитический реванш или агрессивная оборона?: монография // Print House Gerona. - Алматы, 2018 – 522 с.
- 97 Ауелбаев Б. Интервью. - 2024.
- 98 Садовская Е. Мифы и правда о китайском присутствии в Казахстане. <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/mify-i-pravda-o-kitayskom-prisutstvii-v-kazakhstane/#> . 16.05.2023.
- 99 Kukeyeva, F., Zhekenov, D., Dyussebayev, D., & Ordabayev, A. Проблемы транспортных коридоров Центральной Азии в современных исследованиях // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. - 2019. – №85(1). – Р. 22–31. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2019.v85.i1.03>
- 100 Zhekenov D. K., Meiyu Z. Изучение геополитических рисков проекта «Пояс и путь» в Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. - 2020. - №98(2). – Р. 52–61.
- 101 Uzakbayev N., Movkebayeva G. The Impact of the New Members of The Shanghai Cooperation Organization on Power Balance in Central Asia // Journal Of Central Asian Studies, 2022. - №87(3).
- 102 Черных И. Бурнашев Р. Секьюритизация: международный терроризм в Центральной Азии. 2006 . https://www.russianlife.nl /analitika/sbornik_chernikh_burnashev_1.htm. 09.09.2024
- 103 Бурнашев Р., Молдашев К. Взгляд на регионализацию Центральной Азии с точки зрения безопасности .Регионализация в Центральной Азии: Стратегия Казахстана. — Алматы: Фонд Эберта, 2019. — С. 17–27.
- 104 Алдабек Н.А., Бектурганова П.Е., Сериккалиева А.Е., Дауен Д., Асыл М. / П.Е. Бектурганова. Модернизация Китая и Казахстан: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2014 – 348 с.
- 105 Керимбаев Е., Мухаметханулы Н., Тургенбай А., Набижанкызы З. Основные Факторы «Мягкой Силы» Китая В Центральной Азии. https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-01/02.shtml. 09.09.2024
- 106 Aldabek N., Serikkaliyeva A. New concepts of Chinese diplomacy and the Shanghai cooperation organization // Journal of Oriental Studies. – 2016. - №72(2). <https://bulletin-orientalism.kaznu.kz/index.php/1-vostok/article/view/656>. 18.09.2024
- 107 Токеева А., Раев Д., Дауен Д., Один пояс — один путь. Выгоды и перспективы для Казахстана. https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-01/07.shtml. 19.09.2024
- 108 Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma. World Politics. – 1978. - Vol. 30, №2. - Р. 167–214.

109 Tellis A. Pursuing Global Reach: China's Not So Long March toward Preeminence. China's Expanding Strategic Ambitions // Strategic Asia National Bureau of Asian Research. - Washington D.C. – 2019. - 27 p.

110 Охара Б. Структура обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. <https://carnegieendowment.org/research/2016/06/struktura-obespecheniya-bezopasnosti-v-severo-vostochnoj-azii?lang=ru>. - 2016.

111 Scobell A., Burke E., Cooper III C., Lilly S., Ohlandt C., Warner E., Williams J. China's Grand Strategy. Trends, Trajectories, and Long-Term Competition. RAND // Santa Monica, California. –54 p.

112 Finger T. China's View of World Order // Strategic Asia 2012. Uphill Challenges: China's Military Modernization and Asian Security. China's Military Challenge // National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2012. - 353 p.

113 Erickson A. Power vs. Distance: China's Global Maritime Interests and Investments in the Far Seas. China's Expanding Strategic Ambitions // Strategic Asia. - Washington D.C. – 2019. - 249 p.

114 Баклицкий А. Кризис азиатских ракет. Как Китай отреагирует на выход США из договора о РСМД. <https://Carnegie India.org/posts/2019/11/what-the-end-of-the-inf-treaty-means-for-china?lang=ru>. 28.11.2019.

115 Department of Defense. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. <https://media.defense.gov/2021/nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-cmpr-final.pdf>. 31.03.2025.

116 Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. – New York: W. W. Norton & Company, 2011. – 150 p.

117 McBride J. How Does the European Union Work? <https://www.cfr.org/backgrounder/how-does-european-union-work>. 18.07.2024

118 Жусипбек Г., Нагаева Ж. Развитие инклюзивных институтов: опыт европейской интеграции и роль плюралистической идентичности и культуры. Человек. Общество // Культура. - 2018. - № 4 (64).

119 Kissinger H. A New National Partnership. Department of State Bulletin. 1975. Washington D.C. – 199 p.

120 Keohane R., Nye J. Power and interdependence (Toronto: Lettle, Brown and Company, 1977. - 7 p.

121 Morgenthau H. Balance of Power Theory // Understanding International Relations. 5th ed. / Daniel J. Kaufman, Jay M. Parker, Patrick V. Howell, Grant R. Doty. – Learning Solution // US Military Academy, 2004. –207 p.

122 Keohane R. Complex Interdependence Theory // Understanding International Relations. 5th ed. / Daniel J. Kaufman, Jay M. Parker, Patrick V. Howell, Grant R. Doty. – Learning Solution, US Military Academy, 2004. – 506 p.

- 123 Rosecrance R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. - New York: Basic Books, 1986. – 109 p.
- 124 Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники: пер. с англ. / Збигнев Бжезинский. — М.: Прогресс, 1972. — №307(1) – 28 с.
- 125 Председательство Республики Казахстан в ОБСЕ и глобальные вызовы: сборник статей / отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. – 101 с.
- 126 Atlantic Council. The Longer Telegram: Toward A New American China Strategy. <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/atlantic-council-strategy-paper-series/the-longertelegram/>. - 2021. 21.09.2022
- 127 Mearsheimer Jh. The False Promise of International Institutions. ‘The false promise of international institutions // International Security. – 1994. - Vol. 19, № 3.- P. 5–49.
- 128 Gilpin R. The Political Economy of International Relations // Princeton University Press, 1987. - P. 215–217.
- 129 Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после "холодной войны" – М.: Междунар. отношения, 2009 – 22 с.
- 130 Layne Ch. American Grand Strategy after the Cold War: Primacy or Blue Water? American Defense Annual, 1993. Lexington Books, 1994 – 24 p.
- 131 Люттвак Э. Возвыщение Китая наперекор логике стратегии / Эдвард Н. Люттвак / пер. с англ. яз. Н.Н. Платошкина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 – 104 с.
- 132 Wæver O. ‘Securitization and desecuritization’, in Ronnie D. Lipschutz (ed.) On Security (New York: Columbia University Press, 1995), P. 46–86
- 133 Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкрирова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008 – 104 с.
- 134 Christopher J. Pehrson String of Pearls: Meeting the Challenge of China’s Rising Power Across the Asian Littoral. <http://ssi.armywarcollege.edu/pdf/files/pub721.pdf>.
- 135 Rappai M.V. Nuclear weapons in China’s Security Thinking. China’s Military and India // Pentagon Press, Srikanth Kondapalli (edt.) – 2012. - 54 p.
- 136 Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 89 с.
- 137 Keith R. Deng Xiaoping and China's Foreign Policy (Routledge Contemporary China Series. Book 181).- London: Routledge, 2017. - 207 p.

138 Коростиков М. Возможности без желания. Почему Россия не станет вассалом Китая. <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/07/is-russia-really-becoming-chinas-vassal?lang=ru>. 14.06. 2023.

139 Medeiros E. China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification, Santa Monica. - Calif.: RAND Corporation, MG-850-AF, 2009. - 206 p.

140 Medeiros E. and Saunders Ph. China's Global Activism: Strategy, Drivers Tools, Institute for National Strategic Studies Occasional Washington, D.C. // National Defense University Press. - 2006. – 4 p.

141 Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. - New York: Oxford University Press, 2012. - 43 p.

142 Scobell A., Lin B., Shatz H. J., Johnson M., Hanauer L., Chase M. S., Cevallos A. S., Rasmussen I. W., Chan A., Strong A., Warner E., Ma L. At the Dawn of Belt and Road: China in the Developing World // RAND Corporation. - 2018. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2273.html 23.04.2024

143 Keohane R. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. - Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. - P. 5-6.

144 Sargent D. A Superpower Transformed. The Remaking of American Foreign Relations in the 1970s. - Oxford University Press, 2015. – 289 p.

145 Youngs R. «Geo-Economic Futures», in Challenges for European Foreign Policy in 2012: What kind of geoeconomic Europe? ed. Ana Martiningui and Richard Youngs, 2011. - 14 p.

146 Thirlwell M. The Return of Geo-economics», Interpreter, Lowy Institute for International Policy. - https://www.files.ethz.ch/isn/121234/Thirlwell,%20The%20return%20of%20geo-economics_web%20and%20print.pdf. 28.09.2023

147 Фененко А. Современная международная безопасность: ядерный фактор / АВ.А. Веселов. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013 – 231 с.

148 Mandelbaum M. The Road to Global Prosperity. New York: Simon and Schuster, 2014. - 16 p.

149 Luttwak Ed. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. Summer. - 1990. - № 20. - P. 17-23

150 Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства. От Древнего Рима до США, Кучково поле, 2005 – 109 с.

151. Wolf C., Jr., Xiao W., Warner E. China's Foreign Aid and Government-Sponsored Investment Activities Scale, Content, Destinations, and Implications. RAND, 2013. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR_100/RR118/RAND_RR118.pdf. 02.10.2022

152 Kondapalli Sr. and Xiaowen H. One Belt One Road: China's Global Outreach. (Eds) // Pentagon Press. - 2017. - 27 p.

153 Lew J.J., Roughead G., Hillman J., Sacks D. China's Belt and Road: Implications for the United States // Council on Foreign Relations, 2021. - 105 p.

154 Kajimoto T. Japan Finance Minister Says Would Be Desirable for AIIB to Work with ADB," Reuters. -2015: <https://www.reuters.com/article/us-asia-aiib-japan/japan-finance-minister-says-would-be-desirable-for-aiib-to-work-with-aid idUSKB N0MK07T20150324>. 18.09.2022

155 Jamrisko M. China No Match for Japan in Southeast Asia Infrastructure Race .Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-23/china-no-match-for-japan-in-southeast-asia-infrastructure-race> 22.06.2019.

156 Smith S. Japan's Interests in an Era of U.S.-China Strategic Competition. US-China competition for Global Influence. Strategic Asia 2020 // National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2020. - 46 p.

157 Kanwal G., Chansoria M. China Preparing Tibet as Future War Zone. Deccan Herald. <https://archive.claws.co.in/608/china-preparing-tibet-as-future-war-zone-brig-gurmeet-kanwal.html>. 03.06.2011.

158 China's M. Infrastructure Developments in Tibet: Evaluating Trendlines // Centre for Land Warfare Studies // Manekshaw Paper. - 2011. - № 32. – 14 p.

159 Pranab S. China Now Rehearses Capture of Tibet Passes // Indian Express, <http://www.indianexpress.com/news/china-now-rehearses-capture-of-tibetpasses/878174/0>. 20.11. 2011.

160 Khalilzad Z., Shulsky A.N., Byman D., Cliff R., Orletsky D.T., Shlapak DA., Tellis A.J. The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1999. - https://www.rand.org /pubs/monograph_reports/MR1082.html. 18.09.2022

161 Sustaining US global leadership: Priorities for the 21st Century, Department of Defense, 2012 .<https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA554328.pdf>. 20.09.2022

162 A Conversation with U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton," Council on Foreign Relations: <https://www.cfr.org/event/conversation-us-secretary-state-hillary-rodham-clinton-1>. 15.07. 2009.

163 The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region 2019. –8 p..<https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSEINDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>. 25.09.2022

164 Green M., Hicks K., Schaus J., Cancian M. Asia-Pacific Rebalance 2025. Capabilities, Presence and Partnerships. An Independent Review of U.S. Defense Strategy in the Asia-Pacific. Center for Strategic and International Studies. Washington DC. – 2015. - 16 p.

165 Blumenthal D. The U.S. Response to China's Military Modernization. China's Military Challenge. Strategic Asia 2012. National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 2012. - 311 p.

166 Who really owns the Senkaku islands? // The Economist. <https://www.economist.com/the-economist-explains/2013/12/03/who-really-owns-the-senkaku-islands> 03.12.2013.

167 Bradsher K. Amid Tension, China Blocks Vital Exports to Japan . <https://www.nytimes.com/2010/09/23/business/global/23rare.html>. 30.09.2022.

168 Glaser B. China's Coercive Economic Diplomacy. <https://www.csis.org/analysis/chinas-coercive-economic-diplomacy-new-and-worrying-trend>.

169 Inoue Y., Gordon J. Analysis - Japanese rare earth consumers set up shop in China // Reuters. 12.08.2012.

170. Clayton Bradley Doss III. Coercive Levers in Chinese Economic Statecraft: Attributed Across Earth, Rarely Apparent. Naval Postgraduate School Monterey, California, 2012. <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA562717.pdf>. 03.10.2022

171 Yun Zh. «China's Economic Statecraft and the Diaoyu/Senkaku Dispute», Harvard Asia Quarterly 2014. - №16. – 1 p.

172 Perlez J. China Accuses Japan of Stealing after Purchase of Group of Disputed Islands. - New York Times. - 2012 .

173 McClanahan B. Japanese Exports Hit by China Dispute. - Financial Times, 2012.

174 Japan Reports Worst September Trade Figures in 30 Years // Telegraph. - 2012.

175 China Cuts Rare-Earths Mine Permits 41 % to Boost Control // Bloomberg Business. - 2012. 22.03.2023

176 Baisong J. Consider Sanctions on Japan», China Daily, Ambrose Evans-Pritchard, Beijing Hints at Bond Attack on Japan // Telegraph. – 2012.

177 Сакура Ю. Кибератака украли данные о военных самолетах Mitsubishi и ядерных объектах // Asahi Shimbun. - 2011. - № 27372. - 1 с. 23.03.2023

178 Sekiguchi T., Takahashi Y. Japan and the Association of Southeast Asian Nations pledge to work more closely together // The Wall Street Journal. - 2013.

179 Chung J. Views from Northeast Asia: A Chinese-Style Pivot or a Mega-Opportunity? // Global Asia. - 2015. - № 10(3). - P. 22–26.

180 Seoul Decides to Join China's Proposed Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) .Consulate General of the People's Republic of China in New York. - 2015. <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgny/eng/xw/t1249164.htm>. 05.10.2022

181 Ko Ch. Asian Infrastructure Investment Bank and Korea's Position,” Korea Times: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2015/01/197_16 2280.html 04.08.2014. 24.09.23

182 Lee J. South Korea's Strategic Nondecision and Sino-U.S. Competition. US-China competition for Global Influence. Strategic Asia 2020 // National Bureau of Asian Research, Washington D.C. – 84 p.

183 Chinese President Receives Credentials of 7 Ambassadors // Xinhua, 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-05/28/c_138097429.htm. 28.05.2019.

184 Mogato M. China Offers \$14 Million Arms Package to the Philippines: Manila's Defense Minister // Reuters, 2016.

185 Allard T. and Sipalan J. Malaysia to Buy Navy Vessels from China in Blow to U.S. // Reuters, 2016.

186 Lim Min Z. "China, ASEAN Kick Off Inaugural Maritime Field Training Exercise in Zhanjiang, Guangdong // Straits Times, 2018.

187 Minnie C. China Begins Joint Naval Drills with Six Southeast Asian Nations // South China Morning Post, 2019.

188 Heijmans P. The U.S. Fears This Huge Southeast Asian Resort May Become a Chinese Naval Base // Bloomberg, 2019. <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-07-18/u-s-fears-cambodia-resort-may-become-china-naval-base>. 10.10.2022

189 The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China) .<https://pca-cpa.org/ar/cases/>. 11.10.2022

190 Hsiao R. A Preliminary Survey of CCP Influence Operations in Singapore // Jamestown Foundation. - 2019.

191 Cook M. Southeast Asia's Growing US Market // ISEAS - Yusof Ishak Institute. - 2019. - №73. <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/southeast-asias-growing-us-market-by-malcolm-cook/>.

192 How Has China's Belt and Road Initiative Impacted Southeast Asian Countries? // Carnegie Endowment for International Peace.- 2023. <https://carnegieendowment.org/posts/2023/12/how-has-chinas-belt-and-road-initiative-impacted-southeast-asian-countries?lang=en>. 31.03.2025.

193 Salna K., Aditya A. Indonesia May Be Next Asian Country to Spurn China in Election / K. Salna, A. Aditya // Bloomberg, 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-31/indonesia-may-be-next-asian-country-to-spurn-china-in-election>. 31.03. 2025.

194 Suryadinata L. Anti-China Campaign in Jokowi's Indonesia. https://www.pressreader.com/singapore/the-straits-times/20170110/282011852044399?srsId=AfmBOopJ21pfrFJ0mwS2_uMzU2_S8ZCsA6Ue_H1hGY_8Uu4Us618SzR 21.10.2022

195 Glaser B. China's Coercive Economic Diplomacy: A New and Worrying Trend. CSIS. <https://www.csis.org/analysis/chinas-coercive-economic-diplomacy-new-and-worrying-trend> . 06.08.2012.

196 Johnson Ch. comments at Asia Forecast 2014, CSIS Fareed Zakaria, «Southeast Asia Ponders What Is Going On in China», Washington Post, 2013.

197 Reilly China's Economic Statecraft»; Milton Osborne, «New Numbers on China's Cambodia Aid», Interpreter // Lowy Institute for International Policy, 2012. - 36 p.

198 Higgins A., Sanger D. 3 European Powers Say They Will Join China-Led Bank // New York Times. <https://www.nytimes.com/2015/03/18/business/france-germany-and-italy-join-asian-infrastructure-investment-bank.html>. 22.10.2022

199 Wildau G. China Backs Up Silk Road Ambitions with \$62bn Capital Injection. <https://www.ft.com/content/0e73c028-e754-11e4-8e3f-00144feab7de>. 24.10.2022

200 China-Led Asia Infrastructure Bank Gains Support from 21 Countries. <https://www.reuters.com/article/markets/china-led-asia-infrastructure-bank-gains-support-from-21-countries-idUSL3N0RT069/> 24.10.2022

201 Perlez J. U.S. Opposing China's Answer to World Bank // The New York Times. <https://www.nytimes.com/2014/10/10/world/asia/chinas-plan-for-regional-development-bank-runs-into-us-opposition.html> . 24.10.2022

202 Lanteigne, M. Chinese Foreign Policy. An Introduction. - London: Routledge, 2014. – 50 p.

203 Keohane R. The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967-1977, Ole R. Holsti, Randolph M. Siverson, Alexander L. George (eds.), Change in the International System. – 80 p.

204 Risso, A. China's BRI a "Stalking Horse": US Admiral / A. Risso // Canberra Times. <https://www.canberratimes.com.au/story/6630053/chinas-bri-a-stalking-horse-us-admiral>. 31.05. 2025.

205 Ma Shikun. The Truth about China-Africa Relations .China Daily. – 2018. – 25 April. <http://www.chinadaily.com.cn/a/201804/25/WS5adfdaf0a3105cdcf651a58f.html>. 29.10.222

206 Panda A. Sri Lanka and China Wrap Up Silk Route 2015 Military Exercise // Diplomat. <https://thediplomat.com/2015/07/sri-lanka-and-china-wrap-up-silk-route-2015-military-exercise> – 18.07.2015.

207 Hu W. China Ready to Play a Greater Role in Resolving Conflicts in South & Southeast Asia // Global Times. – 2017. <http://www.globaltimes.cn/content/1044849.shtml>. 29.10.2022

208 Su, T. Military Drill in Djibouti Will Not Change China's Defensive Strategy // Global Times. – 2017. <http://www.globaltimes.cn/content/1077295.shtml>. 30.10.2022

209 Medcalf R. Australia and China: Understanding the Reality Check // Australian Journal of International Affairs, 2018. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>.

210 Massive Chinese Investment Is a Boon for Pakistan // Economist, 2017. <https://www.economist.com/asia/2017/09/09/massive-chinese-investment-is-a-boon-for-pakistan>.

211 Poston Jr., D. L., Wong, J. H. The Chinese Diaspora: The Current Distribution of the Overseas Chinese Population // *Chinese Journal of Sociology*. - 2016. Т. 2, № 3. - P. 348–373.

212 CPEC: Business, Security Headache for China, Pak // Business Standard. 2018. https://www.business-standard.com/article/news-ani/cpec-business-security-headache-for-chinapak-118042300083_1.html. 23.09.2023

213 Скосырев В. Китай становится вторым гарантом безопасности Центральной Азии: Соседи КНР боятся потерять поддержку со стороны России. https://www.ng.ru/world/2023-05-18/1_8727_china.html. 23.09.2023

214 Бондаренко К. Внешний долг Таджикистана: растущие риски на фоне хрупкой стабильности. <https://cabar.asia/ru/konstantin-bondarenko-vneshnij-dolg-tadzhikistana-rastushhie-riski-na-fone-hrupkoj-stabilnosti-2>. 24.09.2023

215 Дас Кунду Н. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: улучшение региональной сопряженности Индии // Валдай, 2024. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/koridor-sever-yug-india/> 19.01.2024

216 Prathiba M. S. China Pakistan Economic Corridor, One Belt One Road // China's Global Outreach. - 2017. - 358 p.

217 Joint Statement between the Islamic Republic of Pakistan and the Republic of Tajikistan at the Culmination of the Official Visit of the Prime Minister of Pakistan to Tajikistan. <https://mofa.gov.pk/press-releases/joint-statement-between-the-islamic-republic-of-pakistan-and-the-republic-of-tajikistan-at-the-culmination-of-the-official-visit-of-the-prime-minister-of-pakistan-to-tajikistan#:~:text=%E2%80%8BThe%20resident%20of%20Tajikistan%20and%20the%20Prime%20Minister%20of,way%20for%20further%20enhancement%20of>.

218 Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север — Юг» и его значение для Ирана. Российский совет по международным делам (РСМД). - 2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/>. 28.01.2024

219 Javaid, F. The New Belarus-Russia-Kazakhstan-Uzbekistan-Afghanistan-Pakistan Transport Corridor. November 10, 2023. <https://www.linkedin.com/pulse/new-transport-corridor-dr-faisal-javaid-rgayf/>

220 Интервью с Мамадазимовым А., 03.03.2022.

221 Yanjie L. Security Challenges and Implications of the Russia-Ukraine War in 2022 for China's Belt and Road Initiative // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. <https://drpress.org/ojs/index.php/EHSS/article/view/4392/4243>

222 Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Издание 2-е, испр. и доп. – Алматы, 2003 – 145 с.

223 Стент А. Почему США и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / Анджела Стент; пер. с англ. Елены Лалаян. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015 – 362 с.

224 Лаумулин, М. Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. — 292 С.

225 Чжао Х. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная и Кавказ. — 2004. — № 5. — С. 131-140; № 6. — С. 86-94.

226 Young S., Gronlund L. A review of the 2002 US Nuclear Posture Review // Union of Concerned Scientists Working Paper. — 2002.14. https://www.ucsusa.org/sites/default/files/2019-09/npr_review.pdf. 01.07.2024

227 Kastner S.L., Pearson M. M., Rector C. China's strategic multilateralism // Investing in global governance. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 187 p.

228 Sahgal A. China's Military Modernization: Responses from India. China's Military Challenge, National Bureau of Asian Research. - Washington D.C. – 2012.- 280 p.

229 Толипов Ф. К вопросу о самостоятельной роли организации центральноазиатского сотрудничества в рамках ШОС // Центральная Азия и Кавказ. - 2004. - № 6. - С. 169-180.

230 Тренин Д. Мир, готовься: американо-российское соперничество возвращается. <https://carnegieendowment.org/posts/2014/05/get-ready-world-the-us-russian-rivalry-is-back?lang=ru¢er=russia-eurasia>. 28.09.2024

231 Смагин Н. Иран в ШОС: вынужденный поворот на Восток и альтернативный миропорядок. РСМД, 6 октября 2021 . <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-v-shos-vynuzhdennyu-povorot-na-vostok-i-alternativnyu-miroporyadok/>. 29.09.2024

232 Pantucci R. Не только экономика. Как Китай наращивает силовое влияние в Центральной Азии // Carnegie.ru. – 2021. <https://carnegie.ru/commentary/83949>. 30.09.2024

233 Россия и АСЕАН подпишут Стратегическую программу сотрудничества до 2035 года // Министерство экономического развития

Российской Федерации. https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_asean_podpishut_strategicheskuyu_programmu_sotrudnichestva_do_2035_goda.html.

24.09.2024

234 Евразийские Международные Транспортные Коридоры Kazlogistics. <https://kazlogistics.kz/ru/news/new/836>. 23.06.2024

235 Объем перевозок из Китая в Европу в 2024 году достиг 412 тысяч ДФЭ <https://rail-news.kz/ru/news/19836-obiem-perevozok-iz-kitaia-v-evropu-v-2024-godu-dostig-412-tysiac-dfe.html> . 23.06.2024

236 Китай активизирует создание Цифрового Шелкового пути https://forbes.kz/news/newsid_167492. 24.06.2023

237 Интервью с Дэйли Р. 27.04.2023.

238 Godement Fr. China's promotion of new global values // China's expanding strategic ambitions. — Washington, D.C.: National Bureau of Asian Research, 2019. — 363 p.

239 China reports robust trade growth with Central Asian states. Eurasianet. <https://eurasianet.org/china-reports-robust-trade-growth-with-central-asian-states> 07.09.2024

240 Whiton C. Trump's Russia-Ukraine Reset // The National Interest. - 2025. <https://nationalinterest.org/feature/trumps-russia-ukraine-reset>. 10.02.2025

241 Кортунов А. Русское блюдо в китайском меню. Российский совет по международным делам. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/russkoe-blyudo-v-kitayskom-menyu/?sphrase_id=126100831.

242 Королев А. План Маршалла для глобального Юга: итоги III форума ОПОП. Российский совет по международным делам. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/plan-marshalla-dlya-globalnogo-yuga-itogi-iii-foruma-opop/?sphrase_id=167225343. 20.11.2024

243 Шашкина А. Токаев и Си Цзиньпин договорились увеличить объем казахстанско-китайской торговли до \$40 млрд . <https://kz.kursiv.media/2023-05-19/lsh-kz-china-torgovlya>. 21.11.2024

244 Журавлева Е. Китайский инвестор присматривается к казахстанскому рынку <https://lsm.kz/kitajskij-investor-prismatrivaetsya-k-kazahstanskomu-rynku>. 22.11.2024

245 Eurasianet. (2023). Китай-Центральная Азия: итоги саммита в Сиане. - <https://russian.eurasianet.org/%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F-%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B5>.

07.08.2024

246 Министерство иностранных дел Туркменистана. О встрече со Специальным посланником МИД КНР по делам Афганистана. - <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/4376>. 09.12.2024

247 Laruelle M., Royce D. No Great Game: Central Asia's public opinions on Russia, China, and the U.S. — 2020.

248 Зуенко И. The balance between Sinophobia and discourse on cooperation: Expert opinion on China in Russia and Kazakhstan. Центр Азиатско-Тихоокеанских Исследований ДВО РАН. <https://theasanforum.org/the-balance-between-sinophobia-and-discourse-on-cooperation-expert-opinion-on-china-in-russia-and-kazakhstan/>. 20.06.2024

249 Интервью Жусупбек Г., 29.05. 2022.

250 Храмчихин А. Дракон проснулся? внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России / Александр Храмчихин. – М.: Ключ-С, 2013 – 49 р.

251 Зуенко И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / И. Зуенко. – М.: Наука, 2007. – 327 с.

252 Цзинь Ц. О познании важнейших международных тенденций // Китайские политологи о «послеолимпийской эпохе» и российскокитайских отношениях. – М., 2009. – № 3. – С. 18-23.

253 Москалев А.А. Дискуссии о национализме в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. - 2001, № 3. – С. 46-59.

254 Ларин А. Китайские мигранты в России. История и современность. - М., Восточная книга, 2009. - С. 148–150.

255 Паин Э. (2006). Объектом ксенофобии становится даже правительство. Независимая газета. https://www.ng.ru/ngregions/2006-03-06/9_pain.html. 15.06.2024

256 Рыскулбекова А. Образовательные проекты Китая как инструмент мягкой силы в Казахстане. CABAR.asia. <https://cabar.asia/ru/obrazovatelnye-proekty-kitaya-kak-instrument-myagkoj-sily-v-kazahstane>. 20.12.2024